

"Люби зыбучие пески"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Вайолетт Лайонз

Любви зыбучие пески

Пролог

“Лучше всего пишется, когда влюблен”. С этими словами Эрнеста Хемингуэя трудно не согласиться, но мне все-таки лучше всего пишется... на Майорке.

Этот испанский остров в западной части Средиземного моря, где я бываю чуть ли не каждый год, называют золотым. Потому что над ним всегда висит золотистая дымка, сотканная из легкого тумана и яркого солнца.

В золотистую вуаль нарядилась Майорка и в то утро, когда я отправилась на экскурсионном автобусе из Пальмы, его главного порта, в Вальдемосу – местечко, известное, наверное, всякому поклоннику Фредерика Шопена и Жорж Санд.

За окраиной Пальмы начинается центральная равнина острова, покрытая миллионами миндальных деревьев. С их числом здесь могут тягаться только разве туристы: ежегодно их отдыхает на Майорке до трех с половиной миллионов – не так мало при постоянном населении чуть более шестисот тысяч. Что ж, туризм – главная отрасль экономики золотого острова.

В середине лета, когда мы прилетели на Майорку, урожай миндаля был уже снят, и бурая, выжженная земля между деревьями казалась пустыней. Но в феврале, поведал нам гид, когда миндальные сады начинают цвести, весь остров покрывается пушистым белым ковром, похожим на снег. Настоящего снега на Майорке, конечно, не бывает. И рек здесь нет ни одной. Зато здесь тысячи ветряных мельниц, которые вот уже несколько веков без усталости машут своими крыльями, помогая крестьянам добывать из-под земли воду...

На склонах гор близ старинного монастыря Ла-Карртуха, где в 1838–1839 годах жили Фредерик и Аврора, растет еще одно удивительное дерево Майорки – олива. Низкорослое, мелколистное и невзрачное на вид, оно поражает огромной выносливостью и силой. Тугие серые стволы олив похожи на мозолистые, свитые из жил руки, а их мощные корни уходят в глубину земли, раздвигая на пути камни. Эти деревья не боятся ни зноя, ни промозглого холода, ни времени и живут до тысячи лет...

Глядя на эти удивительные деревья, я подумала: можно ли сравнить вязь их корней и ветвей с переплетениями любовных отношений между мужчиной и женщиной, такими же порой причудливыми, неразрывными и неподвластными времени?

И мне вспомнилась история одной любви. Она начиналась светло и ясно, но затем отношения влюбленных так запутались, что, казалось, им было проще расстаться, чем разобраться в самих себе и друг в друге. К счастью, эта нелегкая любовь оказалась такой же стойкой, как испанские оливы. Свое выстраданное счастье влюбленные обрели именно здесь, на Майорке... Здесь я и запишу эту историю.

1

Сегодня вечером он предложит ей руку и сердце. И попросит ее руки.

Принятое решение Роберто Мадругада считал окончательным и бесповоротным. У него уже готовы были слова, которые надлежало произнести перед Кейт в этот ответственный момент их жизни. Он заучил их наизусть. В ожидании сегодняшнего вечера прошло шесть лет! Они ему

показались целой вечностью. Слишком долгий срок. Слишком изматывающее ожидание, изрядно потрепавшее ему нервы, порой до предела переполнявшее чашу его терпения. Но сегодня этой длительной пытке придет конец. С сегодняшнего вечера Кейт Хиллз станет принадлежать ему!

Приблизившись к главной двери особняка Хиллзов, Роберто нажал на знакомую кнопку и услышал пронзительный, долго не смолкавший звонок. Его лицо перекосила нервная гримаса. Кому-то вполне может показаться, что в дверь ломится полицейский с ордером на арест правонарушителя, а не уважаемый мужчина, решивший наконец сделать предложение мисс Хиллз.

- Мистер Мадругада!

Голос экономки Мэри Ласт, открывшей ему дверь, прозвучал испуганно и настороженно. Обычно Роберто извещал Хиллзов о своем визите как минимум за неделю, и к его приему они готовились со всей тщательностью. Он был почетным гостем дома, его принимали здесь не только как друга, но и как делового партнера. Поэтому нынешний визит мистера Мадругада явился для миссис Ласт полной неожиданностью – своего рода громом среди ясного неба.

- Мы не ждали вас сегодня, мистер Мадругада. Мистер Хиллз ничего не говорил о том, что...

- Не произносите лишних слов, Мэри, – сказал Роберто и резким взмахом руки оборвал ее неуклюжие попытки как-то сгладить возникшую ситуацию. – Он и не мог ничего сказать, потому что я не предупредил его о своем приезде в Нью-Йорк и не обещал заглянуть к вам.

- Но... – Миссис Ласт сделала маленький шаг назад, очевидно чувствуя, что ей следовало бы пригласить неожиданного гостя в дом. Но в следующую секунду сомнения вновь охватили ее, и она пролепетала: – К сожалению, мистера Хиллза нет дома. Он улетел к родственникам в Ирландию. Здесь только мисс Кейт...

- Вот как? Мисс Кейт дома? – У Роберто все было рассчитано. Именно поэтому он говорил безразличным, лишь слегка удивленным тоном, чтобы даже экономка не могла догадаться о цели его визита и о том, что ему было отлично известно об отъезде Уолтера. – Очевидно, она завершила учебу в Оксфордском университете и вернулась домой, не так ли?

- Именно так. Она защитилась и получила ученую степень, а в конце этой недели под выходные прилетела из Лондона в Нью-Йорк. Причем, что удивительно, прилетела сама по себе, одна. Она даже не позвонила отцу, чтобы он ее встретил...

- Одна?

- Вот именно, мистер Мадругада. Я-то думала, она прилетит в сопровождении своего жениха...

Хотя и с опозданием, но все-таки экономка осознала, что держать друга хозяина перед дверью не очень-то вежливо с ее стороны, и, сделав еще шаг назад, она пригласила его:

- Входите, сэр. Милости прошу. Пожалуйста. Я уверена, мисс Кейт будет рада увидеть вас.

Роберто сильно сомневался, что его появление в доме окажется для Кейт приятным сюрпризом. После их последней встречи на скромном домашнем приеме, устроенном ее отцом по случаю Нового года, у него осталось мало надежд, что она будет рада увидеть его вновь. Принимая решение о сегодняшнем визите, он был уверен, что окажется в состоянии устранить любые барьеры и разногласия, если таковые возникнут в начале их разговора. Однако Роберто

никак не предполагал, что у Кейт за это время мог появиться поклонник, который способен спутать ему все карты и тем самым лишить шанса на верный выигрыш. Какая недалёковидность и даже глупость с его стороны!

- Я скажу ей, что вы пришли...

- Но! - в ту же секунду выпалил по-испански Роберто.

Какой же я идиот, самокритично подумал он, осознав, что своим поспешным отрицательным восклицанием на родном языке мог скомпрометировать себя, вызвать у Мэри подозрение в отношении цели своего визита. Но тотчас взяв себя в руки, он расплылся в приветливой улыбке, и его темно-карие глаза уставились в лицо экономки, будто привораживая, притягивая к себе, как магнитом, ее растерянный, обомлевший взгляд. Миссис Ласт вся так и растаяла. И не удивительно. В прежние годы глаза Роберто растапливали и более холодные и твердые женские сердца.

- Мэри, не сообщайте Кейт о моем прибытии. Я сделаю это сам - преподнесу ей маленький сюрприз.

- Разумеется, сэр. Она сейчас в библиотеке.

И миссис Ласт показала на дверь в самом дальнем углу прихожей.

- Я уверена, Кейт будет рада вам, - повторила экономка. - Если хотите знать мое мнение, она сейчас выглядит немножко усталой... Слишком бледна и заметно похудела. Возможно, мисс Хиллз не очень внимательно следит за своим здоровьем, безрассудно растрчивает силы, плохо питается? Меня это, признаться, беспокоит.

- Вот как?

Терпение Роберто было на исходе. Когда же наконец эта женщина оставит его одного? И в тот же момент Мэри, словно угадав его мысли, сдвинулась с места и направилась в сторону кухни. Однако в следующий момент, когда напряжение, едва не парализовавшее все мышцы Роберто, начало спадать, экономка вдруг остановилась, вернулась к гостю и услужливо спросила:

- Может, я принесу в библиотеку кофе? Или выпьете чего-нибудь покрепче... из холодильника?

- Если нам что-нибудь понадобится, я позвоню.

Таким тоном Роберто обычно разговаривал с трудными сотрудниками своей компании. Тон этот требовал незамедлительного и безоговорочного подчинения и всегда давал нужные результаты. Сработал он и на этот раз. Экономка понимающе кивнула, неуклюже раскланялась - и ее каблучки, унося прочь свою нетактичную хозяйку, глухо зацокали в тишине прихожей.

Наконец-то, подумал Роберто и запустил обе пятерни в свои жгуче-черные волосы. На мгновение ему показалось, что Мэри Ласт сразу почувствовала истинное намерение, с которым он явился в дом, и не мешкая взяла на себя роль моральной хранительницы единственной дочери мистера Хиллза, роль защитницы ее чести и достоинства в опасный момент, когда вблизи нее внезапно появился мужчина в расцвете сексуальных сил и желаний.

Тихонько прикрыв за собой дверь библиотеки, он цинично улыбнулся и почти на цыпочках, так, чтобы Кейт не слышала его шагов, направился вдоль стены туда, где сидела его возлюбленная. В намерения Роберто вовсе не входило лишить эту девушку чести и достоинства. Нет, он не

хотел украсть ее цветок целомудрия. Вернее, хотел, но не только... Он хотел украсть ее сердце.

Несколько минут назад Кейт слышала, как кто-то позвонил в наружную дверь особняка, но решила проигнорировать звонок, которого не ждала. Если бы было что-то важное, миссис Ласт сразу проинформировала бы ее. Если же нет, экономка сама сможет принять нужное решение. Эта пожилая женщина знала о повседневной жизни ее отца гораздо больше, чем она сама, особенно в последние годы, когда Кейт училась в Оксфорде и не жила дома. К тому же сегодня у нее просто не было настроения с кем-либо общаться.

- Что же мне теперь делать? - уже в который раз со вздохом произнесла Кейт и, откинув за плечо волну переливающихся каштановых волос, оперлась локтями о письменный стол.

Перед ней лежала открытая книга, и Кейт делала вид, будто читает ее. На самом деле девушка вот уже четверть часа смотрела на одну и ту же страницу и почти ничего не видела: на ее темно-зеленых глазах без конца выступали слезы, и буквы, подернутые почти непроницаемой туманной пеленой, начинали танцевать, прыгать перед ней, как веселые чертики из какого-нибудь старого черно-белого мультяка.

- Что же мне теперь делать?

Молодая женщина снова и снова задавала себе этот вопрос, но не находила на него ответа. Она оказалась в тупике, из которого не могла выбраться.

- Кейт!

Минуту назад она слышала, как скрипнула дверь в комнату, но не придала этому значение. Когда же знакомый голос назвал ее имя и в нескольких ярдах от стола возникла высокая фигура мистера Мадругада, Кейт не поверила своим глазам.

- Роберто?

Ее сердце будто рванулось куда-то из грудной клетки, бешено забилося, и она, резко и глубоко глотнув воздух, едва не впала в шоковое состояние. Кого-кого, но увидеть в этот вечер Роберто Мадругада Кейт ожидала меньше всего. Равно как меньше всего она хотела этого.

Когда-то юная Кейт Хиллз восторгалась каждым дюймом мускулистого тела этого мужчины, мечтала сладостно забыться в его объятиях, утонуть в глубине его глаз цвета темной бронзы. Чеканные черты лица Роберто, казалось, навсегда врезались в ее память, и даже всесильная река времени не смогла размыть их. Высокие, слегка скошенные скулы, изогнутая линия широкого чувственного рта, мощные челюсти и подбородок - эти черты снились ей по ночам на протяжении многих лет.

Что же мне теперь делать? - эта въедливая фраза, рожденная отчаянием, впервые прозвучала в ее душе после разрыва с этим человеком, после его странного, необъяснимого, жестокого поведения. С тех пор эти слова без конца, изо дня в день, срывалась с ее губ, и Кейт порой начинало казаться, что она слушает назойливые позывные какой-то радиостанции, которая забивала в эфирном пространстве все другие частоты. Время от времени девушка прилагала максимум усилий, чтобы замолчать, и тогда вокруг нее воцарялась абсолютная тишина, и некоторое время ничто не раздражало и не трогало ее. Она словно впадала в забытье. Но вскоре тишина начинала давить, и она опять произносила злополучную фразу.

Прошло уже немало месяцев с тех пор, как Кейт оборвала всякие контакты с Роберто. Разрыв произошел на той самой злосчастной новогодней вечеринке, которую устроил ее отец и на

которой боготворимый ею мужчина так жестоко унизил ее. До той вечеринки она готова была целовать землю, по которой он ходил, но в тот вечер, на том скромном домашнем приеме он растоптал своими модными, начищенными до блеска кожаными туфлями ее девичью гордость, честь и бесконечную преданность ему... Кейт постаралась взять себя в руки.

- Если ты хотел поговорить с моим отцом, то его сейчас нет дома...

- Знаю, - отрезал Роберто и слегка нахмурил темные брови. - Я приехал, чтобы поговорить не с мистером Хиллзом, а с его дочерью.

- Со мной?

Насупившиеся брови и резкий тон его слов вызвали у Кейт раздражение, и она решила отплатить ему той же монетой.

- Зачем я тебе понадобилась? - холодно спросила она. Поднявшись из-за стола, по которому уже скользили косые лучи заходящего солнца, Кейт перешла на затененную половину комнаты, бросив на ходу: - Не думала, что ты вообще когда-нибудь захочешь говорить со мной.

- Почему же?

- На той новогодней вечеринке ты дал мне ясно понять, что не хочешь терять со мной время.

Его губы тронула обескураживающая улыбка, и на миг ею овладело такое чувство, будто вокруг ее сердца стала стягиваться цепкая, тугая петля, от которой невозможно освободиться.

- О Кейт, керида, дорогая, ты сама могла тогда дать понять любому мужчине, хотела бы ты проводить с ним время или не хотела.

- Я тогда выпила пару бокалов шампанского, поэтому была в таком состоянии, что... Впрочем, не будем об этом вспоминать.

Нет, она никогда не признается ему, что в тот вечер на нее так сильно подействовало вовсе не шампанское, а лишь одно его присутствие в их доме. Он был тогда в строгом черном костюме и ослепительно белой рубашке и выглядел потрясающе элегантным и неотразимым.

- Ты выпила тогда, может быть, даже не пару, а три или четыре бокала, причем выпила подряд, - с плохо скрываемым ехидством заметил Роберто. - Но все дело в том, что после определенной дозы этого веселого, искрящегося напитка ты стала чертовски привлекательной! Ты сама-то хоть помнишь, какой сладостно-соблазнительной ты была в тот вечер в своем серебристо-синем платье?

Кейт ничего не ответила. Неужели он говорит это искренне? Или это просто очередной дежурный комплимент? Хотя мысли кружили сейчас в ее отяжелевшей голове, как беспокойные чайки в густом тумане, произнесенные им лестные слова в ее адрес что-то пробудили, всколыхнули... Всколыхнули то, что она давно уже считала умершим. Но, оказывается, это "что-то" еще продолжало жить в ее сердце, несмотря на то, что он так унизил и отверг ее в тот новогодний вечер на глазах у всех присутствующих.

Она взглянула на него в упор и спросила:

- Ты решил развлечь меня очередным надуманным комплиментом?

- Все нет... В тот вечер ты была действительно обворожительна, и, чтобы не наделать всяких глупостей, чтобы обуздать себя, я наговорил тебе кучу грубостей, повел себя резко и необдуманно и, вероятно, сильно обидел тебя.

- Когда застолье было уже в разгаре и произносились разные тосты, ты вдруг отшатнулся от меня, как от какой-нибудь заразной шлюхи. А потом... потом до самого конца вечеринки просто игнорировал меня. Не так ли?

- Не так, - твердым голосом ответил он и тряхнул черной копной волос. - Я никогда и ни при каких обстоятельствах не смог бы игнорировать тебя, даже если бы и попытался сделать это. Я равнодушен к тебе с того момента, когда впервые зашел в этот дом и впервые увидел тебя, красивую тринадцатилетнюю девочку; с того момента ты стала важной частью моей жизни. Даже тогда я не мог оторвать от тебя глаз. И я никогда не прекращал думать о тебе. Я думаю о тебе и сейчас, Кейт. Только о тебе.

И не только думал. При встрече с Кейт Роберто не мог наглядеться на нее. Если они случайно оказывались в одной комнате, его взгляд устремлялся только в одном направлении - на эту прелестную девушку. Она казалась ему сияющим чистым лучиком или живой звездочкой, которая горела так ярко, что почти ослепляла его.

И самое нелепое во всем этом было то, что ему никак не удавалось до конца осознать всю глубину своих чувств к этой девушке. До последнего момента он не признавался ни себе, ни ей, что не может жить без нее, не может просуществовать и дня без любви к ней.

Сегодня он пришел, чтобы сказать ей об этом. Но оказалось, что он все еще до конца не осознавал, насколько сильно она действует на него...

Увидев Кейт, Роберто так и обомлел: она удивительно похорошела и расцвела. Многообещающая красота девочки-подростка превратилась в реальную красоту молодой женщины. Ее каштановые волосы переливались на свету, как тронутые сентябрем листья бука, а теплые темно-зеленые глаза мерцали бездонной глубиной омутов. Ее кожа светилась нежностью наливного персика - его любимого плода в детстве, а изящные изгибы и выпуклости придавали ее высокой, стройной фигуре необыкновенную женственность.

Но Роберто дал обещание отцу Кейт не трогать его единственную дочь до дня ее двадцатидвухлетия и поклялся неукоснительно выполнять это обещание. Сегодня он наконец может рассказать ей о своих чувствах.

- Кейт, послушай...

Едва он начал рассказ о своей любви, она недоверчиво воскликнула:

- Ты шутишь!

- Я никогда не шучу подобными вещами, - серьезно ответил он.

- Роберто...

Горькая ирония состояла в том, что она несколько лет мечтала услышать от него те слова, которые он произнес минуту назад. Мечтала и в то же время не предполагала, что эти мечты когда-нибудь могут стать явью.

Она начала сходить с ума по Роберто, когда была еще совсем девчонкой. Он был на восемь лет

старше ее, слыл несмотря на молодость удачливым бизнесменом и владел огромной корпорацией, микроскопическим компонентом которой являлась фирма ее отца. По всем писаным и неписаным законам общества, мужчины, подобные Роберто Мадругада, не обращали, не должны были обращать внимание на девушек ее круга. Да нет, это просто неудачная и злая шутка.

- Знаешь что! Не вешай мне лапшу на уши! Я в жизни не поверю, что нравлюсь тебе! - запальчиво бросила Кейт.

- Почему ты решила, что я обманываю тебя?

Глядя в его ясные глаза, она вдруг подумала, что он вряд ли лгал. В его взгляде не было и намека на желание поиздеваться над ней, и на чувственных губах не было даже подобия улыбки.

- Но ты, должно быть, просто...

- Нет, керида, - тем же серьезным тоном прервал ее Роберто. - Тебе не стоит сомневаться. Тут нет никаких подвохов. Я сказал абсолютную правду. Ты нравишься мне уже много лет.

Вдруг Кейт почувствовала слабость в ногах и, чтобы не упасть, поспешно опустилась в ближайшее кресло, проронив:

- Я не верю тебе.

- А ты поверь!

Роберто склонился над ней, упершись сильными руками в оба подлокотника кресла, и она оказалась в сладком плену: слева и справа от нее играли бицепсы его рук, спереди ее колени касались его крепких ног, а на уровне ее глаз возникла живая стена-барьер в виде мускулистой мужской груди, обтянутой безукоризненно белой рубашкой. Таким образом, даже если бы она и вздумала сейчас бежать, ей это все равно не удалось бы. Из западни, в которую ее заключил Роберто, не было выхода, и ей ничего не оставалось, как продолжать сидеть в кресле и утопать в поблескивающей темно-бронзовой бездне его глаз.

Он находился так близко от нее, что она могла вдыхать чистый запах его тела, смешанный с легким, возбуждающим ароматом какого-то экзотического одеколона (изготовленного скорее всего из соков цитрусовых, мелькнуло у нее в голове). От этой близости мужчины, которого она боготворила уже столько лет, ее нервы напряглись еще больше, пульс участился как минимум вдвое, дыхание стало глубоким и прерывистым.

- Не измывайся надо мной, Роберто, пожалей меня. Или тебе доставляет удовольствие так лестно лгать мне, подвергать меня таким душевным пыткам? Потому что...

- Может быть, твоей душе станет легче, если я поклянусь, что сейчас не лгу тебе, но в прошлом лгал?

- Ты лгал мне?

Ей казалось, что после каждого произнесенного им слова ситуация осложняется еще больше, становится все более странной и запутанной, все дальше и дальше заходит в тупик. В голове мелькнула невероятная, бредовая мысль: настоящий Роберто Мадругада, которого она, по ее твердому убеждению, хорошо знала, был похищен, куда-то исчез, и на его месте появился

двойник – похожий на него как две капли, но совсем другой, совершенно чужой, незнакомый человек.

- Когда ты впервые солгал мне? – От нервного перевозбуждения во рту у нее пересохло, и слова будто не прозвучали, а проскрипели.

- Когда сказал, что ты не интересуешь меня. Когда стал вести себя так, будто ты надоела мне. Когда...

- Нет... Замолчи! Нет, нет, нет! – Кейт всплеснула руками и заткнула пальцами уши, а в следующее мгновение закрыла ладонями лицо. – Замолчи! Это неправда.

Если бы он рассказал ей обо всем этом год назад, когда ей исполнился двадцать один, она запрыгала бы от счастья. Произнеси он те же слова на Рождество или на той злополучной вечеринке, они наполнили бы ее сердце радостью. Но теперь было слишком поздно.

Год назад все у нее в жизни складывалось как нельзя лучше. Теперь же все в ней шло наперекосяк. Потому что даже если хотя бы толика из того, о чем говорил Роберто, было правдой, эта толика быстро превратится в дым, как только он узнает, что...

- Замолчи! – повторила она. На этот раз ее голос прозвучал почти угрожающе.

- Прости.

Я слишком разогнался, а надо бы следить за спидометром, укоризненно сказал себе Роберто. Нетерпение всегда было его недостатком и нередко вредило ему. Вот и на этот раз он проявил излишнюю поспешность и от этого только проиграл. Прояви он сдержанность и самообладание, ситуация, возникшая в библиотеке, наверняка не вышла бы из-под контроля.

А ведь, отправляясь в этот вечер к Хиллзам, Роберто обещал сам себе не допускать в разговоре с Кейт эмоциональных вольностей, выброса скоропалительных слов. Но едва он открыл дверь библиотеки и впервые за несколько месяцев увидел Кейт, вся собранная им в кулак воля и самообладание вмиг улетучились, как дым из трубы. Более полугода он прилагал максимум усилий, чтобы сохранить самообладание, но сегодня при виде Кейт оно испарилось, иссякло, и он уже не мог больше управлять парусом своей жизни с прежней уверенностью и твердостью и плыть в любую сторону, куда вздумается, куда захочет его вольнолюбивая душа.

- Прости меня, Кейт, – повторил он и, оттолкнувшись руками от подлокотников, резко выпрямился. – Ты права: я не должен был подтрунивать и измываться над тобой. С моей стороны это было несправедливо и жестоко.

Что ж, Роберто лишь подтвердил мои подозрения, с грустью подумала Кейт, наблюдая, как он круто повернулся и, согнув плечи и глубоко засунув руки в карманы брюк из тонкого черного вельвета, медленно зашагал прочь по натертому до блеска деревянному полу. Она знала, что он лгал, когда пел ей дифирамбы. Знала, что все его сладкие речи были лишь очередной издевкой над ней, как были издевкой его заигрывания, когда она была еще несмышленной девочкой-подростком, а он, двадцатидвухлетний молодой человек, уже многое понимал тогда в жизни, во многом разбирался.

В те годы он был для нее кумиром, идиолом, путеводной звездой, и она боготворила его. А он лишь насмеялся над ней за это идолопоклонство и с подкалываниями и шуточками принимал от нее добровольные жертвоприношения в виде разных мелких услуг и верноподданнических жестов. И вот теперь он, кажется, решил развлечься с ней подобным же образом.

Только теперь, по прошествии стольких лет, его шутки стали более целенаправленными, язвительными и даже жестокими. Его выпады наносили ей глубокие душевные травмы и вызывали такие острые головные боли, что порой она не могла адекватно реагировать на окружающую обстановку и принимать правильные решения.

Такое отношение к ней со стороны Роберто добавляло горечи и новых ран к тем страданиям, которые успел ей причинить за короткое время их знакомства Мартин Форд.

- Все хорошо, - с трудом выдавила она из себя. - В конце концов ты лишь подтвердил мои сомнения в твоей искренности. Ну а теперь, когда очередной сеанс развлечений для тебя закончился, будь добр - освободи помещение. - Усилив воли она заставила себя гордо вздернуть подбородок и насквозь пробуровать мужчину своими темно-зелеными глазами. - Я хотела бы теперь побыть одна.

- Откуда ты взяла, что я подтруниваю над тобой сейчас, да еще нахожу в этом удовольствие? - Кажется, Роберто был в шоке. Он даже прекратил ходить взад и вперед, как маятник, остановившись посреди сверкающего пола библиотеки. - Значит, ты считаешь, что для меня общение с тобой - это просто забава, игра?

- А разве нет? - Ее подбородок приподнялся еще выше. - Что же это может быть еще?

- Ла вердад! - выстрелил по-испански Роберто. - Правда - вот что это может быть! Я говорю сейчас правду, а не играю с тобой, не отпускаю idiotские шуточки, как ты думаешь. Я мог шутить с тобой, когда ты была девочкой, но сейчас я совершенно серьезен.

- Неужели? О, не говори глупостей! Я не... н-не...

К ужасу Кейт, ее голос начал дрожать, она стала заикаться, нужные слова не приходили на ум сразу. Нет, это было уже слишком. Слишком жестоко с его стороны. Он зашел со своими шуточками слишком далеко. А она была совсем не готова противостоять этой новой, более изощренной форме психологического истязания.

- Я не хочу, чтобы ты так обращался со мной! - выпалила она и громко разрыдалась.

Ее душевные муки, казалось, мгновенно передались ему. Он замер на месте как вкопанный, глаза его сначала сузились, а через секунду закрылись. Возникшая ситуация становилась ужасной. По всему было видно, что девушка не просто впала в уныние, нет. Ее переживания носили гораздо более глубокий и кризисный характер.

- Что с тобой, Кейт? - спросил он. - Что случилось?

Она не могла произнести ни слова и только беспомощно качала головой.

Тогда Роберто вплотную приблизился к ней, ласково обнял ее, нежно провел ладонью по щеке и внимательно заглянул в глаза.

Ее щеки стали мокрыми от слез; прозрачные бусинки растекались поблескивающим горячим веером по всему лицу, мартовской каплей срывались с подбородка. А в это время в темно-зеленой глубине ее глаз, как в миниатюрных колодцах, непрерывно скапливались и выбивались наружу все новые и новые ручейки слез, и ее невероятно печальный взгляд становился похожим на бесконечно теплое и бездонное мерцание двух затемненных изумрудов.

- Керида миа, дорогая моя, почему ты плачешь? Китти...

Это уменьшительно-ласкательное имя слетело с его губ произвольно и совершенно неожиданно. Так называли ее в детстве лишь самые близкие, самые дорогие люди.

- Китти, объясни же мне, что случилось? Полузабытое имя, которым теперь редко кто называл Кейт, подействовало на нее, как струя свежего ветерка, врывающегося в распахнутую форточку, или как бодрящий утренний дождичек, омывающий сонное лицо. Услышав его, она на миг застыла, а потом встрепенулась, оживилась... Назвав ее Китти, Роберто, казалось, на несколько мгновений остановил само время и вернул ее в страну детства - к тем дням, когда жизнь, не отягощенная никакими проблемами и заботами, была сияющей, как весеннее небо, и чистой, как первый снег.

Но уже в те далекие годы она лелеяла мечту, что в один прекрасный день этот мужчина полюбит ее и что где-то впереди на жизненном пути ее ожидает удивительное, яркое и непременно счастливое будущее. Будущее, которое сегодня померкло и стало для нее абсолютно недостижимым.

Кейт пристально посмотрела на Роберто, снова назвавшего ее - после стольких лет! - Китти, и тепло, благодарно, даже почти нежно улыбнулась ему. И вдруг ее мозг пронзила ошеломляющая мысль. Острая, как игла, и обжигающая, как первый поцелуй. Мысль о том, что она должна, просто обязана посвятить Роберто Мадругада в свою печальную тайну.

2

- Китти, объясни же мне наконец, что случилось? - в который уже раз спрашивал ее Роберто. - Что-нибудь с твоим отцом? Ты переживаешь из-за проблем, с которыми столкнулась его фирма?

- Неужели он рассказал тебе о них? - Кейт была в шоке, и вопрос сорвался с ее губ неожиданно для нее самой.

- Разумеется. Ведь я ему как-никак друг.

- Он просил тебя помочь ему? Просил взять его на поруки? И ты согласился?

К этому моменту к ней начали возвращаться силы, руки и ноги заметно окрепли, мозг стал функционировать с достаточной ясностью и четкостью. Если Роберто действительно намеревается помочь отцу, если он отведет от Уолтера Хиллза угрозу банкротства, то это хоть в какой-то мере утешит ее.

- Ты пообещал ему сумму, в которой он нуждается? - с надеждой спросила Кейт.

Выражение лица Роберто мгновенно переменилось. Подбородок, будто высеченный из камня, выдвинулся вперед, темная бронза в глазах еще больше сгустилась.

- Нет, - ответил он мягким голосом, - я ничего ему не обещал.

- Нет? - Она, казалось, не поверила его словам; в ее глазах застыло выражение мольбы. - Ты отказал ему? Не могу поверить, что...

- Должна поверить! - оборвал ее он. Ему явно не понравился поворот в их беседе. - Твой отец посвятил меня в свои проблемы. К сожалению...

- К сожалению! О да. Ну конечно же, ты глубоко сожалеешь и сочувствуешь мистеру Уолтеру

Хиллзу!

Циничный тон, с каким она произнесла эти слова, презрительная улыбка, искривившая ее губы, надменный взгляд исподлобья – все это заставило его передернуться. Возможно, это движение обидело ее, но он был не в силах сдержать себя.

- Ты мог бы выделить ему эту сумму, – продолжала она. – Сумму, в которой он сейчас нуждается. Это капля в океане по сравнению с капиталом, которым владеешь ты. Через год, а то и раньше ты мог бы с лихвой вернуть деньги, которые ему так сейчас необходимы.

- Да, я мог бы выделить нужную ему сумму, – спокойно сказал Роберто, глядя в ее разгоравшиеся яростью глаза.

- Но ты не готов даже к такой ничтожной – по твоим меркам – жертве. А я-то думала, ты действительно был для моего отца другом.

- Я и есть его друг, Кейт, и ты прекрасно знаешь об этом.

Она гордо тряхнула головой, игнорируя его слова, и сверкнувшее в ее глазах зеленое пламя обожгло его настороженный взгляд.

- Такой друг, который никогда не поможет в беде? – резко бросила она ему в лицо.

Роберто глубоко вздохнул и запустил обе пятерни в свои черные, как ночь, волосы. Он рассчитывал, что они поговорят о делах, в том числе о делах Уолтера, потом, может быть, гораздо позже – после того, как решат вопрос о своих личных отношениях.

- Китти, – произнес он очень спокойным, мягким голосом, – моя помощь не принесла бы твоему отцу ничего хорошего. И он понимает это.

- Зато я не понимаю! Не говори со мной загадками и объясни мне простым, доступным языком, в чем секрет твоих гениальных финансовых соображений в отношении моего отца. И, пожалуйста, не называй меня Китти. Возможно, я позволяла тебе употреблять это имя при обращении со мной, когда была еще ребенком. Но я давно уже выросла из пеленок. Я вполне зрелая двадцатидвухлетняя женщина, закончившая трехлетний курс университета и защитившая ученую степень. И у меня уже есть достаточный жизненный опыт.

- Да, ты заметно повзрослела.

Его карие, почти шоколадные глаза скользнули по ее стройной фигуре, облаченной в облегающие джинсы и свободную тенниску, и на несколько мгновений оценивающе задержались на груди, которая, как ему показалось, стала пышнее и выше. Заметив его изучающий взгляд, остановившийся на твердых сосках, которые так бесстыдно и некстати оттопыривали ее тенниску, Кейт невольно задумалась об изменениях в своем теле, произошедших за последние две или три недели.

- Меня зовут Кейт, и я буду очень признательна тебе, если ты будешь помнить об этом.

- Разумеется. Я постараюсь.

Его губы тронула кривая усмешка, что вызвало незамедлительную гневную реакцию женщины.

- Ты опять смеешься надо мной!

- Да разве я посмею? - запротестовал он, и в его глазах блеснули добродушные смешинки.

Этот мужчина чертовски привлекателен, раздраженно призналась она самой себе; раздраженно, потому что в эти минуты ей абсолютно не хотелось замечать в нем не только привлекательные, но даже просто какие-то симпатичные черты. Когда-то она считала его самым обаятельным, самым потрясающим мужчиной в мире. Но больше он уже не был для нее таковым. Особенно сейчас. Впрочем, когда на его лице появлялась вот такая улыбка...

Вот же черт! У меня налицо явное разжижение мозгов, жуткое слабование в момент, когда надо быть предельно собранной и сильной, выругала она себя и постаралась отбросить всякие мысли о Роберто. Но ей это плохо удавалось.

- Мой отец, возможно, и понимает твою точку зрения, - уже более спокойным голосом сказала Кейт, - но в моей голове она не укладывается. Объясни мне ее, пожалуйста.

Нет, мысленно ответил Роберто. Он не намерен объяснять ей свою позицию. Он вовсе не хотел, чтобы она знала о его договоренности с ее отцом - о том, что Уолтер Хиллз не желал брать у него деньги просто как у друга, даже если отказ от этой помощи грозил неминуемым крахом его фирмы. Но он готов был принять помощь от Роберто как от зятя.

- Я возьму у тебя деньги лишь в том случае, если вы поженитесь с Китти, о чем ты давно мечтаешь. Да и она, кажется, тоже, - сказал он ему. - Тогда наша сделка будет носить уже сугубо семейный характер.

Уолтер настаивал, чтобы эта сделка осталась тайной между ними двоими, и Роберто, зная, что только таким путем он сможет оказать реальную помощь своему упрямому другу, был вынужден согласиться с его требованием. Однако сейчас, когда он был один на один с Кейт, соображения лояльности по отношению к мистеру Хиллзу явно оттеснились его чувствами к мисс Хиллз.

Если бы она знала, как действовал на него один только ее взгляд! Сначала преисполненный мольбы, а через минуту - гнева и презрения, он, как нож, пронзал его сердце. Если бы она знала, как реагировало на ее близость все его тело! В нем просыпались и начинали бурлить самые страстные, самые дикие инстинкты человекозверя. С первой же секунды, как только он вошел в библиотеку и увидел ее сидящей за письменным столом, кровь взыграла в нем, и ему захотелось броситься к ней, обнять, зацеловать всю ее.

Но если бы он поддался этому порыву и действительно полез к ней с жадными поцелуями мужчины, изголодавшегося по женскому телу, то оказался бы в наиглупейшем положении. Такое поведение наверняка вызвало бы у нее раздражение и даже негодование. Это в лучшем случае. А в худшем он мог навсегда потерять Кейт.

Огромным усилием воли ему удалось подавить свою страсть.

- Роберто... - В ее голосе слышались нетерпеливые нотки. - Объясни же мне наконец, в чем дело.

- Твой отец оказался в весьма щекотливом положении, - осторожно начал он. - Из-за нынешнего состояния рынков его капиталовложения почти обесценились, и у возглавляемой им фирмы возникли проблемы.

- Тогда почему же ты не хочешь помочь ему?

- Я не имею привычки скупать рушащиеся концерны, - ответил Роберто. - Если я спасу таким образом одну фирму и об этом кто-то узнает, на следующий день у дверей моего дома возникнет очередь из предпринимателей, терпящих бедствие, и все будут ждать от меня спасения!

Выведенный из себя ее укоризненным тоном, он выплескивал резкие фразы ей в лицо и почти тут же жалел об этом, потому что видел, что эти фразы приводили ее в негодование. В который уже раз он проклинал обещания, которыми связал себя с Уолтером Хиллзом.

- Это не разумный бизнес, Кейт.

Но для ее отца он готов был пойти даже на такую сделку. Если, конечно, у него появится шанс заключить ее.

- Ну конечно же, мы всегда должны иметь в виду прежде всего разумный бизнес! - с горечью в голосе отреагировала на его слова Кейт.

- Я не достиг бы своего положения, если бы не имел чувства долга.

- Но, оказавшись в нынешней ситуации, ты, кажется, утратил всякое чувство ответственности и заботы о своем не столь богатом и не таком сильном друге. Раньше ты занимался благотворительностью в масштабах более ощутимых.

- И все равно моя благотворительная деятельность, в каких бы масштабах она ни осуществлялась, не может помочь ему эффективно, - сказал он. - Твой отец увяз в трясине неудач уже слишком глубоко, и он знает об этом. Если он возьмет еще один кредит, ему трудно будет вернуть его. Уолтер задолжал слишком большую сумму слишком многим людям.

Ее молчание свидетельствовало о глубине ее потрясения; но Роберто, сам переживавший в эти минуты нервный стресс, был не в состоянии как-то облегчить ее душевные страдания. Он совсем не предполагал, что их сегодняшняя встреча выльется в такое напряженное противостояние.

- Ты хочешь сказать, - с трудом выдавила из себя Кейт, - что дела у моего отца совсем плохи?

Ей вдруг показалось, что ее голова превратилась в улей и что вместо мыслей в ней кружили сейчас тысячи рассерженных жужжащих пчел, напроць лишивших ее возможности на чем-то сосредоточиться и рационально думать.

- Роберто, скажи мне откровенно: отец... обанкротился?

Ему не нужно было произносить слова. Ответ был написан на его лице, сурово сжат будто высеченными из камня чувственными губами, хмуро очерчен вокруг карих с бронзовым отливом глаз, уставившихся в одну точку.

Наконец Роберто разжал губы и ответил ей. Но совсем не то, что она прочитала на его лице.

- О нет, вовсе нет! - сказал он.

Неожиданно ее ноги ослабли; еще минута - и Кейт рухнула бы на пол, если бы вовремя не подоспел Роберто. Как тигр, охотящийся за дичью, он сделал два или три молниеносных прыжка и с ходу заключил ее в железные тиски своих рук, не позволив ей не только упасть, но даже сдвинуться с места.

- Все хорошо, керида, - сильным голосом прошептал он ей на ухо. - Ты не успела упасть. Все в порядке. Успокойся. Ты цела и невредима.

Цела и невредима. Ее мысли кружились, как мечущиеся чайки над гребнями бушующих волн, и эти два слова были единственным кусочком информации, который укладывался в ее помутневшем сознании. О да, наконец-то она почувствовала себя целой и невредимой. Почувствовала себя в родном доме, в безопасности. Впервые это чувство оттеснило на задворки другое - чувство потерянности, страха и одиночества, которое не давало ей покоя в течение всех этих долгих, мучительных шести недель. Казалось, часть сил Роберто перелилась в нее через его руки и пальцы, крепко сжимавшие ее узкую талию.

Он весь горел, и Кейт ощущала этот жар всем своим обмякшим телом; чистый, мускусный запах его кожи щекотал ноздри, нежно возбуждал ее, и ей хотелось без конца вдыхать и вдыхать этот запах и думать только об одном человеке - Роберто Мадругада. Ее голова, казалось, отяжелела и давила на шею; невольно она положила эту тяжелую голову ему на плечо и в тот же миг ощутила острое желание прижаться к нему грудью, животом, всем телом.

- О, Роберто, - прошептала она и провела ослабевшей рукой по его бицепсам.

- Кейт...

Его голос стал хриплым и жестким. Сердце Кейт забилось сильнее, а через минуту она поняла, что их сердца стучат в одном ритме. Кейт опять вздохнула и поудобнее развернула голову на его плечо; теперь ее губы почти касались гладкой, загорелой шеи мужчины, и удары двух сердец стали раздаваться чаще, четче и еще сильнее.

- Кейт...

На этот раз, когда он назвал ее имя, в его голосе, казалось, прозвучали своего рода предупредительные нотки, но она слишком уютно устроилась на его плече, ей было слишком хорошо рядом с ним, чтобы обратить на эти нотки какое-то внимание. Впервые после окончания университетского курса в Оксфорде и возвращения из Англии в Штаты она чувствовала покой и расслабление, радость оттого, что находится в отчем доме - там, куда ей всегда хотелось вернуться, куда ее всегда тянуло, где бы она ни оказалась и что бы ни происходило в ее жизни.

Неожиданно сердце Роберто будто замерло на миг, но тут же резко подпрыгнуло и рванулось куда-то в новом, более учащенном ритме. В таком же новом ритме забилось и сердце Кейт. И, как и у Роберто, у нее тоже изменилось дыхание: оно стало более частым, прерывистым, жарким.

- Ро-б-бер... бер-то...

От возбуждения ее бросило в жар, и от этого жара у нее пересохло в горле, поэтому произнесенное ею имя мужчины прозвучало глухо, как трущиеся поверхности ржавого железа, и даже с заиканием. Когда Роберто тоже слегка повернул голову, чтобы не давить щекой на ее щеку, Кейт нервно облизнула пересохшие губы, и, хотя ее глаза были закрыты, она знала, что в этот момент он жадно наблюдал за движением влажного кончика ее языка.

Ее веки набухли и отяжелели, и ей пришлось приложить определенные усилия, чтобы открыть их и встретить его прямой, немигающий взгляд. Темно-карие с бронзовым отливом глаза Роберто будто парализовали Кейт, и на миг она почувствовала себя кроликом, которого гипнотизируют фары движущейся машины, когда он попадает под их ослепительные лучи в

кромешной мгле ночи.

Ей не хотелось даже шевелиться. В застывшей позе она нетерпеливо размышляла: что же будет дальше? Внешне она была спокойна до умиротворенности, внутри же у нее все бурлило от ожидания. Кейт знала, что через несколько мгновений наступит момент, которого она ждала всю жизнь. И что этот момент был так же неизбежен, как следующий глоток воздуха или толчок сердца.

- Кейт. - Его голос и на этот раз прозвучал глухо, с хрипотцой, так что ей даже показалось на секунду, что с ней заговорил какой-то чужой человек, а не тот целеустремленный, умный мужчина, каким она знала Роберто чуть ли не с детства. - Мне кажется, я должен поцеловать тебя.

- Я знаю...

- Извини, если ты... Как? Ты знаешь?

Она едва заметно кивнула; жар разгоряченного тела мужчины будто перетекал в нее через его хлопчатобумажную рубашку...

- Да, знаю, - сказала Кейт. - И знаешь, что еще? - Уголки ее рта слегка приподнялись, и она как-то странно, загадочно улыбнулась. - Вероятно, я позволю тебе...

Она не успела договорить фразу, как он резким, грубым движением развернул ее лицом к себе, обхватил ладонью затылок и прижал ее губы к своим губам. Кейт чуть не задохнулась от этого варварского поцелуя, но тут же ответила ему такими же яростными движениями губ и языка. Это был самый страстный, самый похотливый, самый дикий поцелуй в ее жизни. Так ее не целовал еще ни один мужчина. От этого поцелуя у нее перехватило дыхание, закружилась голова, неистово забарабанило сердце...

Руки Кейт, казалось, сами собой, не дожидаясь приказа мозга, обвили его шею, пальцы стали судорожно ворошить и мять черный шелк его волос. Неожиданно она почувствовала через жесткую ткань своих джинсов... Нечто твердое и горячее упиралось в ее живот, пульсируя в такт их сердцам... Кейт с новой силой бросило в жар, и где-то глубоко внутри словно плеснулось что-то, вспыхнуло, как пламя от спички, и в ней вмиг ожили, бурно зафонтировали, забушевали самые древние, самые сильные и необузданные инстинкты рода человеческого.

Охваченная всепоглощающим пожаром желания и страсти, она таяла от блаженства, неосознанно прижимаясь животом к горячей выпуклости на его брюках и слегка двигая бедрами...

- О Боже! - прошептал Роберто, лишь на мгновение оторвавшись от ее трепещущих, горячих губ. - О Кейт, Китти...

Она взглянула на него и увидела в темной глубине его глаз какой-то новый отблеск, нетерпеливое мерцание, вызвавшее в ее воображении одну за другой сразу две картины: сначала - разгорающегося ночного костра с яркими искрами, пропадающими в серебристом лунном сиянии, а потом - восхода солнца, стремительно расправляющего лучезарный веер над спящей землей. И вдруг сердце молодой женщины с новой силой рванулось куда-то, и она тихо вскрикнула от охватившего ее счастливого предчувствия.

- Ты потрясающе красивая... Ты просто... магнифика - великолепная!

Кейт не верила тому, что слышали ее уши. Как же ей было хорошо в эту минуту! Какой прилив счастья вызывали его слова и даже один только голос!

Она чувствовала себя ребенком, расплющивающим нос о витрину кондитерской лавки: у нее разбегались глаза от сладостей, которые были ей недоступны, и вдруг именно в это мгновение, когда она готова была расплакаться от невозможности попробовать хотя бы одну конфетку, выставленную за стеклом, дверь лавки отворилась, на улицу вышел сам хозяин и пригласил маленькую Китти внутрь, чтобы она могла выбрать и отведать любое кушанье – все, что было угодно душе ее.

– Ты... ты, должно быть, просто шутишь, не так ли? – робко спросила она и тут же осеклась, заметив, как он тряхнул головой и тяжело вздохнул.

– Никаких шуток. – Сам тон его голоса, казалось, не допускал никаких сомнений, в том числе с ее стороны, относительно серьезности оценки, которую он дал ее достоинствам. – Неужели я способен шутить о таких вещах?

Его рука мягко заскользила по ее голове, ласково поглаживая каштановые волосы и накручивая их завивающиеся кончики вокруг пальцев.

– Разве я могу, к примеру, шутить о волосах, которые обжигают, как поток лавы, вытекающей из вулкана в кромешной темноте ночи? – Он наклонил голову, поднес к губам прядь волос, которую держал в руке, и нежно поцеловал ее. – Или о глазах, от которых веет ласкающей прохладой и тенистостью оливковой рощи?

Роберто опять наклонил голову и с той же нежностью поцеловал Кейт в глаза. Когда его губы коснулись ее ресниц, она опустила веки и затаила дыхание, и в тот же миг ей показалось, будто у нее остановилось сердце.

– У тебя такая нежная, тонкая кожа, что я боюсь даже прикоснуться к ней, – сказал он. – Кажется, стоит чуточку тронуть ее – и она даст сладкий сок, как нечаянно задетый спелый персик...

На секунду-другую его мягкие пальцы как бы замерли, зависли над ее лицом, а затем начали осторожно скользить вниз, едва прикасаясь к щекам, скулам, подбородку; эти прикосновения были настолько нежны, что по всему ее телу побежали сладостные мурашки.

Вслед за пальцами тот же путь – от корней волос до шеи – проделали его губы. Как только они коснулись ее лба, она в блаженной истоме закрыла глаза и не открывала их до тех пор, пока кончик его языка, скользнув по шее, не начал щекотать мочку ее правого уха.

– И разве я могу превратить в объект шуток твой ротик, который так притягивает к себе и который я готов целовать до бесконечности? – сказал он, как только его губы вновь соприкоснулись с ее губами.

Роберто осыпал ее градом страстных, безудержных поцелуев, от которых у нее забурлила кровь, сладостно закружилась голова, а танцующее сердце от избытка счастья готово было в любой момент выпрыгнуть из грудной клетки.

Плотно прижавшись к нему и выгнувшись дугой вдоль его крепкого, мускулистого тела, она вся горела; ее дыхание на мгновение остановилось, когда она явственно, трепетно и жарко ощутила как неумолимо возрастает свидетельство его мужского интереса к ней. Это было безусловным доказательством того, что он вовсе не намеревался просто подразнить ее, как

делал в прошлом. Около нее стоял молодой, здоровый, сильный мужчина, который хотел ее. Хотел как женщину. Хотел обладать ею. Может быть, даже сию минуту, прямо здесь, в библиотеке...

А разве она сама не хотела, чтобы он завладел ею прямо сейчас? Она подумала об этом без всякого стыда. О, ради Бога, как и где угодно, патокой текли в ее сознании сладострастные мысли. Пусть даже перед окном или... или на письменном столе. Хотя лучше все-таки на диване...

Роберто уже не мог да и вряд ли стремился скрыть от нее самое древнее и самое неукротимое желание человечества.

И она полностью разделяла его желание. Она жаждала близости с этим мужчиной, ее трепещущее сердце сгорало от страсти, нервы напряглись до предела... Чтобы дать хоть какой-то выход охватившему ее желанию, Кейт жадно отвечала на неистовые поцелуи Роберто, с силой сжимала пальцами его широкие, сильные плечи, и прижималась к нему пылающими бедрами...

- Полагаю, нам было бы гораздо удобнее, если бы мы...

Кейт не дала ему закончить фразу, оборвав ее новым жадным поцелуем. Ей не нужны были слова... Роберто подхватил ее под руку, и она в полузабытьи, в тумане, послушно зашагала рядом с ним к большому, пышному дивану, стоявшему перед огромным камином в центре библиотеки.

Он сел, увлекая ее за собой, и Кейт послушно опустилась на широкий диван, дала ему привлечь к себе ее податливое тело и с готовностью приоткрыла губы ему навстречу.

- Китти...

На этот раз она не посмела возразить против использования им ее детского имени. Оно прозвучало в ее ушах мягко, нежно и соблазнительно. Кейт уловила в его голосе интонацию счастливого благоговения и нотки полной уступчивости и даже подчинения ей.

Сделав это маленькое открытие, Кейт обнаружила, что вместе с ним, с этим открытием, к ней пришло тайное чувство власти, которой она не замедлила воспользоваться: ослабила его галстук и расстегнула воротничок рубашки. Как только ее глаза увидели загорелую кожу на шее мужчины, ей вдруг захотелось осмотреть и другие участки его светло-коричневого тела. Смелая до дерзости, совершенно дикая женщина вдруг заняла место нежной и робкой Китти. Именно она наклонилась и прижалась ртом к тому месту на брюках Роберто, где четко выделялось его мужское начало; немалых размеров холм равномерно пульсировал, и дикая женщина чувствовала, как под ее губами то поднимается, то опускается разогретая его плотью ткань...

- Китти! - воскликнул Роберто полупшепотом.

Кейт поняла, что этот отчаянный выкрик был сигналом к его отступлению, к полной сдаче оружия. Женщина вынудила мужчину уступить ей, сдаться. Китти победила. Одним энергичным движением Роберто метнул свое тело на широкую поверхность дивана, распростершись на спине, а Кейт расположилась полулежа сбоку около него.

Дрожащими руками он вытащил из ее джинсов края белой тенниски и ласково провел ладонью по обнажившейся узенькой талии. На мгновение у нее перехватило дыхание, а когда ее взгляд

наткнулся на удлинённый бугор под его брюками, ее соски вспыхнули и вмиг затвердели до болезненной тугости.

- Ке белья, магнифика, экскисита - такая красивая, великолепная, элегантная! - Перейдя на свой испанский, Роберто, казалось, не говорил, а напевал в полузабытьи какой-то импровизированный речитатив или изысканную арию. После коротенькой паузы он сказал уже по-английски: - Кейт, ты всегда будоражила мое воображение, будучи еще девочкой-подростком, а теперь, став женщиной...

Слова замерли на губах мужчины, когда его глаза, пылающие страстью, встретились с ее глазами и тотчас стали погружаться в их темно-зеленый омут. Так, не мигая, они долго смотрели друг на друга... Потом на какое-то мгновение ему (а возможно, и ей?) показалось, что время остановилось. Но мозг продолжал автоматически отсчитывать пролетавшие секунды, сливавшиеся в вечность, и в одну из этих секунд Кейт вдруг услышала беззвучный вопрос Роберто, а в следующую секунду на этот вопрос был дан ей такой же беззвучный ответ. Но он оставался неподвижным.

Она попробовала догадаться, о чем думает Роберто, почему он медлит, когда она так недвусмысленно продемонстрировала свою готовность принадлежать ему здесь и сейчас? Ну конечно, он все еще воспринимает ее как ребенка, как шаловливую девчонку, которая когда-то бегала за ним по пятам и старалась любыми способами обратить на себя его внимание. Может быть, и ее смелые ласки он воспринял как шалость несмышленной девчонки? Вышла ли она из детства? Способна ли вести себя с ним по-взрослому? Или же еще недостаточно созрела для взрослого поведения? Кейт была уверена, что именно такие мысли терзали сейчас Роберто.

Но неужели он не видел и не ощущал ее пылкую страсть, безудержное желание? Неужели этот мужчина, у которого наверняка было столько разных женщин, не видел в ее глазах молчаливого ответа на свой немой вопрос? Если он в самом деле не видел ничего этого, если он слеп и не может догадаться, почему она легла рядом с ним на диван, что ж, ей придется напрямую подсказать ему, чего ей хочется сейчас больше всего на свете и почему так томительно пульсирует ее увлажнившаяся плоть...

Кейт первая нарушила их молчаливую неподвижность. Она наклонилась над Роберто и стала целовать его губы, между тем как ее отчаянная рука легла на горячий холм и слегка сжала его...

- Роберто, если ты хочешь знать мой ответ, то он звучит положительно - да! - с придыханием прошептала она ему на ухо. - Если ты хочешь меня, тогда - да, да, да! Вот мой ответ. Я твоя здесь и сейчас. Возьми меня где и как хочешь... Я согласна на все.

Роберто ничего не произнес в ответ. По крайней мере, ничего внятного. Он лишь промывчал что-то нечленораздельное и, насколько могла понять Кейт, смачно выругался по-испански. А минуту спустя его горячие пальцы, поднырнув под край ее эластичного бюстгалтера, уже жадно ощупывали и мяли грудь, больно теребили затвердевшие соски; теперь он так спешил, что даже не растегнул на ее спине застежку лифчика. От его вероломных, грубых ласк Кейт бросило в жар. Ее голова запрокинулась назад, глаза томно уставились в какую-то невидимую точку, а спустя мгновение она издала произвольный гортанный звук, похожий на приглушенный крик. Она все больше приходила в экстаз, и это еще сильнее раззадоривало Роберто.

- О Боже! - воскликнул он и добавил по-испански: - Пор Диос!

Стянув с Кейт тенниску, Роберто отшвырнул ее в сторону и, вновь погрузив пальцы в упругую пышность женских грудей, сказал:

- Кейт, любовь моя, амор мио, ты так повзрослела! Когда я видел тебя последний раз, ты была еще совсем девочкой. - Влажный кончик его языка опять коснулся ее соска, и она вся затрепетала от страсти. - У тебя так раздалась грудь, так вытянулись, затвердели соски! Ты стала настоящей, совсем зрелой женщиной. Я так хочу тебя!

“Затвердели соски... Стала настоящей, совсем зрелой женщиной. Я так хочу тебя”. Эти слова начали бесконечно прокручиваться в мозгу Кейт, и она неожиданно протрезвела. О да! Она теперь женщина, зрелая женщина... Беременная женщина.

- Нет!

Ее громкий, душераздирающий крик диким эхом прокатился по всей комнате.

- Нет? Почему?! - Всего секунду назад она млела, горела в его объятиях, а теперь... - Не может быть, чтобы ты...

- Может! Я не хочу...

- Ты лжешь!.. - Его нервы сдали, он уже не мог терпеть и разрядился на полную катушку. - Ты... мелкая...

- Ты опять... пытаешься подколоть меня, как в те годы, когда я была ребенком!

- Нет!.. Вовсе нет!

Неожиданно найдя в себе силы, Кейт вырвалась из его объятий и устремилась по сверкающему полу к мраморному камину. Закрыв ладонями голые кремовые груди, она так сильно тряхнула головой, что ее каштановые волосы рассыпались по шее и плечам.

- Ты должна верить мне! Я вовсе не подкальваю тебя. И говорю тебе об этом честно. - Обе пятерни Роберто опять утонули в ее волосах. - О, керида, перестань. Ведь ты уже не девочка. И я не слепой! Я видел страсть в твоих глазах, слышал ее в твоем голосе. Разве не ты сказала: “Если ты хочешь меня, тогда - да, да, да!”

- Да, я сказала это. Да, я твоя... Ты можешь взять меня где хочешь и как хочешь. Да, я сказала это несколько минут назад. Но не говорю сейчас. Не так ли?

- Так.

- Я знаю, что сказала об этом, но...

Но что? Этот вопрос застрял у нее в мозгу, и она не могла найти на него никакого вразумительного ответа.

- Но я... я ничего в тот момент не соображала.

Оказавшись в его объятиях, поддавшись чарам его жарких поцелуев, она действительно ничего не соображала. На несколько минут она представила себя прежней Китти, влюбленной в Роберто Мадругада, который явился перед ней сказочным принцем, мечтой всей ее жизни.

Но она уже не была той девочкой. Из Китти она уже давно превратилась в Кейт, и на смену

детству пришла пора зрелой женственности. Теперь она не могла думать только о себе самой. Теперь...

- Не важно, что я сказала тогда, потому что... я не могу. Не могу...

- Не можешь? Не можешь чего? - спросил он.

Роберто уселся на диване, уставившись в ее омутные, темно-зеленые глаза, и, с трудом взяв себя в руки, спросил:

- Кейт, чего ты не можешь?

- Я не могу... спать с тобой. Равно как с любым другим мужчиной.

- Но почему же?

На этот вопрос Кейт не могла ответить так сразу, потому что знала, какой будет его реакция - он отвергнет ее, обвинит во всех смертных грехах... А она чувствовала себя слишком потерянной, слишком уязвимой, чтобы выдержать его гневный натиск. Поэтому она просто промолчала, а чтобы не встречаться с его потемневшими от злости глазами, стала молча смотреть в окно.

- И все-таки, Кейт... почему же?

По его тону она почувствовала, что он не отстанет от нее, пока не получит должного ответа. Когда ему что-то было нужно, он становился упрямым до настырности и никогда не отступал, пока не добивался своего. И теперь был именно тот случай, когда он ни за что не отступит. Роберто хотел услышать от нее правду.

- Почему ты не можешь вступить в любовную связь со мной... или с любым другим мужчиной? - повторил он свой вопрос. - Ответь же мне, Кейт. Или ты хочешь, чтобы я хорошенько встряхнул тебя и...

- Ну хорошо. Я отвечу! - бросила Кейт. - Ты захотел услышать правду? Ты ее получишь!

- А именно? - безжалостно допытывался Роберто, чувствуя, что она все еще колеблется. - В чем же правда?

- В том, что я беременна! - на одном выдохе выпалила Кейт. - У меня был роман в университете... Я совершила ошибку - и вот результат: через семь месяцев у меня родится ребенок.

3

Роберто не поверил своим ушам. Слова Кейт просто ошарашили его. Но он должен был как-то прореагировать на них, должен был хоть что-то сказать в ответ, и он произнес:

- Что ты сказала?

Фраза была глупой, неуместной, но она по крайней мере заменила крик. Да, ему хотелось закричать, хотелось наговорить ей кучу гадостей, потребовать от нее ответа на законный вопрос: почему она сделала это, почему отдалась другому мужчине, когда принадлежала ему? Или она не знала об этом? О том, что не имела никакого права вступать с кем-либо в какие-либо отношения, тем более интимные? А ведь он так надеялся на нее! Так верил ей... И вот все

его надежды обернулись прахом.

Его скрутила дикая ревность. К ревности прибавлялась жуткая боль, а к боли – слепая злоба от мысли, что она предпочла в постели какого-то другого мужчину и зачала от него ребенка.

- Что ты сказала? – повторил Роберто, не услышав от нее ответа и наблюдая, как расширились ее глаза и задрожали губы.

- Ты прекрасно слышал, что я сказала! – бросила ему женщина. – Могу повторить для притворяющихся глухими: я беременна.

- О Господи! И как же это произошло?

- Я... Кстати, ты не мог бы вернуть мне тенниску? – сказала Кейт, неожиданно сменив тему разговора. – Я предпочитаю разговаривать в одетом, а не в голом виде. – И она указала на белую рубашку, которую он в порыве страсти стянул с нее и бросил на пол.

Роберто ничего не оставалось, как выполнить ее просьбу, и она, отняв от голых грудей руки, повернулась к нему спиной, когда стала надевать тенниску.

Дрожащими пальцами Роберто застегнул пуговицы на своей рубашке и приложил максимум усилий, чтобы собраться с мыслями и взять себя в руки. Надев тенниску, Кейт повернулась к нему и вновь услышала тот же вопрос:

- Итак, ты объяснишь мне, что произошло?

Неожиданно она почувствовала себя школьницей, которую вызвал на допрос директор, чтобы отчитать ее и наказать за совершенный проступок. Впрочем, Роберто был сейчас для нее даже не директором школы. Он соединил в себе одновременно роли судьи, прокурора и присяжного заседателя, и его холодный взгляд можно было сравнить со струйкой ледяной воды, медленно стекавшей по ее спине.

- Я не обязана объяснять тебе, что произошло, – резким тоном ответила ему она. – Ты сам прекрасно знаешь, как это происходит. На одной вечеринке я познакомилась с молодым мужчиной, которого звали Мартин. Он... понравился мне и недвусмысленно намекнул, что и я в его вкусе. Мы стали встречаться. Однажды вечером наше свидание затянулось. После невинных поцелуев мы перешли к более интимным ласкам, а потом...

- А потом улеглись в кровать.

Жесткий тон его голоса вмиг остудил ее кровь, а циничный взлет черных бровей до предела натянул нервы. Глубоко засунув руки в карманы брюк, он плюхнулся на диванные подушки и, прищурился глазами, уставился на ее одеревеневшее лицо. Его взгляд, казалось, пронзал ее насквозь и догола раздевал душу.

- Ты была безумно влюблена в него?

- Да, да, была!

- Но он не был без ума от тебя, не так ли?

Кейт вновь тряхнула копной ярко-каштановых волос, а ее большие темно-зеленые глаза еще больше расширились и потемнели.

- Откуда ты знаешь?

- Если бы ты ему была не безразлична, он не оставил бы тебя в таком положении одну и находился бы сейчас рядом с тобой, а не где-то в стороне. Любящий мужчина не покидает женщину, когда она забеременеет от него. И в этом причина твоих слез, Кейт, - сказал он, когда она отвернулась от окна и, чтобы только не смотреть на него, уставилась в пол. - Ведь он не предложил тебе лететь в Нью-Йорк вместе с тобой, не правда ли?

- Да, правда. Не предложил, - едва слышно прошептала она и провела кончиком босой ноги по блестящему полу. - Он не собирался поехать со мной в Штаты. И не соберется. Никогда.

- Даже после рождения ребенка?

- Да. Даже тогда.

На ее лице появилось выражение полной растерянности и равнодушия ко всему на свете.

- Он не приедет сюда ради меня или ребенка, - со вздохом произнесла она. - Мы ему не нужны. И никогда не были нужны. Он просто развлекся со мной. Все дело еще в том, что он... женат.

- Женат? О, Китти, какая ты все-таки глупышка!

- Да я и не подозревала об этом! - В ее голосе прорвались нотки негодования. - Неужели ты думаешь, что я пошла бы на эту связь, если бы знала, что он женат!

- Ну-ну... - Его брови взлетели дугой над глазами, как бы выражая сомнение в ее искренности. - Разве для тебя это имело значение? А мне кажется...

- Я знаю, что может казаться, в том числе в данный момент, такому выдающемуся, всеведущему, такому всеильному джентльмену, каким является Роберто Мадругада! - глаза Кейт наполнились горечью, и она, отвернувшись от него, уставилась в потухший камин. - Разумеется, ты никогда в жизни не совершил бы подобную ошибку!

- Ты так считаешь? - вполголоса прошептал Роберто и вытер ладонью вспотевший лоб. - Как раз и совершил, причем очень большую.

Он совершил непростительную ошибку сегодня, явившись в этот дом и оказавшись в положении полного дурака! О чем он думал, когда открывал дверь в библиотеку? Только о том, чтобы открыть ей свои чувства после того, как истек срок его обещания, данного Уолтеру Хиллзу. О том, что он боготворил ее все эти последние годы, пока она превращалась из ребенка в девочку-подростка, а потом из подростка - в красивую молодую женщину.

Но он абсолютно ошибался, полагая, что Кейт питала к нему подобные же чувства и готова была ждать его точно так же, как он вознамерился ждать ее повзросления. Она просто выбросила его из головы. И прыгнула в постель к другому мужчине. К тому же женатому.

Неожиданно ярость, бушевавшая в нем, утихла, и ее клокочущее пламя превратилось в едва тлеющий фитилек. Но этот фитилек доставлял ему такую боль... Его Кейт, его девочка... Он не мог даже представить себе ее - такую нежную, такую невинную - в постели с кем-то другим, отдающуюся другому мужчине...

Теперь он испытывал ненависть к незнакомцу по имени Мартин - такую острую, какой не испытывал еще никогда. У него все полыхало внутри, все горело, выжигалось медленным

огнем бессильной злобы.

- И когда это произошло? - Голос Кейт вывел его из оцепенения.

- Что именно? - спросил Роберто, пытаясь взять себя в руки. - Что ты имеешь в виду?

- Я хочу знать, когда ты совершил ту большую ошибку, о которой только что упомянул.

Какой же я идиот, выругался про себя Роберто. Полный болван. Недотепа! И как только у него сорвалась с языка эта фраза об ошибке? Надо же сказать о ней в тот момент, когда он меньше всего был способен давать разумные, уравновешенные ответы на ее вопросы!

Нет, теперь, когда она заявила о том, что беременна от другого, ему ни в коем случае не следует рассказывать ей о своих истинных чувствах и намерениях. Он собирался признаться ей, что все эти годы любил ее и хотел, чтобы они до конца своих дней оставались вместе. Теперь же его мечты рухнули, и он очень сомневался, что когда-нибудь вернется к ним. Он никогда не откроет ей свою душу, потому что уже не испытывал к ней тех чувств, которые были у него раньше.

Хотя, по правде говоря, ему было не совсем понятно, что творилось сейчас у него в душе.

- Роберто, - настойчиво сказала Кейт, - объясни же мне, какую ошибку ты совершил.

- Знаешь, я подумал и решил, что моя ошибка не такая уж и страшная, - ответил он и отвернулся, чтобы не смотреть ей в глаза. - Пожалуй, она самая заурядная. Как и ты, я влюбился не в того человека, не в ту женщину, с которой стоило бы завязывать серьезные отношения.

- Но когда же это произошло?

- Несколько лет назад. Я едва вышел из детского возраста. Мне было примерно столько же лет, сколько сейчас тебе.

Кейт расценила слова Роберто как пощечину: он все еще смотрел на нее как на девчонку, а не как на взрослую женщину. В его отношении к ней ничего не изменилось с тех пор, как он грубо отверг ее полгода назад на той новогодней вечеринке.

- Но в отличие от моего случая твой неудачный роман, насколько я понимаю, не имел неблагоприятных последствий, не так ли? - саркастическим тоном спросила Кейт, хотя у нее скребло на сердце.

- Будем считать, что мне удалось благополучно выпутаться из моей любовной истории. Думаю, удастся выбраться и тебе из твоей, - сказал он. - Как говорится, время лечит.

- К сожалению, в моей истории время может только все ухудшить. - Кейт порывисто вздохнула и автоматически дотронулась до своего живота.

- Ты уверена?

- Абсолютно.

- Консультировалась у врача?

- Роберто, мне не нужны никакие консультации. Я сама знаю, что со мной происходит. Уже два

месяца у меня нет менструации, хотя раньше она приходила день в день с точностью часов. Теперь меня тошнит по утрам... Я проверилась в аптеке, результат анализа оказался положительным.

- Насколько мне известно, аптечные фармацевты не всегда бывают точны или аккуратны в подобных проверках, - заметил он.

- Не хватайся за соломинку, Роберто! Я беременна. Никакого другого диагноза быть не может.

- И что же ты собираешься предпринять?

- Честно говоря, не знаю, - ответила Кейт.

- А как насчет аборта?

Если бы этот человек не был преуспевающим бизнесменом, мелькнуло у нее в голове, он мог бы сделать себе успешную карьеру следователя. Хладнокровные, сухие и жестокие вопросы вылетали из его рта, как пули из ствола пулемета, и он совершенно не давал ей времени, чтобы она могла собраться с мыслями для взвешенного ответа.

- Нет, аборт исключается! Я не могу и не хочу идти на такой шаг. К тому же это не твое дело.

- Я просто как-то пытаюсь помочь тебе.

- Помочь советом, чтобы я отделалась от ребенка? Нет уж, благодарю. Без такой помощи я вполне смогу обойтись.

- Кейт, я не имел в виду именно это.

- Неужели? А мне показалось, ты имел в виду как раз это. Позвольте вам напомнить, сеньор Мадругада, что это мой ребенок, и ничего общего с вами он не имеет!

- Еще бы не хватало, чтобы он имел что-то общее со мной! - со злой издевкой заметил Роберто. - Нет уж, сеньорита Хиллз, увольте.

- И прекрасно! - Она тряхнула копной каштановых волос и бросила на него презрительный взгляд. - Рада, что мы с полуслова понимаем друг друга.

- Вот и отлично! - в тон ей ответил он и сумрачно сдвинул брови. - А поскольку в моем обществе не очень-то нуждаются присутствующие, я позволю себе раскланяться и пожелать вам спокойной ночи, мисс Хиллз.

- Наконец-то! А я уже стала было думать, что вы так и не распрощаетесь с нашим домом.

От ее колючего тона он резко запрокинул назад голову, и она с удовлетворением поняла, что одержала маленькую победу. Однако в душе пожалела о ней. Кейт была в полном смятении, не зная, действительно ли она хотела его ухода или втайне жаждала, чтобы он задержался под любым предлогом.

- Увидимся, - вежливо и довольно сухо попрощался с ней Роберто, и Кейт смогла лишь холодно кивнуть ему в ответ.

Ее молчание еще больше отдалило ее от гостя, но она уже ничего не могла изменить в своем поведении. В ее горле встал ком, и ей вдруг стало ясно: если она откроет рот и скажет хотя бы

одно слово, из ее глаз брызнут слезы.

Через минуту мужчина резко повернулся к ней спиной и направился к выходу из библиотеки. Она по-прежнему молчала. Но когда он, уже пройдя по сверкающему деревянному полу и миновав красно-кремовый ковер, взялся за ручку двери, ее нервы не выдержали, и она тихо вскрикнула:

- Роберто!.. Пожалуйста. Я прошу...

Он хотел только одного - покинуть этот дом и никогда больше не возвращаться. Безумные мечты о любви и счастливом браке, с которыми он вошел сегодня в особняк Хиллзов, превратились в пыль, в незримый и ничтожный прах.

Роберто уходил, хотя и не знал, куда. Но одно он знал точно: сейчас ему надо зайти в ближайший бар и чего-нибудь выпить.

И вдруг прозвучали ее слова. Произнесенные почти шепотом, они были такими тихими, что сначала ему показалось, будто он ослышался. Он продолжал удаляться от нее с такой решимостью и твердостью, что у него не возникло даже мысли остановиться.

Роберто уже взялся за ручку двери и повернул ее, как неожиданно опять услышал слабый женский голос:

- Роберто, пожалуйста!

Мужчина остановился как вкопанный; его пальцы продолжали сжимать ручку двери.

- Пожалуйста, не уходи, - сказала Кейт.

В ее голосе было столько искренней мольбы, что у Роберто на миг защемило сердце. Ему было ясно, что слова сорвались с губ Кейт помимо ее воли, вопреки ее твердой решимости не произносить их. Захлестнувшие его чувства тотчас вступили в конфликт с рациональным рассудком, который всего несколько минут назад отдал ему приказ об уходе из дома. Роберто оказался в тупике. Сжав в кулак всю свою волю, он попытался вновь воспламенить в душе ярость, отвращение и жгучую ревность, которые были вызваны признанием Кейт в беременности, но у него ничего не вышло.

А минуту спустя Роберто понял, что добрые чувства взяли верх. Он не мог остаться равнодушным к просьбе Кейт. Его пальцы отпустили ручку двери, и он, повернувшись лицом к этой юной женщине, попавшей в беду, спросил:

- Что ты хочешь, Кейт?

Она все еще стояла на том же месте, где он оставил ее; лицо осунулось и побледнело, в темно-зеленых глазах были испуг и ожидание, белые руки повисли плетью вдоль напрягшегося и слегка ссутулившегося тела. Казалось, в ней пересохли все соки жизни, и это вызывало в нем ужас, граничащий со страхом.

Глубоко вздохнув, Роберто осознал, что никогда и ни за что не оставит Кейт в таком состоянии одну. Встретившись с ней глазами, он сказал:

- Объясни мне, что ты хочешь, и я постараюсь помочь тебе.

Постараюсь помочь... Однако Кейт видела, что глаза Роберто не подтверждали искренность его слов: он смотрел на нее холодным, пустым, бесчувственным взглядом, в котором не было теплоты.

- Пожалуйста, не уходи, не покидай меня...

- Я не уйду, Кейт, - услышала она в ответ его слегка раздраженный голос. - Если, конечно, ты действительно хочешь, чтобы я остался. Но ты поясни мне, что я должен для тебя сделать.

- Я не знаю, что мне теперь делать, как поступить!

Это был крик напуганного ребенка, и ее рука, протянутая к нему, затряслась с такой же силой, с какой ее потрясло несколько минут назад в разговоре с ним чувство неотвратимого страха и безмерной тревоги.

Роберто опять мысленно выругался, назвав себя идиотом и глупцом за то, что явился сегодня в дом Хиллзов. И с какой же уверенностью, с каким самодовольством, даже, может быть, бахвальством он вошел в библиотеку! Ему казалось, одного его взгляда на Кейт будет достаточно, чтобы с ходу и на всю жизнь завоевать ее.

Однако наполеоновским планам Роберто не суждено было сбыться. Они в два счета рухнули, как только Кейт рассказала ему о Мартине Форде и последствиях ее связи с ним.

И тем не менее, когда она смотрела на него такими жалкими, умоляющими глазами, он не мог просто так уйти. Это было все равно, что оставить в лесу на съедение голодным волкам молоденького, беспомощного ягненка.

- Тебе надо быть практичной, - сказал он. - Но, насколько я понимаю, ты решила сохранить ребенка?

- Ты понимаешь правильно, - ответила Кейт слегка приободрившимся тоном. - Я не собираюсь становиться убийцей ни в чем не повинного маленького человечка.

- Но ведь я вовсе не толкаю тебя на это, - поспешил успокоить ее Роберто, заметив, как у нее подозрительно заблестели глаза, из которых в любой момент могли брызнуть слезы. - Просто такой шаг мог бы стать для тебя одним из возможных выходов из тупиковой ситуации...

И ты уверена, что отец ребенка не намерен помочь тебе?

- Мартин Форд никогда не скрывал своего мнения относительно нашего романа. - Она брезгливо передернулась и откровенно пояснила: - Я была для него просто мимолетным развлечением, куклой, с которой он решил поиграть, пока находился в Англии. Мартин приехал из Канады читать лекции в Оксфордском университете, где я училась. Он от всех скрыл, что дома, в Торонто, у него есть жена и двое детей. Разумеется, в планы этого ловеласа не входило занять третьего наследника...

- Выходит, ты попала в сети настоящего сердцееда? - с мрачной усмешкой буркнул Роберто. - И как это тебя угораздило?

- Ну... он довольно привлекателен внешне, умеет покорять женщин. Он...

- Я больше не хочу ничего о нем слышать!

От новой вспышки ревности в его висках опять застучало, и он с трудом сдержался, чтобы не потерять над собой контроль. Приложив максимум волевых усилий, Роберто едва отделался от опасных мыслей и, подойдя к Кейт, взял ее за руку и отвел от окна.

- Давай где-нибудь присядем, - сказал он. - В более удобной обстановке и разговор пойдет лучше. К тому же ты уже немало времени провела на ногах и, кажется, жутко устала, не так ли?

- Да, я устала, - призналась она. - В последнее время я плохо сплю.

- Могу себе представить. - Роберто заботливо усадил ее в большое, удобное кресло подальше от камина, а сам расположился в другом кресле рядом с ней.

Ну вот, черт возьми! - подумала она. Прямо перед их глазами замаячил большой, упругий диван с пышными подушками, на котором они только что испытали такое страстное притяжение друг к другу, что дело едва не завершилось интимной близостью! Кейт даже привстала, на секунду-другую задержала на диване внимательный взгляд, а затем быстро закрыла глаза и снова погрузилась в уютное кресло. На несколько минут ей удалось отключиться от мыслей, не дававших ей покоя весь сегодняшний вечер.

Ну что ж, грустно размышлял в это же время Роберто, теперь нам не до дивана. Не до любви, тем более физической.

Теперь их мысли и чувства устремлялись совсем в другую сторону. И ему придется раз и навсегда отказаться от мечты построить свое семейное счастье вместе с Кейт.

Однако, с другой стороны, он не собирался, не хотел так легко сдаваться на милость судьбы. Но что он мог предпринять в сложившейся ситуации?

И вдруг в голове у него мелькнула новая мысль. Он подумал о том, что, несмотря на неблагоприятное стечение обстоятельств, ему все-таки удастся добиться того, к чему он стремился столько лет. Хотя, может быть, этот новый план, внезапно созревший в его голове, и не принесет ему сиюминутных плодов. Но что поделаешь? Жизненный опыт уже научил его, что далеко не все задуманное удается осуществить сразу и что иногда приходится довольствоваться лишь второсортным продуктом, а порой и вообще оставаться ни с чем. Взвесив все свои шансы за и против, Роберто спросил ее:

- Ты рассказала о своей проблеме отцу?

Вопрос шокировал Кейт. Она и не думала посвящать отца в такую ужасную тайну своей личной жизни.

- Как я могу? - сказала она. - У него сейчас и своих проблем хватает...

- Но ведь тебя ожидают сейчас не самые легкие месяцы в твоей жизни.

- Отец и без моей проблемы перегружен переживаниями. Ведь ты же сказал, что дела на его фирме оставляют желать много лучшего. Зачем еще и мне добавлять масла в огонь? Он сейчас напрягается изо всех сил, чтобы выжить... В последнее время ему очень не здоровится - скачет давление, барахлит сердце. А ты представляешь, как он почувствует себя, если я признаюсь ему, что забеременела от какого-то подонка?

- И все-таки что ты собираешься предпринять в сложившейся ситуации? - вновь спросил ее

Роберто. – Ты уверена, что сможешь удержаться на плаву с помощью собственных сил и средств?

– Не знаю. Но должна попытаться. Во всяком случае я уверена, что смогу за что-то зацепиться и не утонуть. Хотя, конечно, ученая степень искусствоведа, которую я получила в университете, не очень-то может соблазнить потенциального работодателя.

– Есть альтернативный вариант.

– Это какой же?

Лицо Кейт заметно просветлело, в глазах блеснули живые искорки. Но уже в следующую секунду она помрачнела, потому что в голове у нее вдруг мелькнула мысль: какой бы вариант ни предложил Роберто, он все равно не устроит ее.

– Заключение брака, – ответил он.

Ее губы искривила горькая усмешка, и она произнесла:

– Но ведь я же сказала тебе, что Мартин...

– Не с этим негодяем! – Небрежным росчерком руки в воздухе он, казалось, решительно отверг даже само упоминание имени этого человека.

– Тогда с кем? Я что-то не вижу за окном своего дома длинной очереди претендентов, добывающихся моей руки. И толпа женихов не возрастет с течением моей беременности.

– Ты не видишь реального претендента.

– Неужели я так слепа?

Кейт недоверчиво усмехнулась и с любопытством заглянула в его карие, теперь еще более потемневшие глаза, пытаясь найти в них ответ.

– Кто же он? Я не...

– Я. Ты могла бы выйти замуж за меня, – ответил Роберто.

4

– О!..

Больше она не могла ничего произнести. Ибо была в шоке. В полном недоумении. Потому что это была злая шутка, лишившая ее всякой возможности говорить. Разве это могло быть серьезным предложением? С горьким разочарованием Кейт смотрела на Роберто, не в силах поверить, что этот человек мог оказаться таким жестоким.

Но Роберто смотрел на нее прямо, в упор, и с самым серьезным видом.

Сердце у Кейт екнуло, и ее едва не охватила паника. Неужели он говорил это всерьез?

– Ты шутишь! – Ее голос, казалось, сел, и она произнесла эту фразу почти шепотом.

– Аль контрарно, – вновь перешел он на испанский и тут же перевел: – Напротив. Мне кажется,

я еще никогда в жизни не был так серьезен. И мое предложение, полагаю, могло бы решить сразу обе наши проблемы.

- Обе?

Роберто буквально нависал над ней этакой глыбой или башней, и она вынуждена была выгибать шею, чтобы смотреть на него, когда он говорил. Кейт показалось, что из-за его габаритов у нее начинают плавиться мозги. Или из-за этого его неожиданного и непонятного предложения...

- Не понимаю... Какую из твоих проблем может разрешить наша женитьба? - спросила Кейт.

- Проблему моей семьи.

- В каком смысле? Какое отношение к этому имеют твои родители или братья и сестры?

- Мои родители хотят, чтобы я женился, имел семью, чтобы у меня были дети, которым я мог бы передать в будущем дела своей компании. Они ждут не дождутся этого, а у меня до сих пор нет подходящей претендентки... Поначалу все мои родные думали, что наш семейный бизнес переключается к Хуану, но после того, как его жена Эсперанса умерла, стало ясно, что ветер судьбы может подуть в другую сторону.

На глаза Роберто набежали тени, и Кейт сочувственно покачала головой. Его сводный брат Хуан встретил и горячо полюбил Эсперансу еще в молодости, женился на ней и они жили счастливо, но недолго. Прекрасная Эсперанса скоропостижно умерла. Врачи поставили диагноз: кровоизлияние в мозг - резкое нарушение в жизнедеятельности организма, которое нельзя предсказать и при котором человеку невозможно помочь.

- Но разве ты не хочешь жениться по-настоящему, на любимой девушке? - грустно спросила Кейт. - Конечно, еще недавно мы с тобой могли бы пожениться именно так, - вздохнув, сказала она. - Мы ведь всегда ладили, не правда ли? До той новогодней вечеринки по крайней мере. А то, что случилось сейчас...

Потускневший взгляд Роберто скользнул по пышному дивану, остановился на миг на смятых подушках, и Кейт, наблюдая за выражением его лица, неожиданно почувствовала, как к ее щекам вернулся жар, а в сердце воспламенилось желание близости с этим мужчиной. В ее памяти четко, кадр за кадром, прокрутились моменты их безудержного эротического сближения на упругом диване, и она подумала о том, что никогда не испытывала подобных моментов со своим первым и единственным сексуальным партнером - Мартином Фордом.

- Да, мы всегда ладили и понимали друг друга, и ты, по всей вероятности, надеялась, что у нас все получится. Ведь так? - сказал он. - А перед Новым годом...

- А перед Новым годом я выпила слишком много шампанского, - поспешила она по-своему закончить его фразу, не желая, чтобы он опять напоминал ей о ее глупом поведении в тот вечер. - Я чувствовала себя на той вечеринке одинокой, потерянной... а тут как раз подвернулся ты.

- Значит, все те слова о вечной любви, которые ты говорила мне на той вечеринке, были продиктованы шампанским?

- Они значили не более, чем твое сегодняшнее предложение о нашем браке... если это можно назвать предложением.

- Да, я сделал тебе предложение, и, поверь мне, оно искреннее от первой до последней буквы. И каков же твой ответ на него? Мне действительно пора жениться, ты мне нравишься, а для тебя это - удачное разрешение серьезной проблемы...

- И каким, ты думаешь, может быть мой ответ в такой ситуации? - спросила она и тут же ответила: - Разумеется, я против. Я не намерена выходить замуж только из-за того, что оказалась в безвыходной ситуации. И ты прекрасно знал, что я никогда не пойду на такой шаг. Поэтому и сделал это абсурдное предложение, зная, что ничем не рискуешь. Разве не так?

На его лицо легла тень грусти. Но ее ответ явно не вызвал у него шока или трагического разочарования. Казалось, он отнесся к нему примерно так же, как если бы ему не удалась очередная сделка с очередной компанией. Никаких сцен по поводу разбитых вдребезги надежд, никаких эмоций.

- Что ж... Значит, ты выбываешь из игры?

По его тону Кейт поняла, что он все же, как ни странно, тяжело переживает ее отказ. Почему? Чтобы такой человек, как Роберто, не смог найти себе подходящей невесты? И был вынужден из-за потребностей семьи жениться на женщине, беременной от другого мужчины? Что-то здесь не так. Впрочем, все равно очень мило с его стороны было предложить ей таким образом "покрыть ее грех". Можно сказать, благородно. Но с ее стороны будет совсем не благородно этим воспользоваться. И Кейт повторила свой отказ, на этот раз прибегнув к самым изысканным формулировкам:

- Благодарю вас, сеньор Мадругада, за столь лестное предложение о бракосочетании, но, боюсь, я... должна отклонить... честь стать вашей супругой. Я ее просто не достойна.

Роберто впал в уныние. Более того, он был просто убит ее словами. Он уже отдавал себе отчет в том, что хочет во что бы то ни стало обладать этой женщиной. Невзирая ни на что. И бросать весла за борт было не в его характере. Нет, он заставит ее пойти на попятную! Он не уйдет из этого дома до тех пор, пока Кейт не даст согласие стать его женой! Или... или он порвет с ней навеки. Никаких других вариантов!.. Хватит себя истязать! Он знал, как о нем говорили в деловых кругах: "Скорее можно договориться с голодным львом, чем с сеньором Мадругада, принявшим определенное решение". Итак, в этот вечер сеньорите Кейт Хиллз так или иначе придется из первых рук узнать о железном характере Роберто Мадругада, о его непоколебимом упрямстве и негибкой воле.

Резко поднявшись с кресла, Роберто подошел к огромному камину и уставился в его холодный зев. Прошла минута-другая, он повернулся к Кейт и спросил:

- Если не брак, то что же? Что же ты все-таки собираешься предпринять?

В ее глазах он увидел явное замешательство, маска самоуверенности спала, и она пролепетала едва слышным голосом:

- Я... как-нибудь устроюсь. Выйду из положения...

- Каким образом? К примеру? - Роберто снова пошел в атаку. - Две минуты назад ты была в панике, говорила, что не представляешь, как выбраться из тупика, в котором оказалась. Теперь ты вдруг стала "мисс Независимостью"! Я поражаюсь, откуда взялась такая предприимчивость? И неужели мое предложение о заключении брака между нами так абсурдно?

- Не в этом дело. Не само предложение, а его подоплека.

Кейт попыталась рассмеяться. Но смех был несовместим с тем состоянием, в котором она сейчас находилась. Ей не удалось даже подобие улыбки, которое она попыталась изобразить. Если бы только Роберто Мадругада знал, что на протяжении всех этих лет брак с ним был ее единственной мечтой в жизни! Если бы он знал, что все эти годы она ложилась по вечерам в постель с тайной надеждой, что когда-нибудь придет день и он предложит ей стать его женой!

- Я же сказала тебе, что для меня это была бы большая честь... - Настойчивый взгляд Роберто побудил Кейт напрямую задать ему вопрос, вертевшийся на языке: - Я никак не могу понять, что побуждает тебя взять в жены женщину с чужим ребенком в животе?

- Это будет не чужой ребенок. Ты дала Форду шанс стать его отцом; он отверг этот шанс.

Этот человек не способен быть отцом своего ребенка. Чем плохо, если твой малыш появится на свет в рамках нашего брака? И будет знать только одного отца - меня. Я буду заботиться о нем так же, как о тебе.

- Я могу позаботиться о себе сама.

- Конечно, многие люди заботятся о себе сами. У них нет другого выхода. Но я даю тебе шанс, выбор. Ты сможешь проявлять заботу о своем ребенке подобающим образом, давать ему все, в чем он будет нуждаться.

Роберто видел, что его слова начали доходить до Кейт, тени сомнений стали таять в темно-зеленом омуте ее глаз, и в этот момент он решил дополнить свою аргументацию в пользу их брака еще одним доводом.

- Тем более, - сказал он, - что, став твоим мужем, я могу по-родственному помочь твоему отцу выбраться из тяжелой ситуации. Это будет вполне логично.

Выражение лица Кейт, уже почти оттаявшего, вновь изменилось.

- Это уже похоже на сделку.

- Пусть так, но ведь это разумная сделка. А во всякой разумной сделке должна быть взаимная выгода, двусторонняя или многосторонняя. В нашей ее могут получить две стороны: во-первых, вы с отцом, а во-вторых, я. - Склонившись к ней, он заглянул в ее глаза и добавил: - Чем ты недовольна, Кейт? Или мое предложение прозвучало для тебя слишком банально? Недостаточно романтично? Что ж, это можно исправить.

Неожиданно он опустился перед ней на колени, взял ее руку и с придыханием произнес:

- Прошу тебя оказать мне величайшую честь стать моей женой!

- О, прекрати этот спектакль! - Кейт попыталась вырвать руку из его пальцев, но он лишь сильнее сжал ее. - Пожалуйста, будь серьезным. Прошу тебя.

- Я никогда еще в жизни не был таким серьезным, как в эту минуту.

На ее глаза навернулись слезы, и она часто заморгала, стараясь скрыть их от Роберто, потому что не хотела, чтобы он догадался о чувствах, которые начали обуревать ее. Ей казалось, будто она совершила скачок во времени - вернулась в прошлое, в те годы, когда Роберто Мадругада

был ее единственным кумиром и идолом. Никаких других мужчин для нее не существовало. С этим человеком она связывала все свои мысли и мечты, главной из которых было дожидаться того мгновения в жизни, когда этот высокий, красивый испанец встанет перед ней на колени и попросит ее руки.

И ведь именно это мгновение наступило сейчас! Он сделал ей предложение! Но... при этом его лицо не выражало никаких эмоций. Казалось, он сделал ей обычное деловое предложение. И то, что он встал перед ней на колени, выглядело совсем не романтично. Это была очередная издевка? Или подкуп? Нет, она совсем не понимала этого человека и его побуждения.

- Роберто, - сказала она, - прекрати, пожалуйста, эту странную игру. Чего ты добиваешься? Ведь ты же знаешь, что я не могу выйти за тебя замуж.

- Я знаю, что у тебя не остается иного пути. Каким другим способом ты сможешь прокормить своего ребенка и помочь отцу освободиться от груза свалившихся на него проблем? Ты должна понять, что у Уолтера не будет денег, чтобы поддержать тебя и ребенка. Если его бизнес рухнет, ему придется заботиться прежде всего о себе... Так что подумай над моим предложением.

Глядя на это исполненное решимости лицо, Кейт подумала, что Роберто зачем-то очень нужно, чтобы она согласилась. Нет, он не просто хотел сделать благородный жест. Он хотел заполучить ее, Кейт. В душе она всегда надеялась и верила, что в один прекрасный день Роберто безумно влюбится в нее. Может быть... Нет, не похоже. В его взгляде не было любви. Тогда что же? Несомненно было одно - она нужна ему. А он... он нужен ей. И не только для того, чтобы ее ребенок появился на свет в законном браке.

Если она нужна Роберто, если они будут жить вместе как муж и жена, то, возможно, он привыкнет к ней, а потом привычка перерастет в любовь... Что если это в самом деле случится, и они когда-нибудь обретут счастье?

- Кейт, амор мио, любовь моя, - словно угадывая ход ее мыслей, сказал Роберто, - у нас все получится, вот увидишь! Наш брак может оказаться таким счастливым, каких бывает не так уж и много. И залог того - пламя страсти, вспыхнувшее между нами сегодня...

- Семейное счастье - это не только секс, - перебила она его.

Так вот зачем она ему нужна. Она отказала Роберто сегодня, заведя его до предела, разбудив в нем неистового самца... И теперь он решил получить ее на законных основаниях, обеспечить ее согласие принадлежать ему в любое время, когда он захочет. О, но зачем же ей возражать, противостоять ему? И не только ему. Самой себе тоже. Не проще ли сдаться и принять его предложение? Разве сама она не пылала от страсти так же, как и он? И разве не стремилась почти всю свою жизнь соединить судьбу с этим человеком?

И вдруг ей почему-то вспомнилась первая встреча с другим мужчиной - Мартином Фордом. Увидев высокого, привлекательного брюнета, приехавшего читать лекции в ее университете, она сразу отметила, что внешне он очень похож на Роберто. Они могли даже сойти за братьев, только глаза у них были разного цвета: у канадца голубые, а у Роберто - темно-карие с бронзовым отливом.

Тогда Кейт все еще лелеяла глубокую обиду на Роберто за то, что он так оскорбительно, бездушно отверг ее признания в любви на той новогодней вечеринке. Поэтому, когда на ее пути встретился Мартин, обративший на нее внимание, она упала в его объятия, как перезревшая груша, поверив всем его лживым словам о любви к ней и о том, что он обеспечит

для нее беззаботное, счастливое существование. Просто в то время ей очень хотелось услышать сладкие речи вроде тех, которыми ее гипнотизировал заезжий лектор.

- Кейт, я знаю, что семейное счастье – это не только секс, – прервал ее воспоминания Роберто. – Но, черт возьми, диавло, ведь секс может послужить хорошей стартовой площадкой, фундаментом, на котором мы могли бы строить уже основное семейное здание!

Возможно, в возникшей ситуации она просто искала спасительную соломинку. Ей казалось, что под “основным семейным зданием” должно подразумеваться нечто большее, чем сделка, которую, по ее мнению, намеревался заключить с ней Роберто Мадругада... Но что если она ошибалась в своих предположениях о подоплеке его поступка? Что если он действительно строил самые серьезные планы в отношении их будущего, их совместной жизни?

- Кейт! – В голосе Роберто, все еще стоящего перед ней на коленях, зазвучали гневные нотки. – Ты дашь мне ответ на мое предложение? Или же, клянусь Богом, я уберусь с этого жесткого ковра и выйду вон? Но предупреждаю: если я уйду, то уйду навсегда! И если потом ты одумаешься и станешь умолять меня помочь твоему ребенку, тебе самой и твоему отцу, я просто не буду слушать тебя.

Она понимала, всем нутром чувствовала, что он не шутил, и мысль о том, что этот человек может навсегда уйти не только из ее дома, но и из ее жизни, вызвала в ней панический страх.

Но она ответила Роберто вполне в его духе, по-деловому. Сделка так сделка!

- Ты действительно готов выручить моего отца?

- Я никогда бы не допустил банкротства моего тестя. Как только мы с тобой поженимся, я оплачу все его долги. Все. Но, повторяю, я сделаю это лишь при одном условии: если мы поженимся. Поэтому ты должна дать ответ на мое предложение прямо сейчас. И никаких просьб о том, чтобы еще раз все взвесить, обдумать и тому подобное! Я даю тебе уникальный шанс... Итак, сейчас или никогда!

Она едва-едва успела подумать о том, что не могла бы даже представить себе свое будущее без этого мужчины, как ее ответ уже донесся до его слуха:

- Ну что ж. Теперь, когда ты своей железной логикой загнал меня в угол, прижал к стенке, у меня может быть только один ответ: да! Я буду твоей женой.

- Очень хорошо! – Его лицо осветилось восторгом и глубоким удовлетворением. – Теперь я должен незамедлительно привести в действие механизм оформления нашего брака. Мне надо поднять все свои старые связи, получить для нас специальное разрешение, составить список всех неотложных дел, позвонить в несколько компаний...

Кейт была просто поражена таким стремительным превращением Роберто из романтического поклонника, только что стоявшего на коленях и просившего ее выйти за него замуж, в делового бизнесмена, который быстро и профессионально собирался перекроить всю ее жизнь таким образом, чтобы она отвечала прежде всего его целям и интересам.

- Дорогой, а тебе не кажется, что спешка в таком важном и серьезном деле, как бракосочетание, неуместна? К тому же не следу...

Его взбешенный взгляд, казалось, пронзил ее насквозь, как кинжалом, и она моментально осеклась на полуслове. Роберто сказал:

- Кейт, ведь ты беременна, и у нас с тобой остается не так много времени, чтобы тратить его попусту. Пока у тебя не вырос большой живот, нам следует поторопиться с оформлением всех брачных документов. И начать надо со специального разрешения, которое ускорит весь процесс.

- Но так ли это важно, если люди еще до нашего бракосочетания заметят, что я в положении?

- Для меня это важно! Я не хочу, чтобы кто-то узнал правду о нашей женитьбе. Не хочу, чтобы у кого-то вдруг возникли подозрения, будто мы женились не по любви. Пусть все думают, что наш брак стал плодом страстного романа между нами. Полагаю, и для тебя такой взгляд обывателя на нашу семью будет более привлекательным... Что с тобой? - Взглянув на Кейт, он нахмурился, его голос дрогнул. - Ты так побледнела, словно тебе только что вынесли в суде смертный приговор.

Мысли зароились в ее голове, как пчелы в улье. Возможно, она сама вынесла смертный приговор всем своим мечтам о настоящей любви и счастливой жизни, когда согласилась с расчетливым и бездушным предложением Роберто. Теперь ей стало понятно, что это действительно была только сделка. И она холодно спросила его:

- Интересно все-таки, что ты получаешь от этой брачной сделки? В чем твоя выгода?

- Я же говорил тебе... Я получаю то, что хочу.

- А именно?

- Жену. И ребенка.

- Не своего ребенка.

- А какое это имеет значение? И кому какое дело? К тому же позже мы сможем завести и... других, собственных детей. Мне всегда хотелось воспитывать ораву ребятишек.

- И этого тебе было бы достаточно для полного счастья?

- О нет, кериди миа, для полного счастья всегда чего-то не хватает. Если бы все дело было только в детях, я уже давно мог бы подыскать себе какую-нибудь плодовитую, сексуальную самку, женился бы на ней, и вместе мы плодили бы ребятишек до тех пор, пока обладали способностью к зачатию.

- Но ты не выбрал в жены такую самку? Почему?

Когда Роберто помог ей подняться с дивана, она не отстранилась от него, потому что не хотела делать этого, потому что ей хотелось оставаться около него и совершить с ним то, что должно было совершиться.

- Потому что, - сказал он, отвечая на ее вопрос, - женщины, которые встречались на моем пути, не давали мне того, чего я хотел.

- И чего же именно? - прошептала она.

- Например, вот этого...

Она едва успела сделать выдох, как его губы нежно легли на ее губы, а в следующую секунду язык мужчины, горячий и упругий, уже вонзался в ее рот. Все закружилось, затанцевало перед

ее глазами, и ей стало казаться, что она куда-то соскальзывает, падает, и это падение было сладостным, желанным, долгожданным. С этой минуты Кейт твердо знала одно: как бы она ни старалась убедить себя в том, что после той злосчастной новогодней вечеринки Роберто, отвергнув ее, перестал быть для нее кумиром, на самом деле он всегда оставался для нее мужчиной, без которого она просто не мыслила своей жизни.

В душе она была не в силах порвать с ним на той вечеринке, несмотря на то, что он так грубо отверг ее любовь, презрел поцелуи, которыми она пыталась осыпать его, отшвырнул ее руки, когда она стала обнимать его, и надменно посоветовал ей найти для развлечений юношу ее возраста. И она не могла также порвать с ним, забыть его, когда, отвергнутая им, потерянная, одинокая и впавшая в отчаяние, оказалась в объятиях лживого Мартина Форда. А тогда ей так хотелось неподдельной, чистой любви! Где угодно, с кем угодно, но лишь бы она была любима, обласкана, лишь бы ее мужчина не покидал ее, не отшвыривал... Но Мартин оказался совсем не тем человеком, который мог понять ее, поддержать, которому она могла излить душу.

И вот сегодня она снова была рядом с Роберто, и он теперь сам целовал ее! Да, ей вовсе не хотелось отстраняться от него. Наоборот, она хотела еще сильнее прижаться к нему и целовать его с такой же страстью и жадностью, с какой целовал ее он. И Кейт прижалась к нему. Всем телом. И стала целовать его, подставляя ему или сама пуская в ход не только губы, но и язык, и даже свои белые зубки... Она целовала его так, как ей подсказывали самые древние инстинкты человечества...

Прошло несколько минут. Одних поцелуев им было уже недостаточно. И Роберто, не отрываясь от ее губ, пустил в ход свои сильные и нежные руки. Опытные пальцы мужчины плавно скользили вверх-вниз-влево-вправо по всему телу Кейт, гладили мягкие волосы и шелковую кожу, ласкали все изгибы, бугорки и впадинки, искусно массировали самые потаенные и чувствительные места, все больше и больше возбуждая ее, заставляя трепетать, вздрагивать, вздыхать, охать и шептать бессвязные слова любви и страсти.

Когда руки Роберто скользнули под белый хлопок ее тенниски и властно легли на упругие холмики груди, заждавшихся этого мгновения, Кейт издала громкий стон и Роберто, воспользовавшись этим, стремительно ввел язык в ее приоткрывшийся рот...

А спустя несколько минут, когда бурлившие в ней чувства и ощущения, казалось, готовы были вырваться наружу фантастическим фейерверком, когда она от этих чувств готова была в любой момент упасть в обморок, когда ей захотелось крикнуть ему, чтобы он прямо здесь и сейчас раздел ее и взял, он гордо поднял голову и вперил в ее затуманившиеся глаза долгий, пронизывающий взгляд. А затем сказал:

- Вот это и есть то, чего я хотел. Именно это мне нужно. Женщина именно с таким темпераментом, как у тебя, и никакая другая. Поэтому я до сих пор ни с кем не связывал себя брачными узами. Я ждал тебя. Ждал, когда ты станешь взрослой и мы сможем пожениться. Даже когда ты была еще совсем юной девчушкой, я смог почувствовать, интуитивно предвидеть сходство наших темпераментов. Ты спросила, что я получаю от нашего брачного союза. Отвечаю: тебя. Я хочу, чтобы ты всегда была рядом со мной. В этом соль. Я хочу тебя больше самой жизни. Я хотел тебя всегда. И всегда буду хотеть.

5

- А теперь я объявляю вас мужем и женой.

Над их головами зазвучала торжественная мелодия церковного органа. Стоящие позади них

родственники и друзья, которых удалось собрать за короткое время перед свадебной церемонией, переглянулись и заулыбались, когда услышали слова священника.

Рядом с Роберто Мадругада стояла высокая, стройная и элегантная женщина – Кейт Мадругада. На ней было простое безрукавное платье из белого шелка; яркие каштановые волосы были заколоты с обеих сторон и украшены двумя кремовыми розочками, которые в теплом воздухе церкви едва-едва начали распускаться и расточали вокруг тонкий пьянящий аромат.

С этого дня, с этого момента, мелькнуло в голове Роберто, запах роз всегда будет ассоциироваться для него с их свадьбой, с началом его семейной жизни. Но какое будущее ожидало их брак с Кейт? Ведь он сделал ей предложение в одночасье и, когда она приняла его, пустился во все приготовления перед свадьбой сломя голову. Такого “почерка” в делах не мог бы ожидать от него никто из его друзей или коллег по работе.

Бизнесмен Роберто Мадругада никогда ничего не делал поспешно. Он слыл весьма рассудительным партнером, не принимающим скоропалительных решений, и у него была четкая схема действий, которой он придерживался с железным постоянством. Сначала Роберто собирал все факты о положении дел в компании, с которой намеревался заключить контракт, затем скрупулезно изучал их и только после тщательного взвешивания всех “за” и “против” принимал оптимальное решение. Любой документ он подписывал лишь в том случае, если его содержание было приемлемым для него целиком и полностью и не вызывало никаких сомнений.

Но вот пришел день, и этот осторожный, рассудительный бизнесмен отступил от своей железной схемы – почти скоропалительно женился. Давно зная Кейт, он не знал всех фактов, связанных с ситуацией, которая складывалась в последние месяцы вокруг нее. Например, ему были неизвестны все детали проблем, возникших на фирме ее отца, и он мало что знал о подробностях отношений между Кейт Хиллз и Мартином Фордом, закончившихся ее беременностью...

- Вы можете поцеловать свою молодую жену, – снова услышал он голос священнослужителя.

Свою молодую жену.

Да, она была теперь его законной женой... Но действительно ли Кейт принадлежала ему? Считала ли она себя на самом деле его женой или смотрела на него просто как на мужчину, с которым ей пришлось вступить в брачную связь, потому что он пообещал вызволить ее, а заодно и ее отца из беды? В таком случае он лишь муж по расчету. Муж на бумаге. Муж, не имеющий никаких шансов войти в ее сердце.

Неужели он допустил самую серьезную ошибку в своей жизни?

Впрочем, сейчас ему было не до раздумий. Сейчас на него были направлены взоры всех присутствующих. Гости ждали, когда он поцелует молодую жену. Ждал и священник.

И Кейт тоже.

Она смотрела на него с каким-то загадочным, почти отсутствующим выражением лица, которое он не мог расшифровать. Но когда его задумчивый взгляд остановился на ней, ее лицо осветилось улыбкой. Это была мягкая, подбадривающая улыбка. Улыбка, в которой он разглядел понимание общности их чувств и интересов – понимание того, что их теперь объединило и давало им силы, чтобы выстоять и победить в этой подчас непредсказуемой,

запутанной жизни.

Но через несколько секунд улыбка Кейт вдруг начала тускнеть, гаснуть, в ее глазах исчезли искорки бодрой уверенности, на лицо легли бледные, тревожные тени, и она даже показалась ему беззащитной, слабенькой девочкой.

- Китти...

Неожиданно его подхватила и понесла куда-то волна нежности; он обнял Кейт и притянул к себе, и его темно-карие глаза тотчас утонули в омуте ее зеленых глаз.

- Буэнос диас, сеньора Мадругада, - шепнул он ей на ухо, - добрый день, amor mio. - И, наклонившись к Кейт, он впервые поцеловал ее как свою жену.

Несмотря на то, что они присутствовали в общественном месте и что всего в нескольких футах от них стояли их родственники и друзья, ее ответный поцелуй был именно такой, какой Роберто хотел получить от нее. Кейт поцеловала его со всей безудержной страстью и одновременно с бесконечной нежностью. Закрыв глаза и прильнув к нему всем телом, она уступчиво подставила ему мягкие губы, а несколько мгновений спустя ее горячий язычок яростно ворвался в рот мужчины, и она уже сама целовала его взасос, абсолютно ничего не стыдясь и не обращая ни на кого внимания. Роберто охватила знакомая дрожь, по телу побежали мурашки, а в голове мелькнула неловкая мысль о том, что испытывать подобное возбуждение в церкви - занятие явно неуместное.

Да, эта женщина принадлежала ему, она была действительно его женой, понял он с каким-то абсолютным удовлетворением и отбросил прочь все сомнения и опасения, мучившие его несколько минут назад. Теперь ему оставалось лишь приложить максимум усилий, чтобы окончательно привязать ее к себе, чтобы они стали с ней одной плотью. Неужели он не способен добиться этого? Способен, черт побери, еще как способен! На то он и Роберто Мадругада!

Успокоившийся муж законной жены осторожно прервал поцелуй и, гордо тряхнув головой, обнял Кейт за талию так же нежно и властно, как только что ласкал ее рот. Церемония бракосочетания завершилась, и молодожены направились в приходское управление, чтобы расписаться в церковной книге регистрации. Первым поставил свою подпись Роберто. Его крупный почерк был размашистым, твердым и уверенным, как он сам. Строчкой ниже расписалась Кейт. Сегодня она изобразила в документе свою девичью фамилию в последний раз. Когда молодая жена ставила свою подпись, ее рука дрожала, и маленькие букочки в словах "Кейт Хиллз" выглядели корявыми и неуверенными в себе.

- Поздравляю с вступлением в законный брак, миссис Мадругада, - сказал регистратор.

Неожиданно Кейт показалось, будто пол в приходском управлении начал уходить у нее из-под ног. Она испугалась; ноги стали ватными и едва держали ее. Голова закружилась, кровь отлила от щек, желудок пронзили спазматические боли, ее стало мутить... Если бы стоявший рядом Роберто не заметил, как она внезапно побледнела и покачнулась, все могло бы закончиться ее обмороком и падением. Но он заметил - и вовремя подхватил Кейт под руки. Воспользовавшись тем, что как раз в этот момент регистратор отошел к шкафу, чтобы положить в него церковную книгу, в которой они только что расписались, Роберто шепнул жене на ухо: - Не волнуйся, керида, все будет хорошо. Твоя бледность, слабость, плохое самочувствие - это от беременности. Но до родов еще есть время, чтобы я подыскал толкового врача, который поможет тебе и...

Он не успел закончить фразу: вернулся регистратор и, обращаясь к ним, с улыбкой произнес:

- Еще раз поздравляю вас обоих с законным браком и сообщаю, что теперь все необходимые церковные процедуры закончены и вы можете быть свободны.

- Благодарю вас, - сказал в ответ Роберто и, покрепче взяв Кейт под локоть, повел ее к двери.

Когда они вышли из церкви, их ослепило яркое июльское солнце и оглушили раздавшиеся со всех сторон поздравительные возгласы родственников и самых близких друзей. Среди тех, кто приветствовал молодоженов, были Уолтер Хиллз и его уже стареющая секретарша Джина Лалли, всегда обожавшая единственную дочку босса. Ее мягкий и все еще звонкий голос Кейт расслышала в тот момент, когда они с Роберто направлялись к серебристо-голубому лимузину, который должен был доставить их в загородный отель, где все было давно готово к торжественному приему по случаю их бракосочетания.

- Кейт, дорогая, церемония в церкви прошла прекрасно! - воскликнула Джина и смахнула носовым платком навернувшиеся на глаза слезы. - О таком свадебном ритуале можно только мечтать.

Когда лимузин с молодоженами уже тронулся с места, Кейт подумала: да, только что в церкви закончился свадебный ритуал ее мечты. Она мечтала о таком ритуале, такой церемонии бракосочетания, когда была еще совсем девчонкой. Засыпая на узкой кровати в доме отца, она погружалась в фантастический мир грез, и в темноте перед ее полусонными глазами возникала яркая и четкая картина процедуры вступления в брак. И вот сейчас, годы спустя, когда она стала законной женой, оказалось, что реальный ритуал ее бракосочетания во многом совпал с картиной, которая рисовалась ей в подростковом воображении. Как и в тех далеких мечтах, действие разворачивалось в церкви; сидевший сейчас рядом с ней муж был тем самым мужчиной, о котором она грезилась в девичестве...

Однако обстоятельства, в которых создавался их брачный союз, равно как и сами причины, побудившие их связать себя узами брака, обернулись такой горькой иронией судьбы, что ее девичья мечта об идеальном свадебном ритуале превратилась в пародию.

Эти размышления, вызванные восторженными словами Джинны Лалли по поводу их бракосочетания, неожиданно омрачили настроение Кейт. На ее лицо легла тень глубокой грусти, и она вдруг почувствовала себя потерянной, одинокой и никому не нужной на всем белом свете.

Взглянув искоса на свою молодую жену, Роберто поудобнее разместился на мягком кожаном сиденье дорогого автомобиля и сухим, жестким тоном сказал:

- Если ты с таким выражением лица явишься на прием, никто не поверит, что у нас с тобой был бурный роман, завершившийся счастливым браком. Сейчас ты больше похожа на осужденную, которую ведут к гильотине, чем на-радостную молодую жену, вступающую на путь беспредельного семейного счастья и благополучия.

- Может быть, я и есть та осужденная, которую ждет гильотина! - Она резко отвернулась от него и уставилась на букет роз, который держала в руках; в глазах у нее стояли слезы. - Мы оба знаем, что эта блиц-свадьба - сплошной фарс, и ни о каком семейном счастье тут не может быть и речи.

- Если ты с такими мыслями и с таким лицом будешь общаться с людьми, то они быстро раскусят нашу...

- Ну и пусть! Может, я хочу, чтобы они раскусили! - Теперь она снова смотрела на него, в ее глазах сверкали молнии негодования. - Ты никогда не думал, что у меня может быть и такое желание?

- А ты не думаешь, затевая всю эту кутерьму, о своем отце? - В голосе Роберто зазвенел металл.

- Об отце? А какое отношение имеет он ко всему этому?

- Когда мы обсуждали нашу сделку, речь, среди прочего, шла и том, каким образом можно вытащить из беды Уолтера Хиллза. - Тон его голоса был тверд, неумолим и безжалостен.

- Ты же обещал помочь ему, как только мы поженимся!

- Да, обещал, но при обязательном условии: люди должны верить, что наш брак настоящий. Если же хоть один человек хотя бы на минуту засомневается в искренности наших намерений - в том, что мы женились по любви, тогда нашей сделке конец.

Неужели он угрожает ей разрывом? Отказом помочь ей и отцу? Нет, он не может быть таким жестоким!.. Но она взглянула на его суровое, мрачное лицо и поняла: этот человек способен на жестокость.

- Ты сидишь за рулем и направляешь машину нашей сделки туда, куда тебе заблагорассудится. - Кейт вздохнула, оторвала маленький листочек с ветки розы и бросила его себе под ноги. - Я же всего лишь пассажирка в этой машине, и мне остается только следовать по твоему маршруту, выполнять твою волю. Иначе я окажусь по другую сторону дверцы. Не так ли?

Миссис Мадругада сидела в шикарном лимузине, отвернувшись от мужа, и задумчиво теребила красивый букет. Ее мысли кружились и разлетались во все стороны, как листья и лепестки роз, которые она механически обрывала с веток и бросала на пол автомобиля. Взглянув на нее, Роберто понял, что она вся ушла в себя и что в ее сердце для него не было места.

- Кейт...

Слегка придвинувшись к ней, он осторожно взял ее за руку, но она, вздрогнув, тотчас отдернула ее и, не поворачивая головы, снова погрузилась в свои мысли.

Неужели прикосновение его руки в самом деле вызывало у нее такое отвращение? Неужели ей хотелось, чтобы сейчас в этом салоне рядом с ней сидел не он, а этот подонок Мартин, который так мерзко соблазнил ее? Неужели она предпочла бы надеть купленное им обручальное кольцо и взять его фамилию?

Мысль о другом мужчине, внезапно пришедшая ему в голову, мгновенно изменила его настроение. В нем закипела дикая ярость, заклокотала безудержная злоба. Злоба на Форда, вытершего ноги о Кейт, и злоба на Кейт, все еще лелеявшую несбыточную мечту получить от жизни то, чего в ней нет и никогда не бывает. Но больше всего он бичевал самого себя за то, что был так равнодушен к Кейт и ко всему, что связано с ней. В душе он страстно хотел, чтобы отношения между ними складывались иначе.

Роберто осознавал, что у них с Кейт было много общего. Оба мечтали о несбыточном, стремились к недостижимому. Он был таким же одержимым безумцем, как и она... Но вот сегодня эта женщина вошла в его жизнь как законная жена; она будет жить в его доме,

каждодневно находиться рядом с ним, они будут спать в одной постели. Что еще ему нужно? Почему он также должен добиваться ее сердца?

- Кейт, - повторил Роберто, и она уловила в его голосе почти угрожающие нотки.

В следующую секунду мужчина вытянул вперед руку и громко постучал по стеклянной перегородке, за которой сидел водитель в униформе.

- Притормозите здесь, - сухо приказал ему Роберто. - Сделаем паузу в нашем пробеге. Можете выйти размяться, подышать свежим воздухом.

Шофер беспрекословно повиновался.

- Роберто! - воскликнула Кейт. - Мы не должны останавливаться! Ведь нас ждут на приеме. Нам дорога каждая минута...

- Не слишком ли вы пунктуальны, мадам? - язвительным тоном спросил он и добавил: - Сегодня мы с тобой вольны делать что угодно. Если мы не приедем в отель вовремя, нас подождут. Ты когда-нибудь слышала, чтобы свадебный прием начинали без молодоженов?

- Однако... - попыталась было опять возразить Кейт, но он приложил к ее губам палец, и она замолчала.

- Никакие возражения не принимаются! Сегодня твоя главная задача - слушать меня внимательно и выполнять все, что я прикажу. Первое, что тебе надлежит сделать сию же минуту, это ответить на вопрос: хочешь ли ты, чтобы наш спектакль с женитьбой удался, или не хочешь? Если хочешь, тогда ты должна немедленно надеть новую маску - маску счастливой молодой жены, взять себя в руки и сыграть на приеме отведенную тебе роль по высшему актерскому классу. Сделай вид, что сегодня осуществилась мечта всей твоей жизни и что семейного счастья нам хватит с избытком до конца наших дней.

- Я не справлюсь с этой ролью! - запротестовала она, но добавила: - По крайней мере без твоей помощи.

- Но как я могу помочь тебе?

Кейт, по всей вероятности, и сама не знала, откуда она набралась столько храбрости, чтобы вдруг придвинуться к нему поближе, заглянуть ему в глаза и сказать:

- Если бы ты повел себя как настоящий новобрачный, тогда мне, возможно, было бы легче сыграть роль настоящей молодой жены.

Его темно-карие глаза подозрительно замерцали, и после коротенькой паузы он спросил:

- А как же, кериди миа, должен вести себя твой новоиспеченный супруг?

- Ну... - В горле у нее вдруг стало сухо, и, чтобы не потерять голос, она резко проглотила слюну. - Ну, например... например, ты мог бы попробовать поцеловать меня.

Он взглянул на нее, как ей показалось, с насмешкой и твердым голосом произнес:

- Это совершенно исключено!

В невероятном смущении и замешательстве Кейт снова отвернулась от Роберто и стала

смотреть то на букет, то в окно – куда угодно, только бы не видеть этих загадочных глаз с бронзовым отливом.

- Кейт...

Его голос был очень мягкий, почти вкрадчивый, но она ничего не произнесла в ответ и даже не повернула голову. А через секунду он сам наклонился к ней и, когда их глаза встретились, прошептал:

- Ну хорошо. Соло ун бесо, только один поцелуй.

Она подставила ему губы и получила поцелуй сладкий, как мед, и нежный, как лепесток розы. Ее сердце запело скрипкой, душа распахнулась парусом, а вспыхнувшая в ней неукротимая страсть, желание интимной близости с этим мужчиной оттеснили, затмили все другие чувства и ощущения.

Кейт не заметила, сколько минут – десять, пятнадцать или двадцать – длился поцелуй Роберто. Все это время она таяла, млела от его губ, языка, рук, от его неистовых ласк и жарких слов любви, и ей казалось при этом, что она находится не в салоне автомобиля, а в каком-то фантастическом мире сладостных сновидений...

Когда волшебство поцелуя и магия объятий исчезли и в серебристо-голубой лимузин вернулась прежняя реальность, Роберто жестом позвал прогуливавшегося неподалеку водителя, Кейт поправила прическу, и молодожены покатали по шоссе дальше к загородному отелю, где все было готово к торжественному приему в честь их бракосочетания.

6

- Наконец-то мы одни! – сказал Роберто и с облегчением вздохнул. – Я думал, гости не выпустят нас из отеля.

Кейт лишь молча кивнула ему в знак согласия. Наконец-то они одни. Разумеется, она знала заранее, что этот неизбежный момент настанет – в конце дня, когда свадебный прием закончится и все родственники и друзья разъедутся по домам. И вот это произошло. Она оказалась наедине с мужчиной, который стал ее мужем. И как же теперь она должна вести себя? Сумеет ли выдержать свой первый супружеский экзамен? Кейт явно волновалась и даже чуточку нервничала.

В течение всего дня ее настроение колебалось, как стрелка барометра перед резким изменением погоды. Ее то обуревал страх при мысли о том, насколько серьезный и, может быть, чреватый непредсказуемыми последствиями шаг сделала она в жизни, выйдя замуж; то она вся светилась от счастья, когда начинала думать о том, что их с Роберто соединили сегодня узы брака. Настоящего брака, ведь по крайней мере она любит его...

Так или иначе им, очевидно, предстоит преодолеть немалый и нелегкий путь вместе, прежде чем между ними будет достигнуто полное или хотя бы почти полное взаимопонимание. Главное, что они наконец связали свои судьбы воедино. А разве не об этом она мечтала, когда была еще совсем девчонкой? И разве не к этому же стремился Роберто?

Во всяком случае она, со своей стороны, постарается сделать все возможное, чтобы в их отношениях не было никаких разногласий, а царили бы только гармония и взаимопонимание. И, по ее наблюдениям, Роберто, кажется, тоже был готов приложить максимум усилий, чтобы их семейный союз стал прочным и незыблемым.

- Устала?

- День был насыщен событиями и показался мне таким долгим! - с трудом оторвавшись от своих мыслей, ответила Кейт.

- Да, день был долгий, - согласился Роберто, - но мне кажется, все прошло хорошо. Ничто ни у кого не вызвало никаких подозрений.

Они подробнейшим образом обсудили, как объяснят своим родственникам неожиданную поспешность их бракосочетания.

- Мы скажем им, что всегда испытывали влечение друг к другу, - рассудил Роберто, - но никогда не распространялись о наших чувствах, потому что они не во всем совпадали. Однако после той злосчастной новогодней вечеринки мы решили больше не скрывать своих чувств, не избегать друг друга и начали встречаться. Мы виделись и в тот период, когда ты училась в университете. Этим обстоятельством можно объяснить, почему ты забеременела э-э... скажем так, раньше срока. Все равно рано или поздно на твой живот обратят внимание.

- Да, его скоро никуда не спрячешь, - согласилась с ним Кейт. - До родов осталось не больше семи месяцев, и мой живот уже не удалось бы прикрыть даже самой молниеносной свадьбой.

- Поэтому тут нам не следует играть в кошки-мышки, а лучше говорить в открытую. Скажем, что мы и так уже потеряли столько лет друг без друга и больше жить врозь не хотели.

- Мне бы не хотелось обманывать отца, но в конце концов я не думаю, что он будет смотреть на все это косо.

Когда Уолтер Хиллз узнал об их планах побыстрее оформить брак, он, казалось, мало удивился, и это, по правде говоря, насторожило Кейт. Возможно, его спокойное отношение к грядущим переменам в ее судьбе объяснялось тем, что Роберто уже пообещал оказать ему финансовую помощь после их женитьбы.

Так или иначе от внимания Кейт не ускользнул тот факт, что на приеме в честь их свадьбы отец, казалось, весь преобразился. Он ходил с приподнятой головой и будто стал на несколько дюймов выше; его спина выпрямилась, а плечи выглядели так, словно с них только что свалилась тяжелая ноша. В его глазах появился какой-то новый блеск, на губах играла улыбка, и он несколько раз безудержно, от души смеялся и даже хохотал, чего с ним не случалось уже сто лет.

- Ничего, он быстро привыкнет к новым обстоятельствам в семье, - сказал Роберто. - Точно также и для моих родителей не потребуется много времени, чтобы породниться с Уолтером и стать дедушкой и бабушкой.

- Надеюсь, что так и будет.

Ей хотелось чувствовать себя такой же уверенной, каким чувствовал себя Роберто. Хотелось, чтобы его слова не расходились с делом. Он пообещал ей стать отцом ее ребенка, пообещал вести себя так, будто Мартина Форда вообще никогда не было на свете. Но будет ли это так на самом деле? Действительно ли он готов поставить крест на существовании Мартина и забыть о том, что этот мужчина - кровный отец ее ребенка? Сможет ли он естественным образом вжиться в роль отца чужого мальчика или девочки и внушить своим родителям, что это их внук или внучка?

- Ты уверена, что чувствуешь себя нормально? - спросил он.

- Я просто устала. Такой день, насыщенный событиями, - повторилась она, - может измотать любого человека.

Впрочем, тут же подумала Кейт, если бы это был настоящий, а не суррогатный брак, если бы он был замешан на любви, она, возможно, и не чувствовала бы такой усталости к концу дня. У истинно влюбленных молодоженов после всех дневных хлопот может подниматься настроение от одной только мысли, что теперь наконец они остались одни. Да, суэта в течение всего дня может измотать их, но тонус у обоих будет великолепный от предвкушения того, что впереди их ожидает самый желанный, самый лучший акт всего свадебного действия - первая брачная ночь.

У таких новобрачных нет рассеянности и неуверенности во взгляде, они не прячут лиц друг от друга, и их нервы не натянуты, как струны скрипки...

- Да, такой день может измотать любого человека, - согласился с ней Роберто, - и по твоему уставшему виду можно судить, что для тебя он не прошел бесследно. Может быть, ты ощущаешь недомогание?

- У меня нет никаких недомоганий, Роберто. Я просто беременна!

Но в душе Кейт знала, чего он допытывался. Ему хотелось знать, слишком ли она устала. Иными словами его истинный вопрос можно было бы сформулировать так: "Ты готова к этой ночи... нашей первой брачной ночи"?

Разумеется, она была готова. Готова к любовному свиданию с ним в постели. И у нее не было на этот счет никаких сомнений или колебаний. Ей этого хотелось самой. Хотелось всегда, даже, кажется, всю жизнь. Она любила Роберто и хотела физической близости с ним. Секс с любимым человеком, тем более ставшим теперь ее мужем, не был для нее проблемой.

Проблемой было, как сказать ему об этом. Ведь не могла же она раскрыть свое тайное, заветное желание сразу, сказать о нем в лоб, ошарашить его таким неожиданным откровением и тем самым, может быть, вызвать у него самую непредсказуемую реакцию. Нет, выкладывать свои карты на стол с ходу было не в ее правилах. Она уже попробовала сделать это в канун того Нового года - и обожглась. Да еще как! Воспоминания о том, как она вела себя на той вечеринке по отношению к Роберто, до сих пор коробили ее.

Она раскрыла тогда перед ним свое сердце, призналась ему в любви. И что получила в ответ? Он просто посмеялся над ней и ушел. Теперь ей следует вести себя осторожнее. Нельзя допустить, чтобы глупое прошлое повторилось. Тем более в день бракосочетания. И тем более, если учесть, что их свадебный корабль отшвартовался от причала прежней, несемейной жизни со скрипом и его плавание по новому курсу началось не совсем гладко. Кейт очень, очень хотела, чтобы их отношения выровнялись и стали настолько устойчивыми, что им не были бы страшны никакие штормы, никакая качка в жизни.

А ведь возможности для улучшения и стабилизации их отношений, бесспорно, были. По крайней мере она в этом ничуть не сомневалась. Неожиданно в памяти Кейт всплыло несколько моментов, связанных с приемом, которые просто поразили ее и глубоко запали в душу.

Первый из них возник, когда они с Роберто только-только вошли в банкетный зал. Официант поднес им шампанское, и она, взяв свой бокал, поначалу не могла сообразить, как ей

поступить, чтобы не принимать алкоголь. Она уже хотела было незаметно поставить бокал на какой-нибудь столик, как неожиданно на помощь подоспел Роберто. Он взял из ее рук бокал и передал ей другой, наполненный напитком такого же цвета, как и шампанское.

- Гремучая смесь, - шутливо шепнул он ей на ухо. - Яблочный сок и простая газированная вода. Никакой угрозы для нашей семейной тайны.

В продолжение всего приема он постоянно находился около нее, следя за тем, чтобы она не испытывала никаких неудобств. Всякий раз, когда ей приходилось поворачиваться к нему, она встречала настороженный, вопросительный взгляд; казалось, он наблюдал за каждым ее движением, каждым жестом, ловил каждое ее слово, чтобы в любой момент выполнить любую ее просьбу или пожелание. Когда она начинала уставать от разговора с кем-нибудь или просто нуждалась в физической поддержке, Роберто как по мановению волшебной палочки тотчас оказывался рядом с ней и отводил ее в какое-нибудь спокойное место зала, где она могла оставаться до тех пор, пока ей не становилось лучше, после чего он снова подводил ее к гостям, с которыми новобрачная могла продолжить беседу.

Ей запомнилось также, как они танцевали с Роберто. Когда был объявлен первый вальс и все услышали слова ведущего: "Дамы и господа, прошу любить и жаловать мистера и миссис Мадругада", он взял ее за руку и вывел на середину зала. Все время, пока они вальсировали, Роберто надежно поддерживал ее за талию и прижимал к себе с такой же нежностью, с какой целовал ее в лимузине по дороге из церкви в отель. Они танцевали, танцевали и танцевали... Музыка оркестра звучала, казалось, в унисон с ее поющим сердцем; ее ноги едва касались пола, а глаза не могли оторваться от его глубоких, темных глаз, которые все больше и больше гипнотизировали ее. Звуки, цвета, другие люди - все куда-то отодвинулось, потом перемешалось, спуталось, сплелось в один пестрый клубок, затем переместилось на задворки ее подсознания, и ей стало казаться, будто они с Роберто остались одни не только в зале, но и в целом мире, а это было именно то, чего она так хотела в эту минуту...

Да, Роберто все время вел себя как настоящий новобрачный, влюбленный в свою молодую жену.

А вечером они приехали к нему домой, где должны были провести первую супружескую ночь, и здесь Роберто поразил ее еще больше. Они добрались до его особняка на окраине Нью-Йорка, когда огромный город уже погрузился в глубокие сумерки. Поблагодарив шофера и сунув ему в карман довольно кругленькую сумму чаевых, он попрощался с ним и, обращаясь к ней, объявил:

- Мы останемся здесь на ночь, а завтра начнется наш медовый месяц.

- Но... - Кейт открыла даже рот от удивления, - не кажется ли тебе, что в нашем случае медовый месяц... э-э... не очень-то уместен?

- Запомни, Кейт: все, что уместно для любого брака, уместно и для нашего, - твердым голосом сказал он. - Я решил жениться на тебе не для того, чтобы устроить из нашей свадьбы спектакль. Клятва, которую я давал тебе перед алтарем, шла от души. Теперь ты моя жена, а я твой муж, и мы будем соблюдать все свадебные традиции, процедуры и ритуалы, в том числе медовый месяц...

Пока Кейт переваривала сказанное им, он отпер входную дверь, широко распахнул ее и, повернувшись к молодой жене, вдруг подхватил ее на руки и понес в дом.

- Роберто! - испуганно и в то же время восторженно вскрикнула она.

Обхватив руками его сильную шею и крепко прильнув к мускулистой груди, Кейт поцеловала его в щеку и закрыла глаза от неожиданного блаженства, которое она ощутила в ту минуту.

Даже сейчас, вспоминая это мгновение, она испытывала внутренний жар и трепет, и ее голова слегка кружилась от пьянящего возбуждения.

Войдя в прихожую особняка, Роберто стал осторожно опускать ее на пол. Даже слишком осторожно, слишком медленно. Она сразу поняла, что он пошел на этот трюк специально, чтобы ощутить, почувствовать всю ее сверху донизу – сначала ноги, потом бедра, ягодицы, грудь и наконец губы. От этого скользящего физического контакта Роберто пришел в явное возбуждение, свидетельство чего она явственно ощутила, прижимаясь к нему, когда уже стояла на полу.

О его разгорающемся возбуждении говорили и последовавшие затем поцелуи: он целовал ее сейчас не так нежно, как в серебристо-голубом лимузине, а грубо, властно, взасос, целовал нетерпеливо, с несдерживаемым пылом, будто боялся, что она уйдет, покинет его в любой момент. Впрочем, и ее ответные поцелуи были не менее темпераментными и страстными.

Оба думали о том, что впереди их ждала первая брачная ночь, и обоих начало постепенно, исподволь захлестывать безудержное сладострастие...

- Я хочу тебя, - сказал он тогда, - Хочу больше, чем саму жизнь. Я всегда хотел тебя и всегда буду хотеть. Я мечтал о тебе сегодня весь день...

- Он еще не закончился... Я имею в виду наш первый брачный день, - заметила она. - Но наша первая брачная ночь уже вот-вот наступит...

В ней бурлили желание и бесшабашная смелость; она ждала этой ночи с нетерпением и хотела, чтобы он знал о том, что у нее творилось в сердце. Да, она скажет ему об этом сегодня. Только надо как следует подготовиться, чтобы эта ночь стала событием и осталась в их памяти навсегда.

- Роберто, мне надо привести себя в порядок, принять душ...

- Конечно, дорогая. Твои чемоданы и сумки были доставлены сюда заранее, так что все, в чем ты сейчас можешь нуждаться, находится наверху.

По винтообразной лестнице они поднялись на второй этаж и вошли в огромную комнату, обставленную мебелью в светлых тонах. Через полукруглое окно был виден прилегающий к особняку сад размером с маленький парк.

- Ванная расположена вон там. - Роберто указал на дверь в дальней стене комнаты.

Но Кейт медлила, глядя во все глаза на широченную кровать; от ее габаритов у новобрачной захватило дух и пересохло в горле.

Да, она хотела его так же, как хотел ее он - у нее на этот счет не оставалось никаких сомнений. Сомнения были в одном: справится ли она со своими супружескими обязанностями в постели? Получат ли оба они удовольствие и физическое удовлетворение друг от друга или все ограничится лишь механическими действиями? Интуиция подсказывала ей, что все будет потрясающе.

Потому что это любовное рандеву в постели будет с Роберто, а не с Мартином, неожиданно

подумала она.

С Мартином Фордом она так и не узнала, что такое сексуальное удовлетворение. Его действия в постели не вдохновляли ее, если не сказать резко. Она на них никак не реагировала, и это обстоятельство начало беспокоить ее: уж не фригидна ли она? Но ведь она не любила этого человека.

Другое дело Роберто – мужчина ее мечты, мужчина, которого она любила многие годы. Но вдруг и с ним она ничего не испытает? Как она будет реагировать этой ночью на его любовные ласки?

– Теперь ты можешь расстаться со своим свадебным нарядом и переодеться во что-то более легкое, чтобы тебе было удобнее, – предложил ей Роберто, все еще озабоченный чисто практическими мелочами.

Но Кейт в эти минуты была озабочена другим: ей хотелось, чтобы он обнял ее и покрепче прижал к себе, чтобы зацеловал, заласкал всю ее – и тогда у нее исчезнут все страхи и опасения перед их первым любовным свиданием на брачном ложе, и на смену им придет страстное, безудержное желание отдаться ему. Такое же желание, какое он разбудил в ней тогда, в ее домашней библиотеке. В тот вечер она была неспособна думать; в тот вечер она могла только чувствовать. И она хотела, чтобы он довел ее до такого же состояния и сейчас.

– Ну что ж. Приводи себя в порядок, а я оставлю тебя на какое-то время, – сказал он.

– Благодарю.

Ее охватило разочарование. И оно резко усилилось, когда она увидела, как Роберто направился к двери, как стал удаляться от нее. Удаляться, как в тот вечер в библиотеке.

Но она на этот раз не стала его останавливать.

Тяжело вздохнув, Кейт скинула туфли и босиком направилась по мягкому ковру в ванную. Да, ей надо сейчас принять душ, чтобы встряхнуться, сбросить усталость, накопившуюся за день.

* * *

Роберто обуревали невеселые мысли, когда он спускался по лестнице на первый этаж. В его тактические планы входило дать Кейт время, чтобы она привыкла, приспособилась к новой обстановке. Он не хотел торопить события. Но она, казалось, по-прежнему смотрела на него как на своего врага, которого боялась и которому не доверяла. Но почему? На сердце у него скребли кошки.

Войдя в гостиную, он сразу прошел к бару и взял с полки бутылку красного вина. Но тут же поставил ее обратно, решив, что алкоголь – не лучшее средство для поддержания эмоционального равновесия.

Он вспомнил, как алкоголь подвел его на той вечеринке в канун Нового года. Преисполненный решимости строго выполнять обещание, которое он дал Уолтеру Хиллзу, Роберто налил себе первый и, как он рассчитывал, последний бокал за весь вечер. Вином он надеялся хоть как-то приглушить, утихомирить то возбуждение, которое разжигала в нем красота Кейт. Но один бокал не подействовал. Наоборот, он только раззадорил его... Сколько же он выпил в тот вечер? Алкоголь лишь обострил в нем сладострастное восприятие всего облика Кейт, ее стройного, гибкого тела, глубоких зеленых глаз, каштановых волос...

О Боже, ну почему Уолтер установил для него срок “воздержания” к двадцатидвухлетию Китти, а не к тому дню, когда ей исполнился двадцать один год! Видимо, с “запасом”.

Дело в том, что сам Уолтер женился на своей Луизе, когда ей только-только исполнилось двадцать лет. Именно на этот факт он сваливал вину за свой несчастливый брак. Моя жена была слишком молода, чтобы понимать свою душу, говорил он друзьям. По сути дела Луиза так и не пожила в свое удовольствие, не узнала вкуса свободы. Через год после замужества она родила Китти и оказалась в двойных тисках: материнские обязанности с одной стороны, хлопоты по хозяйству – с другой. Кейт не исполнилось и десяти лет, когда мать бросила ее и мужа и умчалась в поисках желанной свободы.

– Я не хочу, чтобы вы с Кейт в точности повторили историю моего несчастливого брака, – сказал Уолтер, выслушав признание Роберто в любви к его Китти.

Роберто тоже хотел, чтобы у них с Кейт сложилось все иначе, чтобы их брак стал счастливым. Нервно расхаживая взад и вперед по элегантной гостиной в ожидании жены, он ломал голову над тем, как надо им жить, какие меры и действия предпринимать заранее, чтобы не допустить крушения их брака по тем же причинам, по которым рухнул брак ее родителей.

Поэтому он очень хорошо понял Уолтера, когда тот попросил его подождать, не форсировать события с любовью. Прежде чем объясниться Кейт в любви, Роберто следовало дать ей возможность хотя бы закончить университет, пожить какое-то время самостоятельно и почувствовать вкус свободы, которой была лишена ее мать.

Пока Кейт была еще совсем молоденькой (а он в ее глазах был уже, разумеется, старым, скучным и неинтересным), ему вполне удавалось сохранять в общении с ней определенную дистанцию и не посягать на ее свободу, а тем более девичью честь. Но однажды, когда наступило очередное Рождество и он увидел ее за праздничным столом, ему вдруг страшно захотелось нарушить обещание, которое он дал своему другу и деловому партнеру Уолтеру Хиллзу. Ему захотелось подсесть к ней и заговорить о чем угодно и при этом бесконечно смотреть в ее искрящиеся темно-зеленые глаза. Ему захотелось сделать это, потому что Кейт невероятно изменилась, превратившись из симпатичной девчушки в красивую молодую женщину. Он просто не мог оторвать от нее глаз. И она знала это. И начала флиртовать с ним.

А на той новогодней вечеринке пошла еще дальше флирта – сама стала вешаться ему на шею. Сказала, что уже много лет мечтает о нем. Что в целом мире для нее никого, кроме него, не существует. Что любит его. Затем завлекла его в тихий, темный угол, закинула руки ему на шею и стала целовать, неопытно, но страстно, жаростно. Целовала так, что у него начала кружиться голова и – от жгучего желания – топорщиться брюки в паху. И тогда она шепнула, что они могут скрыться в ее комнате и что никто не заметит их исчезновения...

Сколько же усилий пришлось приложить ему в тот вечер, чтобы устоять перед ней! Чтобы не замарать свою совесть и не втоптать в грязь обещание, данное ее отцу. Он даже выпил больше обычного с целью набраться храбрости и наглости, чтобы оттолкнуть ее. И оттолкнул-таки, идиот! Начал цедить сквозь зубы всякую пьяную чушь вроде того, что она еще ребенок и поэтому не интересует его, что ему нужна зрелая, опытная, настоящая женщина, а не девочка-малолетка. Да, это было жестоко с его стороны. Но он не мог больше ничего придумать, чтобы убежать от нее и остаться верным клятве, которую дал ее отцу.

Вернувшись после той вечеринки домой, он дико, тупо, в стельку напился, но от этого ему не стало на душе легче. Он последними словами ругал себя и переживал за Кейт, за то, что так грубо, цинично обошелся с ней, так безжалостно оттолкнул ее.

Нет, алкоголь не помог бы ему стабилизировать эмоциональное состояние и сегодня, сейчас. Тем более что сегодня вечером и ночью он должен оставаться трезвым как стеклышко. Должен полностью контролировать свои действия и проявить себя с наилучшей стороны. Потому что этой ночью ему предстояло провести жаркое сражение за Кейт. Предстояло отвоевать ее у этого ублюдка Форда.

Но он не будет спешить, не будет рваться в бой с налету. Ни в коем случае. Прежде чем они лягут в постель, он заласкает, зацелует, разнежит ее в своих объятиях. Потом медленно разденет. И будет целовать, гладить, рассматривать ее уже голую, трепещущую, ожидающую. От его губ, языка, рук, всего тела, прикасающегося и трущегося о ее тело, она должна возбудиться настолько, что сама потянет его в кровать и будет просить овладеть ею. А когда они соединятся, он применит все свое любовное искусство, употребит все мужское умение и нежность, чтобы они стали одной плотью. Чтобы она напрочь выбросила из головы бывшего любовника Мартина Форда. И чтобы помышляла после этой ночи только об одном мужчине – о своем муже...

Вот же черт возьми! Почему ее до сих пор нет? Почему она не спускается в гостиную? Когда-то он пообещал Уолтеру Хиллзу, что до определенного срока не будет трогать его единственную дочь, оставит ее в неприкосновенности. Но с сегодняшнего дня они с Кейт муж и жена, и он уже больше не может терпеть. Она нужна ему, он жаждет ее!.. Но где же она застряла? Неужели еще в ванной? Не может быть.

Выскочив из гостиной, он рванулся вприпрыжку по лестнице вверх, распахнул дверь спальни и окликнул жену. Но ему ответила тишина. Огромная комната была пуста. Закрытая дверь в ванную не шелохнулась. Однако он не слышал шума воды – значит, душ был выключен.

Ну хорошо. С минуты на минуту она должна выйти. Надо подождать еще чуток. Но сначала...

Он подошел к туалетному столику, выдвинул верхний ящик и вынул из него коробочку с ювелирным украшением. Затем открыл ее, проверил содержимое и внимательно оглядел комнату. Он искал место, куда можно было бы положить коробочку так, чтобы Кейт не обнаружила ее сразу, а он в нужный момент мог бы без труда дотянуться до этого подарка, приготовленного для нее.

Наконец его взгляд остановился на пуховых подушках, лежавших на кровати с той стороны, которую Роберто намеревался предложить жене, и он спрятал коробочку под них. Затем сел на край кровати и стал ждать.

Прошла минута, вторая... пятая. Но Кейт так и не появлялась. Роберто забеспокоился. Беспокойство начало стремительно переходить в тревогу...

- Кейт! – громким голосом позвал он ее. – С тобой все в порядке?

- Сейчас. Подожди еще минутку. – Ее голос показался ему далеким и слабым, и он едва расслышал ее.

Прошло еще пять минут.

- Кейт! – Решительным шагом он прошел в другой конец спальни и забарабанил в дверь ванной. – Чем ты там занята, черт возьми?

Нет, он не прав. Нетерпеливость в сложившейся ситуации совсем не годится. Ведь так он может и перепугать ее. Не надо ее дергать, у нее и без того нервы натянуты как струны.

Роберто заставил себя вернуться к кровати и опять стал ждать. Когда наконец дверь ванной закрипела, он вскочил и, как мальчишка, влюбленный первый раз в жизни, рванулся навстречу молодой жене. Рванулся с мыслью, танцевавшей в его голове: эта женщина – единственная любовь всей моей жизни.

В первую же секунду, как только он увидел ее, ему стало ясно, что произошло что-то ужасное. Если полчаса или час назад она выглядела просто усталой и бледной, то сейчас ее лицо было мертвенно-бледным, как полотно. В нем не было ни кровинки.

Когда она слегка пошатнулась в дверях, Роберто успел подхватить ее под руки, потом обнял за талию и встревоженным, испуганным голосом спросил:

- Китти, что случилось? Скажи мне, ты не...

- Роберто, помоги мне! – отчаянным выкриком оборвала его Кейт. – Вызови врача, пожалуйста... и побыстрее! Мне очень, очень плохо. У меня... у меня открылось кровотечение!

7

Роберто не стал вызывать врача; он тут же вызвал по телефону своего шофера, а ей сказал:

- Китти, милая моя девочка, сейчас мы сами поедем в больницу, и я все организую и проконтролирую там, как надо... Потерпи, керида, продержись чуток, ведь ты же можешь, ты у меня терпеливая и сильная, – ласково говорил он и нежно гладил ее волосы, щеки, шею. – Только не паникуй. Все будет хорошо. Я позабочусь о тебе. Ты только держись за меня, чтобы не упасть. Держись крепче.

Ей хотелось бы верить всему, о чем говорил Роберто. Верить, что все действительно будет хорошо. Однако надсадные боли в животе и почти исчезающее чувство тошноты говорили совсем о другом. – О том, что ее беременность прервалась. И она была уверена, что так оно и произошло...

Может быть, это к лучшему, с горечью подумала Кейт. А что, если бы ребенок унаследовал черты своего настоящего отца: эгоизм, холодную расчетливость, циничное отношение к женщинам... Об этом она как-то не подумала, сохраняя беременность. В самом деле, зачем Роберто такой “подарочек”. Он этого не заслужил... Кейт застонала и с благодарностью ощутила, как муж, успокаивая, погладил ее по голове.

Кейт едва заметила, как он подхватил ее на руки и быстро понес вниз, на выход, к машине, которую уже подогнал к подъезду его водитель. В больницу они, казалось, не просто мчались, а летели, как на крыльях. В ее больном воображении эти крылья все время покачивались, изгибались, гнулись, так что испытываемый ею дискомфорт постепенно переходил в жуткий страх, и если бы не сильные руки Роберто, которыми он на всем пути до больницы прижимал ее к себе, если бы не его ласковые увещания, она бы давно уже оглушила водителя, его босса и саму себя отчаянными воплями. Но она только до крови прикусила нижнюю губу, чтобы молчать и не разрыдаться, и давала волю лишь слезам, которые до самой больницы обильно катились по ее мертвенно-бледным щекам.

В приемном отделении больницы вся процедура оформления Кейт прошла, к ее удивлению, гладко и без всяких задержек. А все потому что был танк – Роберто Мадругада. В мгновение ока он смял все стоявшие перед ним бюрократические препоны и довольно бесцеремонно обошелся с теми медицинскими чиновниками, которые попытались было воздвигнуть на его пути новые преграды.

Он не дожидаясь, не просил, а лишь громким и четким голосом требовал то, что хотел получить. Он хотел, чтобы для его жены выделили самую лучшую, самую комфортабельную палату. И такую для нее выделили. Он хотел, чтобы Кейт занялся самый квалифицированный, самый главный гинеколог больницы. И ведущий специалист явился к ней, как по вызову "скорой помощи". Он потребовал обеспечить для миссис Мадругада самое эффективное лечение, использовать для нее новейшее оборудование и медикаменты – и ему пообещали оказать ей всяческую необходимую помощь.

Но Кейт ничего не помогло – ни лучшая в мире медицинская технология, ни опыт лучших гинекологов мира. Кровотечение не прекращалось. Медицина казалась бессильной. После проведенного обследования и принятых мер ей смогли лишь предложить болеутоляющие средства, предписали постельный режим и порекомендовали больше уповать на матушку-природу. С беременностью все было кончено, ее сохранение оказалось невозможным, и Кейт оставалось лишь смириться с неизбежной превратностью судьбы.

Но на следующее утро, когда она с трудом проснулась (первая ночь в больнице оказалась для нее тяжелой и изнурительной), судьба приготовила ей новый сюрприз. В палату вошел лечащий врач и после обычного осмотра сообщил ей то, чего – слава Богу! – не услышал ее муж.

Роберто просидел около нее всю ночь без сна, порядком измучился, и перед утром она буквально прогнала его домой, чтобы он мог как следует выспаться. Медики заверили его, что миссис Мадругада находится вне опасности и что в случае надобности они позвонят ему.

То, что сообщил ей лечащий врач, прозвучало не просто как гром среди ясного неба, а как самый диковинный гром, какого она никогда еще не слышала в своей жизни. Оказывается, как выяснилось в результате ее тщательного гинекологического обследования, она вовсе не теряла никакого ребенка. Потому что ей нечего было терять. Потому что у нее не было беременности! Никогда в жизни. А был лишь плод ее воображения. Так называемая ложная беременность. То есть чистой воды фантазия. Иллюзия.

- Но ведь я проверялась... я делала анализ. – Она смотрела на врача с нескрываемым ужасом. – И результат был положительный!

- Нелегальные тесты на беременность не всегда дают стопроцентную точность, – пояснил медик-профессионал. – Иногда результаты таких анализов оказываются ошибочными. Похоже, в вашем случае именно так и произошло.

- Но у меня два месяца не было менструации!..

- Возможно, этим и объясняется чувство недомогания и общей слабости, которое вы испытывали в последнее время. Задержку месячных могут вызывать разные факторы. Например, эмоциональные расстройства, нарушение режима питания... У вас возникали в эти месяцы какие-то напряженные моменты?

- Еще какие! – Кейт глубоко вздохнула. – У меня был как раз пик выпускных экзаменов в университете...

И как раз в это же время она узнала, что у ее любовника есть семья – жена и двое детей, остававшиеся в Канаде, и ей также стало ясно, что Мартин просто развлекался с ней, как с глупым котенком. Лишив ее девственности и при этом ни на йоту не испытывая угрызений совести, он грубо использовал ее для удовлетворения своих сексуальных потребностей, пока находился в Штатах. Летом, когда должен был закончиться срок его лекторской миссии, он

твердо намеревался бросить ее и вернуться к своей канадской жене.

По существу, заезжий лектор Мартин Форд увидел в ней лишь одно привлекательное качество – девственность. Ее невинность он рассматривал как цель, которую должен был во что бы то ни стало поразить. Ее девственность стала для него своеобразным трофеем, которым он теперь мог бахвалиться.

- Я была уверена, что забеременела, – все еще не могла успокоиться Кейт.

- Наш разум – удивительная выдумка природы, – сказал лечащий врач. – Он способен творить чудеса, делать невообразимые открытия, способен изумлять нас и обогащать наш духовный мир. Но порой он подбрасывает нам такие странные, неожиданные штучки! Особенно в период стрессов, когда мы начинаем воображать то, чего на самом деле нет. Я знаю десятки людей, которые обнаруживали у себя симптомы самых различных заболеваний, однако на поверку оказывалось, что они здоровы и к тому же...

- Кстати, вы сказали моему мужу, что я не была беременна? – вдруг прервала его Кейт.

- Разумеется, нет, – ответил врач. – Ведь мы не могли даже предположить, какой была бы его реакция на такую информацию. Но если хотите, мы сообщим ему о результатах нашего обследования...

- Нет, не надо. Я объясню ему все сама. Так будет лучше.

- Возможно, вы правы, – согласился с ней врач и поднялся со стула, приготовившись уйти. – Во всяком случае, я уверен, что он поймет вас правильно.

* * *

Но Кейт не была уверена, что Роберто поймет ее правильно. И поймет ли вообще? Если бы этот мужчина был ее настоящим мужем, если бы женился на ней по любви, тогда, может быть, он действительно понял бы ее и не придавал значения обнаружившемуся факту – тому, что она никогда не носила в своем чреве ребенка.

Но ведь, по сути дела, Роберто был ее суррогатным мужем. Мужем на бумаге. И женился-то на ней только потому, что она была в интересном положении и попросила его о помощи. А теперь... Что он подумает о ней теперь? Какой будет его реакция, когда он узнает, что никакого плода ее утех с любовником не было, а был лишь плод ее больного воображения? Не придет ли ему в голову, что она все придумала, чтобы спровоцировать его на этот “благородный поступок”?

Одно Кейт знала твердо: какими бы словами она ни изложила историю своей беременности, какие бы факты и доводы при этом ни выдвинула, в любом случае его реакция будет такой же бурной, какой было историческое извержение вулкана Этна...

Роберто вернулся в больницу довольно мрачным. Так по крайней мере показалось Кейт. Его взгляд был хмурым, под глазами обозначились темные круги. По всему было видно, что спал он совсем мало.

- Как ты себя чувствуешь? – спросил он, еще даже не успев прикрыть за собой дверь палаты.

- Более или менее... в порядке.

- А ребенок?

- Боюсь... боюсь, у меня... у нас не будет ребенка, Роберто.

- Что? О, Кейт... - Он сел на край кровати и взял в ладони ее руку. - Мне так жаль...

- Не будет, потому что... - Он смотрел на нее, не мигая; она отвела глаза, тяжело вздохнула и усилием воли заставила себя закончить фразу: - Потому что его никогда не было.

Роберто одеревенел. Замер в неподвижности. Его взгляд застыл в темно-зеленой бездне ее глаз. После паузы он выдал из себя глухим голосом:

- Не понимаю. Что ты имеешь в виду? Кейт... объясни же!

Дважды она пыталась открыть рот и ответить ему, и оба раза у нее отнимался голос. Когда наконец ей удалось начать говорить, первые несколько слогов прозвучали, как несмазанное скрипучее колесо тронувшейся с места телеги.

- Да, потому что ребенка никогда не было, - с трудом повторила Кейт. - Судя по всему, я только внушала себе... может, с испуга, что залетела от этого идиота Мартина. На самом же деле никакой беременности не было. Так сказал мой лечащий врач. Он навестил меня утром. Сказал, что они провели исследование...

- Но ведь ты же проверялась, тебе делали анализ!

О Боже! Неужели тогда, когда она ему обо всем рассказала, он подумал, что ей сделали анализ официально, по направлению врача? Ну конечно же. Ведь это же Роберто Мадругада! У него любая бумажка должна быть подписана, заверена и подкреплена печатью. На всякий случай. Чтобы все было верно и надежно и чтобы никакой комар носа не подточил.

- Анализ делала я сама. В аптеках продаются специальные пакеты... На них, правда, написано, что этот метод самопроверки не дает стопроцентной гарантии точности и что полученный результат рекомендуется перепроверить в официальном медицинском учреждении.

- Но ты, насколько я понимаю, затруднять себя такой перепроверкой не стала, так? Так. И все-таки не благоразумнее было бы перестраховаться?

- Разумеется, перестраховка никогда не помешает, - согласилась с ним Кейт и резким тоном добавила: - Но мне в то время было не до перестраховки! У меня мозги были набекрень, черт бы тебя побрал! Я была брошена, предана, меня убивало одиночество, а тебя тогда не было рядом, а потом ты был...

- Я был - что?..

- Ты был озабочен только одним: поскорее жениться на мне, чтобы побыстрее затащить меня в постель!

Роберто не стал перечить ей, потому что по большому счету, черт возьми, она была права: он действительно очень хотел ее и стремился как можно скорее заняться с ней сексом. И во всей этой истории с ложной беременностью в какой-то степени был виноват и он. Ему самому следовало проявить инициативу и убедить ее в необходимости провериться в солидной больнице или клинике.

Но в то время его мозги тоже были слегка повернуты набок. По крайней мере он больше думал не ими, а более примитивной частью своей мужской анатомии. И вот результат: брак по необходимости вместо брака по любви... Существенная разница. И прекрасная возможность для Кейт всю жизнь попрекать его этим.

Тупо уставившись на цветастое хлопчатобумажное покрывало, на котором он сидел, Роберто до боли в суставах сжал пальцы обеих рук в кулаки. Внутри клокотала ярость. Он был страшно зол на самого себя, потому что на какое-то время позволил своим чувствам взять верх над рассудком.

Но ему тогда было не до рассуждений. Он хотел заполучить Кейт, а она недвусмысленно дала ему понять, что если бы не ее отчаянное положение, он никогда бы не смог склонить ее к браку. И он, болван, поверил. Вот если бы сразу выяснилось, что никакой беременности нет, и не было бы необходимости торопиться, тогда... Тогда он смог бы сначала завоевать любовь Кейт, сделать так, чтобы она и думать забыла о том негодяе. И только потом сделать ей предложение.

- Кейт, ты действительно считаешь, что я торопился с нашей свадьбой потому, что хотел побыстрее затащить тебя в постель? - спросил он.

- Да, я так считаю. А разве ты не согласен со мной? Даже если бы ты попытался возразить мне, я не поверила бы ни одному твоему слову.

Честно говоря, она противоречила самой себе, ибо то, что было у нее на языке, не совпадало с тем, на чем настаивал ее рассудок. А рассудок требовал, чтобы Роберто отверг ее утверждение о том, будто он женился на ней только для того, чтобы побыстрее овладеть ею.

Ее рассудку вторило сердце. Пожалуйста, Роберто, ну пожалуйста, опровергни мое утверждение, стучало оно. Скажи мне, что ты никогда не собирался использовать нашу женитьбу только в целях удовлетворения похоти. Скажи, что в душе у тебя были совсем другие причины, когда ты делал мне предложение. Скажи, что ты любишь меня или хотя бы уважаешь. Скажи мне хоть что-нибудь и я, глупая, слабая женщина, поверю каждому твоему слову!

- Да, я согласен с тобой, с твоим утверждением, - довольно циничным тоном заявил он. - Ты сказала правду: я на самом деле хотел тебя и, чтобы поскорее добиться этого, попросил твоей руки.

- Что ж, спасибо за откровенность, мистер Мадругада! - с неприкрытой горечью бросила она ему.

- А я всегда откровенен. В отличие от некоторых.

- Но, Роберто, я действительно думала, что забеременела. - Ее тон заметно смягчился.

- Если бы ты действительно думала, кериди миа, то заранее предприняла бы какие-то практические действия. Например, повторно сдала бы анализ на беременность квалифицированным специалистам - и тогда ты, может быть, не попала бы в свадебную западню, и тебе не пришлось бы, как придется теперь, до конца дней сожалеть об этом.

- Я...

Кейт хотела было сказать, что никогда не будет сожалеть об этом, но, натолкнувшись на его

холодный, непроницаемый взгляд, поспешила прикусить язык. Все равно он не поверил бы ей. И вместо слов, едва не сорвавшихся с ее губ, она пролепетала:

- Полностью согласна с тобой.

- Бьен, хорошо. Теперь мы по крайней мере знаем, к чему пришли и что нас ожидает, - язвительным тоном сказал Роберто. - Кое о чем нам, кажется, удалось даже договориться, не так ли, дорогая? По крайней мере ты признаешь, что из-за собственной халатности связала себя узами нежеланного брака, и не будешь обвинять в этом меня.

С этими словами мужчина направился к выходу из палаты. Надо поскорее убраться отсюда, пока он не сказал что-то лишнее, о чем потом будет очень и очень сожалеть, думал Роберто. А он мог бы в эту минуту сказать ей о том, о чем думал. Например, о том, что, узнав о ее беременности, действительно хотел помочь ей. И хотел, очень хотел, чтобы она оставалась рядом с ним, находилась около него постоянно. Но для этого надо было оформить брак. А удобным предложением для брака как раз стала ее беременность. Хотя лучше бы - намного лучше - если бы предлог был совсем другим.

В тот момент, когда он узнал о ее беременности, он даже не думал, любит она его или не любит. Ему было все равно. Главное, он мог помочь ей, мог вытащить ее из беды, в которую она попала, и этого ему было достаточно. Он готов был выполнять роль ее благодетеля сколько угодно - например, до тех пор, пока ей не понадобится от него что-то другое. Может быть, любовь, в которую постепенно перерастет их дружба. Да, он действительно надеялся, что со временем Кейт может влюбиться в него, и тогда их фиктивный брак, заключенный ради ребенка, превратится в брак настоящий, который даст благополучие им обоим.

Однако теперь, когда речь о ребенке уже не шла, Кейт, очевидно, поняла, какую ошибку она допустила, выйдя за него замуж. Любое сказанное ею слово свидетельствовало о том, насколько глубоко она сожалела о своем поспешном согласии стать его женой и как тяжело переживала теперь их вынужденное будущее сосуществование в семейной западне...

Кейт увидела, что Роберто уже подошел к двери. Сейчас он выйдет, покинет ее, и она снова останется одна. Нет! Нельзя, чтобы он сделал этот шаг! Она не должна допустить этого!

- Роберто... - тихо простонала она.

Услышал ли он ее?

- Что? - Мужчина даже не обернулся, не посмотрел в ее сторону.

- Врач сказал, что я могу уже сегодня выписываться. Как мне добраться до дома?

Слова Кейт почему-то причинили ему боль, и он, стараясь держаться спокойно и уравновешенно, сказал:

- Я приеду за тобой машину в любое время, когда она тебе понадобится. Прости, что не смогу сам отвезти тебя домой, но мне кажется, принимая во внимание твои чувства, чем меньше мы будем видеть друг друга, тем лучше.

8

Как он и обещал, машина подъехала к больнице вовремя. Но, кроме водителя, в ней никого не было. Не было Роберто и дома, когда ослабевшая после больницы Кейт вошла в особняк. Не

появился он и к ужину. Но ее встретила экономка, которую Роберто нанял со свойственной ему расторопностью, так, чтобы она успела к возвращению хозяйки из больницы приготовить еду и убраться в комнатах.

Было далеко за полночь, когда Кейт, уставшая от эмоциональных перегрузок минувшего дня, добралась наконец до постели. Через четверть часа она уже спала как убитая. А спустя несколько минут ее разбудило довольно громкое урчание автомобиля, остановившегося напротив главной наружной двери особняка. Это был Роберто. Но она не смогла встать, чтобы встретить его. У нее едва хватило сил, чтобы чуть-чуть приподнять голову и тут же в полном изнеможении опять уронить ее на подушку.

Утром Кейт тоже не увидела его. Он уехал еще до того, как она проснулась. К тому же он спал в другой комнате: простыня рядом с ней даже не была смята, под одеялом не чувствовался мускусный запах разогретого мужского тела, а его подушка как лежала, так и осталась лежать взбитой и тщательно разглаженной. Словом, она не обнаружила никаких следов ночного посещения спальни мужчиной, который считался ее законным мужем.

Примерно так же протекала ее жизнь и на следующей неделе. Изю дня в день Кейт не прекращала предпринимать отчаянные попытки хотя бы мельком взглянуть на мужчину, за которого вышла замуж. Но тщетно. Она подолгу засиживалась по вечерам, допоздна не ложилась спать, поджидая его, но он все не приезжал; в конце концов она не выдерживала и, изнервничавшаяся и сонная, буквально валилась с ног. Иногда ей удавалось просыпаться рано утром с надеждой, что она застанет его до того, как он уедет в офис. Но у него, казалось, было какое-то особое чутье, какое-то шестое чувство, которое позволяло ему легко избегать контактов с ней. Однажды она встала ни свет ни заря с полной уверенностью, что Роберто наверняка еще спит. Каково же было ее удивление и разочарование, когда оказалось, что именно в эту ночь он вообще не появлялся дома.

Лишь десять дней спустя ей удалось наконец встретиться с ним. И то это произошло только потому, что в тот вечер она категорически отказалась играть с ним в кошки-мышки. Ей даже пришлось пойти на тактическую хитрость, чтобы добиться намеченного результата. Прежде всего она выключила на первом этаже все люстры и лампы, чтобы создать иллюзию полного безлюдья в особняке. Затем зашла в гостиную, выбрала самое неудобное старое кресло, придвинула его вплотную к двери и уселась в него. Так она соорудила себе наблюдательный пункт: отсюда хорошо просматривались главная входная дверь и почти вся прихожая. Кресло же было настолько неудобное, что ей не удалось бы заснуть в нем при всем желании.

Устроившись таким образом, она стала терпеливо ждать возвращения домой законного супруга.

Кейт не помнила, сколько ей пришлось ждать...

В конце концов, несмотря на дискомфорт старого кресла, она чуть было не прокараулила мужа. Час был слишком поздний, чтобы можно было успешно бороться со сном, который все настойчивее одолевал ее. Она без конца зевала, глаза закрывались сами... Из дремотного состояния ее вывел металлический скрип ключа, проворачиваемого в замке. Привстав с кресла, Кейт увидела, как массивная дверь из резного дуба медленно отворилась и в прихожую шагнул Роберто.

На нем был один из тех элегантных, безукоризненно сшитых костюмов, в которых он всегда ходил в офис. От влажной дневной жары ослепительно белая хлопчатобумажная рубашка слегка помялась, а галстук был ослаблен и свободно свисал между лацканами расстегнутого

пиджака... Глядя на Роберто, можно было подумать, что этот вечер он провел в компании закадычных друзей.

При одном только его виде сердце Кейт екнуло и помчалось куда-то вприпрыжку, а за ним погнались все ее мысли и чувства. За полторы недели, пока они не видели друг друга, она успела порядком истосковаться по этому мужчине, соскучиться по его поджарой фигуре, темно-кариым глазам и сипловатому голосу. От здоровой, неуемной чувственности, которой, казалось, так и лучились его тело, глаза и каждая черточка лица, у Кейт перехватило дыхание и на мгновение даже пропал голос.

В ту же минуту ее заметил Роберто. Он встал у двери как вкопанный, оглянулся назад, словно соразмеряя свои шансы возвращения в ночной город, затем вновь уставился на Кейт. Сняв пиджак и перебросив его через плечо, он сделал несколько шагов по направлению к жене, остановился в двух-трех футах от нее и сказал: – Добрый вечер, Кейт. Чему я обязан иметь удовольствие лицезреть тебя здесь в столь поздний час?

Его иронически-саркастический тон насторожил ее. Она понимала, что и тоном, и самой подборкой слов он хотел выбить ее из душевного равновесия. И в определенной степени это ему удалось. В его темных глазах сверкнули злые огоньки, и она с трудом сдержалась, чтобы не наговорить ему гадостей, а потом убежать на второй этаж и закрыться в спальне.

– Знаешь, мне вдруг захотелось выяснить вместе с тобой, сколько дней мы уже не виделись и почему, – дрогнувшим голосом ответила она.

– Наверное, дней десять. – Он помолчал и добавил: – Я был все эти дни занят.

– Занят во время своего медового месяца? Сомневаюсь, что многие мужья сразу после женитьбы с головой уходят в дела.

– Но надо учесть, что моя женитьба имела не традиционный, а специфический характер, – цинично заметил Роберто. – Или ты считаешь, что наш брак не отличается от обычного, какой бывает у большинства людей?

– Нет, я так не считаю. Наш брак действительно не относится к категории обычных, – согласилась с ним Кейт. – Но ведь ты сам настаивал, что мы должны вести себя так, чтобы у людей не возникало никаких подозрений насчет нашей женитьбы. По крайней мере на публике нам следует вести себя так, будто мы настоящая, а не суррогатная семейная пара. Но если тебя никогда не бывает дома, а я целыми днями предоставлена самой себе, нам вряд ли удастся дурачить публику долго.

– То есть, ты хочешь сказать, что я пренебрегаю тобой? – К нему опять вернулся саркастический тон. – Прости, дорогая! Но я, честно говоря, думал, что у тебя вообще нет никакого желания встречаться со мной. Выходит, ты изменила свое решение?

– Ты же прекрасно знаешь, что все мы порой раздуваем из мухи слона. Точно так же ты знаешь, что наши отношения не могут, не должны сохраняться в той форме, какую они приняли полторы недели назад. Роберто, нам надо серьезно поговорить!

– Надо ли? – Она уловила в его голосе не только насмешливые, но и угрожающие нотки. – Де акуэрдо, керида! Я согласен, дорогая. Если ты хочешь поговорить, давай поговорим.

Подойдя к бару, он взял бутылку красного вина, щедро плеснул жидкости в бокал и сразу отпил внушительную дозу.

- Говори, я весь внимание, - продолжал язвить Роберто. - Ах, прости! Я не предложил тебе вина. Может быть, плеснуть хотя бы с наперсток?

Понимая, что он нарочно провоцирует ее, Кейт покачала головой и спокойным голосом произнесла:

- Нет, благодарю.

Она встала и подошла к окну, около которого стоял большой мягкий диван, обтянутый кожей. Усевшись на него, Кейт поджала под себя ноги и приготовилась к долгому разговору. Роберто, судя по всему, был сейчас не в лучшем расположении духа, и она решила лишний раз не раздражать его слишком категоричными высказываниями и замечаниями. Но, с другой стороны, ее переполняла решимость говорить твердо и без обиняков, чтобы между ними не оставалось двусмысленностей и недопонимания.

- У меня возникла одна идея насчет того, как нам выйти из создавшейся ситуации, - уверенным, четким тоном заявила она.

Роберто, подлив себе вина, уже хотел было сделать очередной глоток, но при словах Кейт медленно опустил бокал и, усевшись в глубокое кресло напротив нее, настороженно спросил:

- И что же это за идея?

- Идея, которая, полагаю, тебя заинтересует.

Долгие часы ежедневного одиночества, когда Роберто избегал ее, не прошли даром. У нее оказалось достаточно времени, чтобы обдумать сложившуюся ситуацию со всех сторон. Плодом ее скрупулезных, мучительных размышлений стало найденное ею решение их проблемы, которое она считала единственно правильным. Однако выполнение этого решения потребует от нее самопожертвования. Но иного выхода нет. А ее идея сводилась к несложной формуле: если он не хотел ее любви, она могла бы вернуть ему свободу.

Закусив нижнюю губу, чтобы не расплакаться, Кейт сказала:

- О, Роберто, не делай такую мрачную мину. Я просто решила дать тебе свободу, и в этом нет ничего страшного... Наш брак с самого начала был ошибкой, а сейчас он даже кажется мне фатальным, безысходным заблуждением. Нам нельзя оставаться вместе. Жить врозь - это не так уж и трудно. А поскольку мы ни разу... никогда не...

- ...не осуществляли наши брачные отношения на практике, - закончил он за нее фразу.

- Э-э... да, ни разу. Поэтому нам не нужен даже развод. Мы можем просто аннулировать наш брак.

- Нет! - решительно заявил Роберто и тут же повторил по-испански: - Но, но, но!..

- Нет?

Кейт не могла понять его реакцию. Ведь она предлагала ему именно то, что он хотел, чего добивался. Она была уверена, что он ухватится за этот шанс руками, ногами и зубами, чтобы только побыстрее освободиться от нее.

- Но! - Он вскочил как ошпаренный; округлившиеся глаза сверкали холодным блеском;

плотные челюсти негодуяюще сжались в железные тиски. В эту минуту он от кончиков темных волос до носков кожаных сапог являл собой типичный образец разъяренного, протестующего испанца. – Неужели ты в самом деле думаешь, что я... отпущу тебя на все четыре стороны, когда после нашей несостоявшейся брачной ночи не прошло еще и двух недель? Нет уж, Боже упаси! Этого не случится, уверяю тебя! Ты никуда не уйдешь от меня!.. И в каком свете мы предстанем перед людьми, черт бы тебя побрал, если действительно аннулируем наш брак? Ты об этом подумала?

- Меня не волнует мнение толпы.

- А меня волнует! – вскипел Роберто. – Разрушив нашу семью, ты подорвешь мой авторитет среди родственников и друзей, среди коллег по работе. Надо мной станут насмехаться как над мужчиной, который после свадьбы не смог удержать около себя жену даже месяц! И который – если уж жена просит его аннулировать брак – явно не способен удовлетворить ее в постели!

- О!.. Я не рассматривала все это под таким углом зрения. – Кейт старалась говорить спокойным, рассудительным тоном. – Но что еще мы можем предпринять? У нас нет альтернативы.

- Есть. Сохранить брак.

- Нет, это невозможно!

- Вполне возможно, – заявил он. – Если только захотим. О, Кейт, керида, не смотри на меня с таким ужасом. Обещаю тебе, что все будет не так плохо, как ты думаешь. Но только... – Он подошел к ней совсем близко и осторожно коснулся пальцами ее руки. – Только мы должны кое-что изменить в нашем брачном союзе. – В его темно-карих глазах замерцали далекие, разгорающиеся огоньки, выдававшие хладнокровную, стремительную работу мозга. Интуиция подсказывала Кейт, что Роберто уже поставил перед собой конкретную цель и теперь, задействовав все свои интеллектуальные ресурсы, спокойно, методично добивается этой цели. – Наш брак в его нынешнем виде не имеет ничего общего с настоящим браком, – продолжил он свою мысль. – Ни один испанский мужчина не смирился бы с женитьбой лишь на бумаге. Ни один испанец не способен даже представить себе, чтобы он ни разу не переспал со своей женой после свадьбы.

Роберто замолчал и вдруг протянул руку к галстуку, все еще свободно болтавшемуся на шее. Кейт наблюдала за его движениями, впад в какое-то оцепенение. Когда его пальцы развязали узел и галстук отлетел в сторону, он перехватил встревоженный взгляд жены и, не мигая, уставился в ее темно-зеленые омутные глаза.

Затем он расстегнул верхнюю пуговицу рубашки. Потом пальцы скользнули ниже, к следующей пуговице, затем к третьей, четвертой... Рубашка распаивалась все шире, и Кейт не могла оторвать глаз от его прямой, жесткой шеи, широких плеч, мускулистой груди, поросшей курчавыми черными волосами. Когда он расстегнул очередную пуговицу чуть выше пупка, она с замиранием сердца увидела, как смоляная дорожка волос, спускавшаяся с его груди, скользнула к талии и через два-три дюйма юркнула под коричневый кожаный ремень со строгой металлической пряжкой.

Наконец была расстегнута последняя пуговица. Интересно, подумала Кейт, что же он намеревается делать дальше? Доведет ли перед ней свой стриптиз до конца, если она не остановит его? И куда зашвырнет рубашку, брюки и все остальное – на кровать или просто бросит на пол около дивана, на котором она так уютно расположилась? При мысли об этом ее

сразу бросило в жар, губы запылали, а в горле образовалась пустыня.

- Прикоснись ко мне, - попросил ее Роберто сиплым голосом.

Когда ей с трудом удалось покачать головой, он рассмеялся и сказал:

- Трусиха и лгунья. Ты обманываешь саму себя...

Ей показалось, что он сделал движение рукой, чтобы запахнуть расстегнутую рубашку. В мгновение ока она, не осознавая, что делает, разъединила замкнутые в замок пальцы и протянула их к его голому телу; обе ее ладони осторожно, пугливо легли с двух сторон на жесткую мужскую талию. И мужчина мгновенно замер, застыл в ожидании.

А Кейт уже была не в состоянии совладать с собой, не могла остановить себя. И это было так же неизбежно и естественно, как дыхательная работа легких или стук сердца. Возврата назад для ее рук не было, потому что пальцы уже сами по себе двигались, скользили по гладкой коже, ощупывали каждую выпуклость, каждую впадинку так возбуждавшего ее тела мужчины...

9

А он в это время - когда ее пальцы скользили по его телу - стоял как вкопанный и молчал. Ни звука, ни слова, ни одного движения. И именно эта его немая неподвижность еще сильнее возбуждала ее, придавала ей больше смелости в действиях. Но стоило ему лишь моргнуть, пошевелить мизинцем или заикнуться полусловом о чем-то, как она тут же настороженно, пугливо замирала, подобно птичке, услышавшей движения подбирающейся к ней кошки и приготовившейся в любой момент вспорхнуть в воздух.

Но Роберто интуитивно чувствовал: чтобы не спугнуть Кейт, чтобы получить от ее прикосновений больше удовольствия и продлить еще на несколько минут этот момент неожиданного сближения с ней, надо молчать и меньше двигаться. И он молчал и почти не шевелился. Но глаза цвета темного шоколада ни на секунду не переставали следить за каждым ее движением, за перемещением пальцев по всему его торсу, за постоянно меняющимся выражением ее красивого лица.

Зрачки женщины расширились и темнели всякий раз, когда она, тщательно обследуя и изучая тело Роберто, делала для себя какое-то новое открытие, будь то необычайная жесткость завитков волос на груди или изгиб грудной клетки, шелковая гладкость кожи или твердость маленьких мужских сосков.

- Кейт, - шепотом произнес он ее имя и тут же осекся, затаил дыхание, не стал добавлять другие слова, испугавшись, что они могут вывести ее из транса, в который она впала, лаская, любя его пальцами, могут охладить или даже остановить, заморозить так внезапно начавшееся между ними потепление.

Но в следующее мгновение Кейт вдруг улыбнулась, и он вновь затаил дыхание, но на этот раз с чувством облегчения и даже, может быть, радости. Прошло еще несколько мгновений - и кровь будто воспламенилась в его жилах, с новой силой хлынула во все клетки, рванулась к сердцу. Энергия и жизнеутверждающий энтузиазм переполняли Роберто, и ему вдруг нестерпимо захотелось самому прикоснуться к ней, обнять ее, приласкать...

Наклонив голову, он попытался было поцеловать Кейт, но она изящно увернулась и, вновь лучезарно улыбнувшись, нежно прикрыла его губы ладонью. Он поцеловал ее ладонь, теплую и

источавшую какой-то тонкий, неуловимый запах. Потом его губы стали мягко прикасаться к каждому ее пальчику, и через мгновение он услышал слабые, прерывистые вздохи и ощутил на губах ее дыхание, нежное, как дуновение ночного ветерка над гладью дремлющего моря.

Когда она, расстегнув пряжку, ослабила на нем темно-коричневый ремень, когда ее руки скользнули под ослепительную белизну его рубашки и потянули ее с плеч вниз, сердце Роберто заработало, как насос, и кровь стала еще сильнее разгоняться по всем закоулкам тела. Проснувшееся в мужчине неодолимое желание овладеть этой женщиной быстро превратилось в навязчивую идею, которая не замедлила вызвать некоторые, почти болезненные ощущения, мешавшие ему думать о чем-либо еще, кроме обладания этой невыносимо желанной женщиной.

- Керида, амор мио. Дорогая, любовь моя, - не переставал он страстно шептать ей на ухо.

На нем уже не было рубашки - смятым комком она валялась на полу около дивана, и вместо нее тело Роберто теперь согревали теплые руки, мягкие губы и трепещущий, влажный язык Кейт.

- Ты хоть знаешь, что ты со мной делаешь? - спросил он.

Она искоса взглянула на него, но на этот раз без улыбки; в омутной глубине ее темно-зеленых глаз мерцала такая же тайная, жгучая страсть, какую не могли скрыть темно-карие глаза Роберто.

- Думаю, что да, - пробормотала она.

- Тогда позволь мне удостовериться. Позволь и мне прикоснуться к тебе...

Он взял ее за руки и с силой притянул к себе, так что Кейт плотно уперлась в него упругой грудью и животом, о чем, впрочем, ничуть не пожалела. Откинув назад голову и не закрывая глаза, она без стеснения подставила ему губы и притихла, замерла в ожидании.

Но Роберто не заставил себя ждать долго. Уже через несколько мгновений он целовал ее, целовал жадно, неистово, с безумством моряка дальнего плавания, давно истосковавшегося по родному, пышному телу жены. Он думал, что поцелуи хотя бы в какой-то степени снимут физическое напряжение, которое в нем вызвали ласки Кейт. Однако эффект получился совсем обратный.

В первую же секунду, как только их губы соприкоснулись, он понял, что пропал. На него вдруг обрушился водопад диких, безудержных желаний, и тотчас мощное течение подхватило и понесло его куда-то, не давая ему возможности ухватиться за какой-нибудь спасительный предмет или довод, чтобы избежать головокружительного "грехопадения".

Впрочем, Роберто вовсе не собирался бежать, прятаться от любой формы "греховного" сближения с Кейт. Наоборот, он готов был пойти даже на самую грешную, самую необычную форму близости с ней. Она настолько возбуждала его, что он просто жаждал узнать ее в постели со всех сторон - сверху и сбоку, спереди и сзади, изнутри и снаружи...

- Вот что ты со мной делаешь, - шептал он, продолжая срывать с ее губ жаркие, яростные поцелуи и возвращая ей свои, еще более жгучие, более неистовые. - Вот какого зверя ты во мне будишь!..

Зачем он говорит все это? Ведь сейчас не нужны никакие слова, в полузабытии размышляла

Кейт. В эти минуты ей нужно было нечто другое. Другой способ общения и взаимопонимания. Когда между мужчиной и женщиной пробегают искра взаимного притяжения, когда ими овладевает взаимная страсть, средством их общения становится язык страсти. С помощью объятий и поцелуев они понимают друг друга лучше, чем с помощью обычной человеческой речи. Обычные слова людей слишком холодны, слишком рациональны, слишком подконтрольны сознанию, разуму. А она не хотела никакого контроля, никаких сдерживающих начал, барьеров, а тем более тисков. Она хотела чувственной необузданности, огня и ярости, хотела, чтобы в кромешной тьме гремел оглушающий гром и чтобы ночное небо полыхало пожаром молний, ненасытно вонзающих огненную энергию в распахнувшуюся под ними землю...

- Покажи мне... - Кейт произнесла эти слова гортанным, прерывистым голосом, выбрав коротенькую паузу между неумными, бурными поцелуями, которыми осыпал ее пухлые, слегка раздвинутые губы Роберто. - Покажи мне...

- Да, я покажу тебе, милая девочка. Покажу все, - страстно шептал он ей на ухо. - Ты все увидишь и поймешь, насколько ты меня возбуждаешь... Увидишь, как я хочу тебя, кериди миа. Я покажу, как люблю свою жену в постели... Я так раззадорю тебя, приведу в такое возбуждение, дам тебе такое блаженство, от которого ты никогда не придешь в себя. И после которого никогда больше не сможешь смотреть на других мужчин.

- Мне не нужны никакие другие мужчины... - Кейт говорила теперь приглушенным, сиплым голосом. Мириады одолевавших ее сладострастных мыслей, казалось, готовы были взломать ее воспаленный мозг, если в ближайший час, а может быть, даже в ближайшие минуты Роберто не войдет в нее и не даст ей физического удовлетворения. - Никакие другие мужчины, кроме тебя, - повторила она. - Мне нужен только ты!

Это были последние слова, которые она могла членораздельно произнести в эту минуту, потому что уже в следующую пальцы Роберто коснулись пуговиц на ее хлопчатобумажном платье - и одним движением расстегнули их. Правда, поскольку он был в возбужденном состоянии и торопился, его пальцы слегка дрожали, вследствие чего одна пуговица оторвалась и отлетела к окну. Но никто из них даже не заметил, как она сначала стукнулась об пол и только потом понеслась по избранной ею траектории. Молодожены были слишком увлечены друг другом, слишком заняты поцелуями, ласками и взаимными прикосновениями, чтобы обращать внимание на какую-то пуговицу.

Руки Кейт легли на широкие плечи Роберто, и острые ноготочки на ее пальчиках чувственно впились в его спину. В тот же момент горячие мужские пальцы нащупали застежку на изящном бюстгальтере, ловко расстегнули ее и подхватили снизу освободившиеся пышные груди. Когда Роберто начал поглаживать, щупать и слегка сжимать эти грушеобразные сокровища, она изогнула перед ним тело дугой, так чтобы он мог не только трогать, но и целовать их.

Ее темно-коричневые соски уже были готовы к его ласкам: они поднялись, набухли, затвердели. Как только влажный кончик его языка коснулся одного из них, она издала высокий гортанный звук, а потом, когда он стал облизывать, посасывать и поочередно щекотать зубами то один, то другой сосок, в гостиную раздалась ее размеренные, тихие стоны... Кейт была на гребне возбуждения. В паху у нее все пульсировало и полыхало так бурно, что вскоре она не выдержала, плотно прижалась всем телом к его телу и начала нетерпеливо двигать низом живота, тереться о его вздыбившийся и тоже пульсирующий скипетр.

- Кейт!

Ее имя прозвучало для нее странно и малопонятно. Она едва узнавала голос Роберто, а в этой разгоряченной желанием женщине, которая расположилась на большом кожаном диване, с трудом узнавала себя. Ее руки не переставали разглаживать черный шелк волос мужчины, ее и без того пухлые губки распухли еще больше от его поцелуев, а наполовину расстегнутое платье едва держалось на гладких округлых плечах.

Когда Роберто рванул по разрезу нижнюю половину платья, так, что оставшиеся пуговицы разлетелись по всей комнате, Кейт не придавала этому событию никакого значения. Ее невозмутимости можно было только позавидовать. Стянув с нее платье, Роберто швырнул его на ковер и подхватил Кейт на руки. Действуя инстинктивно, она скрестила стройные ноги поверх его крепких бедер, обвила руками сильную шею и впилась губами в припухший чувственный рот мужа.

Он нес ее куда-то, и ей было все равно – куда. Кроме Роберто, она больше ничего не видела, ничего не замечала вокруг. Наконец он опустил ее на другой, небольшой диван, подложил ей под спину и под широкий, упругий зад бордовые бархатные подушки и довольно бесцеремонно, почти грубо сорвал с нее голубые шелковые трусики. Кейт предстала перед ним в самом что ни на есть естественном виде – соблазнительной, красивой, совершенно голой и абсолютно бесстыдной.

И этим видом Роберто не замедлил воспользоваться. Правда, не сразу. Его длинные пальцы снова ощупали ее пышную грудь, погладили трепетавший нежный живот, помяли упругие ягодицы и наконец сделали привал в курчавых зарослях на бугорке Венеры.

Но давать волю пальцам, рвавшимся в ее долину любви, он не стал и тем самым, как ему показалось, привел Кейт в некоторое замешательство и даже, может быть, уныние, потому что она вдруг оттолкнула его руку от своего женского сокровища и, с трудом высвободившись из-под его довольно тяжелого тела, повернулась к нему округлыми ягодицами.

Но, несмотря на ее смущение и кажущееся уныние, Роберто продолжал донимать ее ласками, поцелуями и самыми интимными словами любви до тех пор, пока она опять не перевернулась на спину и сама не потянула его на себя. Гладя руками его спину и судорожно изгибаясь под ним вверх и вниз, Кейт покрывала его лицо градом неумемных поцелуев и не переставала страстно нашептывать ему на ухо, чтобы он сжалился над ней и прекратил подвергать ее таким изощренным, таким безжалостным чувственным пыткам, какие только может терпеть женщина от мужчины.

И лишь когда она, казалось, уже совсем обезумела от страсти, когда необузданное сладострастие вытеснило все остальные ее чувства и ощущения, а вместе с ними и мысли, он грубо и властно раздвинул ее ноги и ворвался в ее страдавшую по нему, жаждущую плоть.

Кейт вскрикнула от внезапности атаки, размеров меча, вонзившегося в ее ножны, и от боли, которую ощутила в первую секунду. Но уже в следующую она ощутила невероятное блаженство, и ее крик сменился сладостным стоном. Роберто развивал натиск на извивавшуюся под ним женщину с нарастающей быстротой и рвением. А это было именно то, чего ей хотелось сейчас больше всего на свете.

От дикой страсти ее глаза расширились до невероятных размеров, все тело напряглось, выгнулось и, казалось, готово было вот-вот вспыхнуть огнем. И вспыхнуло. И она унеслась куда-то. В какое-то неведомое межзвездное пространство. Туда, где еще никогда не бывала. Но куда теперь хотелось возвращаться и возвращаться бесконечно...

Роберто не отстал от своей партнерши. Как только ее внутренние мышцы сжали его раскаленную плоть, он потерял над собой всякий контроль, но успел сделать еще несколько стремительных спусков в долину любви, после чего на мгновение замер и тотчас разрядился взрывом триумфального фейерверка.

Гостиная почти одновременно огласилась громким, исступленным рыком мужчины и приглушенными стонами женщины.

Так началась ночь, каких Кейт не знала еще никогда в жизни. Ночь, в продолжение которой она почувствовала то, что еще никогда не чувствовала раньше. Ночь, позволившая ей и Роберто обнаружить на теле друг у друга самые таинственные места и самые эротические зоны и точки, которых не касалась ни одна другая рука.

Благодаря ему она открыла в себе женщину, о которой до этой ночи даже не подозревала. В ней прорезались неукротимые чувства, неумная страсть и необузданное желание владеть мужчиной, равно как и бесконечно отдаваться ему.

Иногда, пока длилась эта ночь их любви, они делали перерыв, отдыхали. Но эта пауза использовалась ими лишь для того, чтобы перебраться в другое место дома и там вновь и по-новому предаться самому сладостному занятию на свете. Секс, любовь и фантазия не прекращались ни на минуту до самого утра. И до самого утра оба были неистощимы на сексуальные выдумки.

Первый раз Кейт пришла в себя, когда Роберто привел ее в ванную. Но и здесь, под теплыми струями воды они не удержались и опять занялись сладостным истязанием друг друга, перемешивая хлюпанье воды с восторженным схлестом тел. Когда и здесь оба достигли пика наслаждения почти одновременно, он нежно обтер ее полотенцем, подхватил на руки и отнес в кровать.

А когда в спальню проскользнули первые лучи солнца и птицы на ветвях деревьев занялись самозабвенным исполнением своего утреннего гимна, Кейт даже не могла припомнить, сколько же раз они успели за их первую брачную ночь исполнить сладостный ритуал всех влюбленных.

Не мог точно вспомнить и Роберто. Оба просто сбились со счета.

Кейт чувствовала, что каждая ее косточка, каждая мышца ныла от перенапряжения, а веки сами по себе закрывались от усталости. Но она также чувствовала, знала, что никогда еще в жизни не была так счастлива, как этой ночью.

Она легла на бок и вытянулась вдоль его груди и живота, так что ее ягодицы уперлись в его пах. Роберто обнял ее сзади, и так они пролежали, может быть, час или два, пока его мужская сила не вернулась, чтобы позвать новобрачного к новым подвигам.

Это начало нового дня, новой жизни, думала Кейт. И не важно, как складывалась вся их предыдущая жизнь. Главное, что теперь они могут начать все с начала, с нуля. Начать новую, семейную жизнь. Как муж и жена. И если последующие ночи будут такими же, как эта, минувшая, их брак станет прочным, как горная гряда, и несокрушимым, как верность истинно влюбленных.

В эту ночь Кейт четко усвоила еще одну вещь: Роберто был тем самым мужчиной, в котором она нуждалась больше всего на свете. Никакой другой партнер ей был не нужен. Интуитивно она знала об этом, когда была еще совсем девчонкой. Но тогда она любила его скорее

платонически, чем физически. А когда ей повстречался Мартин, она просто сбилась с пути. Потому что у нее еще не было никакого жизненного, а тем более любовного опыта.

За все время знакомства с Мартином она никогда не испытывала того, что испытала за одну ночь с Роберто. Эгоистичные, грубые действия Форда в постели казались ей теперь вялым мерцанием свечи в сравнении с яркими, всепроникающими лучами, которые исходили от Роберто. За несколько недель их общения Мартин не дал ей и сотой доли того, что она получила за одну ночь от Роберто. Причем получила многократно – столько раз, сколько он за эту ночь овладевал ею.

Кейт была убеждена, что такого же удовлетворения ей не мог бы дать никакой другой мужчина. Она была также уверена, что в глубине души Роберто любил ее, равно как и она любила его. Иначе секс у них не был бы таким страстным и бурным.

Впрочем, по его понятиям, чувство, которое связывало их, возможно, и нельзя было назвать любовью. Но все-таки оно существовало и так или иначе влияло на их отношения, их близость! А может быть, пройдет время, и это чувство перерастет в привычку, а привычка превратится в любовь?

И наступит день, когда он раскроет ей свое сердце – признается в любви...

Кейт была готова дожидаться этого дня, сколько угодно. Тем более если в течение этого ожидания Роберто будет дарить ей такие же ночи, какую подарил сегодня. Она готова была вытерпеть любые сроки, перенести любые испытания, лишь бы у него вызрела любовь к ней и он сам сказал ей об этом.

С такими мыслями, преисполненная счастливых надежд, с блаженной улыбкой на губах она придвинулась к нему еще ближе и заснула.

Прошло несколько часов. Яркое утреннее солнце уже было высоко над землей, когда его лучи скользнули по закрытым векам Кейт. Она раскинула на подушке руки и сладко потянулась.

- Наконец-то ты проснулась. - Низкий, сипловатый голос Роберто прозвучал для нее лучшей музыкой в мире. - Я уже подумал было, что ты будешь отсыпаться весь день.

- А если бы я действительно проспала до вечера, кто в этом был бы виноват?.. В эту ночь ты просто замучил меня. Сладостно замучил. Выкачал из меня всю энергию, все силы, какие только были...

- Как ты себя чувствуешь сейчас?

- Прекрасно. - Кейт опять сладко потянулась и со счастливой улыбкой взглянула на него. - Знаешь, я бы так хотела, чтобы это настроение не проходило у меня весь день! Но все зависит и от тебя. А почему бы тебе сейчас не вернуться в кровать? Иди же ко мне...

Но Роберто промолчал, и это удивило ее. Даже в какой-то степени шокировало. Она широко раскрыла глаза и с беспокойством посмотрела на него.

- Роберто, что с тобой?

- На кровать уже не остается времени.

- Почему же?

- Тебе надо вставать. Оденься и будь готова. В аэропорту нас ждет самолет.

- И куда мы должны лететь?

- На Майорку, - ответил он. - Ты помнишь наш разговор о медовом месяце? Он начнется для нас сегодня! Мои родители хотят посмотреть на тебя, познакомиться с тобой, и я хочу показать тебе мои родные места, хочу, чтобы ты увидела кусочек Испании. Ведь теперь ты жена испанца, и пора заглянуть на этот остров, откуда родом твой муж.

10

- Я влюбилась в твой остров, - сказала ему Кейт. - Мне так понравилась Майорка! И твои родители.

Они сидели на песчаном берегу маленькой, уютной бухточки в городке Порто-Кристо и любовались зеленовато-голубой гладью Средиземного моря и золотым диском солнца, сверкавшим в лазурной вышине.

- А мои родители влюбились в тебя, - пробормотал Роберто. - И это несмотря на то, что у нас получилась довольно быстрая, просто стремительная свадьба, тогда как здесь, на острове, такие события принято отмечать не спеша, со знанием дела, с учетом всех островных обычаев и традиций. Моя мама всегда мечтала собрать в своем доме всех родных и близких, когда я надумал бы жениться.

- Что ж, ей это вполне удалось.

Кейт улыбнулась, вспомнив о щедрой вечеринке, которую Кармела Мадругада закатила в честь молодых через пару Дней после их прибытия на Майорку. Во дворе дома под фиговыми деревьями были расставлены огромные деревянные столы, накрытые белыми льняными скатертями и заваленные неисчислимыми и самыми разнообразными кушаньями и лакомствами. За праздничными столами уселась, казалось, половина населения острова: все родственники и друзья Роберто Мадругада и его родителей. И все прошло великолепно. Застолье удалось на славу...

Роберто сцепил руки в замок вокруг коленей и уставился на горячий, светло-желтый песок, приятно щекотавший голые ступни. Затем он зачерпнул горсть песка и медленно, будто стараясь изобразить песочные часы, пропустил сыпучую массу через растопыренные пальцы. Потом опять перевел взгляд на сверкающую морскую даль и задумчивым голосом, словно о чем-то вспоминая и размышляя, стал рассказывать Кейт о прошлой и нынешней истории острова, его современных обычаях и традициях, уходивших корнями в минувшие столетия. К примеру, на Майорке издавна существовал такой обычай. Если парень и девушка, будучи еще подростками, влюблялись друг в друга, но не имели возможности спать в одной постели, они задумывали побег. И убегали от родных. Убегали из мест, где жили многие поколения их предков. Такой поступок свидетельствовал о серьезности их намерений, и находились родственники, которые предоставляли им жилье. Когда эта пара выросла и молодые возлюбленные могли уже сами содержать себя, их брак благословляли родители, и они становились законными мужем и женой.

- Такое случалось когда-нибудь в вашей семье? - спросила Кейт.

- Никогда... - Роберто задумался и после паузы сказал: - Впрочем, один случай я припоминаю. Это когда родной кров хотели было покинуть Хуан и Эсперанса. Родители с той и другой стороны были против их брака, и брат со своей возлюбленной пошли им наперекор. Обоим не

было, кажется, еще и шестнадцати, когда они встретились впервые, и после Эсперансы Хуан уже не хотел больше ни с кем знакомиться...

- Должно быть, он очень любил ее, - сказала Кейт.

- Без нее он не смог бы просуществовать и дня. А когда она умерла, это явилось для него страшным ударом. Ужасно терять любимых людей, тем более когда они еще совсем молоды.

Эсперансе Бланка было всего тридцать, когда она ушла из жизни. Столько же сейчас было и Роберто. Кейт даже не представляла себе, как она могла бы выжить, если бы потеряла мужа в таком же возрасте, в каком Хуан потерял жену.

- Хуан по крайней мере начал приходить в себя с того дня, как ты объявилась здесь, - заметил Роберто. - Ты помогла ему осознать, что жизнь, несмотря ни на что, продолжается.

- Не я... Тут на него поработало само время, - осторожно заметила Кейт. - Ведь не может же он скорбеть по своей жене вечно, как бы ни любил ее... Мне нравится Хуан, - добавила она. - Я бы хотела, чтобы ему опять повстречалась женщина, с которой он не чувствовал бы себя одиноким и с которой его жизнь стала бы вновь полноценной и полнокровной.

- Не думаю, что это удастся ему в ближайшее время, - ответил Роберто. - Эсперанса была именно той женщиной, в которой он нуждался, и я не уверен, что ему скоро повстречается другая, которая сможет легко заменить ее.

- Но их сыну Пабло нужна мать! - выдвигала свои доводы Кейт.

- Иметь даже одного из родителей - это уже немалое благо для ребенка... Хуан не женится на первой попавшейся женщине только ради того, чтобы у его сына была мать. - Роберто встал и начал стряхивать песок с джинсов. Пряди черных волос на какое-то время заслонили его лицо от Кейт. - Если мужчины в нашем роду влюбляются, то их любовь, как правило, остается неизменной на всю жизнь. Эта традиция шла из поколения в поколение. Мой отец влюбился в мою маму сразу, как только увидел ее, хотя она в это время была замужем за отцом Хуана. А с отцом Хуана раньше произошла примерно такая же история.

- Но ведь Хуан связан родственными узами с семейством Бланка...

- В этом семействе действуют такие же традиции. - Роберто встал, и его карие глаза на мгновение погрузились в зеленый омут ее глаз. - Одинаковые принципы создания семейного очага на основе первой и единственной любви соблюдаются обеими сторонами.

Разумеется, Роберто имел также в виду и самого себя. Он тоже строго придерживался тех же принципов. Впервые встретив Кейт, когда она была еще совсем девочкой, он раз и навсегда решил для себя: это юное создание предназначено для него и только для него, и он никогда уже не будет искать никакую другую женщину взамен Китти Хиллз.

Это было как ослепляющая вспышка молнии. Как удар грома среди ясного неба. Приказ свыше. Судьба. Любовь на всю жизнь. Точно так же сложилась личная жизнь у его отца. И у деда.

А Кейт в эти же минуты вдруг вспомнила библиотеку в своем доме. Вспомнила, как Роберто явился к ней в тот вечер.

Когда она рассказала ему о Мартине, он признался ей: "Как и ты, я влюбился ошибочно."

Предметом моей любви стала совсем не та женщина, которую я искал. Я был тогда еще почти ребенком, несмышленным юношей. Находился примерно в таком же возрасте, в каком сейчас находишься ты”.

Ясно, что та незнакомка, кем бы она ни была, не ответила на его чувство, рассудила Кейт. Возможно, она оттолкнула его и вышла замуж за другого.

Неожиданно солнце зашло за тучу, на теплый песок легли предвечерние тени, и в их настроение незаметно вкрапился рябь сомнений и колебаний. Нет, он не любит меня, подумала Кейт. Не любит достаточно серьезно, чтобы мы смогли навсегда привязаться друг к другу. А тем более прилепиться, как сказано в Библии. Его сердце наверняка принадлежало другой женщине, оно было отдано ей давным-давно, и не было никого в целом свете, кто мог бы заменить ее.

Именно поэтому его предложение о женитьбе имело сугубо деловой характер. Он просто решил помочь ей, когда узнал, что она беременна. Нет, она не была его самой желанной женщиной, но как временная замена таковой, как партнерша по постели устраивала вполне. Она видела, чувствовала, что он хотел ее, хотел в сексуальном смысле, хотел как самку. Но не как возлюбленную. Не как женщину, которую можно еще и любить, а не только спариваться с ней.

- Нам пора возвращаться. - Роберто взглянул на солнце, потом на часы. - Ты готова?

Кейт хотела ответить ему, что нет, не готова. Ей вообще не хотелось покидать это место, возвращаться домой. Ей нравилось проводить здесь время. Нравился каждый кусочек этой уютной бухточки, удаленной от ближайшего города - Манакора - на две-три мили.

Они захватили с собой еду, воду; искупавшись в теплом, прозрачном море, Кейт разложила закуски прямо на горячем песке, и у них получился великолепный импровизированный пикник с изумительным видом на морские дали и спонтанным разговором о том о сем.

Но это место имело еще и особое значение для Роберто: здесь он часто бывал в детские и отроческие годы. И ему очень хотелось показать эту бухту Кейт. Хотелось, чтобы она соприкоснулась с его детством.

- Кейт, - позвал он ее.

- Я вся внимание...

Кейт и Роберто прожили на Майорке уже почти месяц, и жизнь в этом живописнейшем уголке Средиземноморья никак не тревожила, не беспокоила их. Оба были всем довольны. А Роберто, казалось, вообще стал здесь совсем другим человеком - более мягким, покладистым, сговорчивым. Разумеется, он оставался таким до тех пор, пока она сама не начинала раскачивать лодку их совместного существования. Но она набралась терпения и теперь старалась не делать этого.

Каждый новый день их безмятежной жизни на острове становился очередным кирпичиком, который они вкладывали в их укрепляющиеся семейные отношения. Кейт надеялась, что даже каждый час, проведенный ими вместе на берегу, в горах или на равнине в тени миндальных деревьев, станет ощутимой лептой для фундамента их брака. Кто знает - может быть, пройдет время, их отношения выровняются, и они действительно “прилепятся” друг к другу и станут “одной плотью”?

Если они смогут и впредь, как сегодня, вместе купаться, загорать на пляже и спокойно беседовать друг с другом, то, возможно, со временем она займет в его сердце более значимое место, и он станет смотреть на нее как на любимую и уважаемую жену, а не просто как на женщину, с которой ему пришлось расписаться из-за ее глупой ошибки. Может быть, со временем она станет для него более серьезным партнером в жизни вообще, а не только в постели. – Идем же, керида.

Он протянул ей руку и помог встать. От его прикосновения она тотчас почувствовала себя его партнером. По постели. Причем ей страшно нравилось такое партнерство, такая роль... Притянув Кейт к себе, Роберто нежно провел пальцами по ее щеке, подбородку, шее. И вдруг он подумал о том, что даже не заметил, как промелькнул день, проведенный ими вместе в этой бухточке Порто-Кристо, на солнечном берегу его детства. Часы пролетели, как секунды.

Ему доставило огромное удовольствие взглянуть на этот берег новыми – ее – глазами и освежить воспоминания о самой беззаботной поре своей жизни. Роберто рассказал ей несколько забавных историй из детства, они вместе искупались, а потом он показал ей тайники в пещерах, которые были найдены им самим и в которых он проводил немало часов, когда с ним что-нибудь случалось и ему становилось грустно.

Роберто уединялся в этих местах после того, как пообещал отцу Кейт не трогать ее до тех пор, пока ей не исполнится двадцать два года. Он вспомнил, как они поднимались тогда с Уолтером по крутой тропинке от берега на гору.

Отец Китти настаивал, чтобы он, Роберто, подождал до тех пор, пока его единственная дочка не подрастет.

Но Роберто не хотел ждать. Он хотел открыть ей свои чувства, не откладывая их в долгий ящик. Ему претила сама мысль ждать еще пять-шесть лет, когда он сможет хотя бы поцеловать ее. Но, с другой стороны, он прекрасно понимал Уолтера и мог без особого труда представить себе, что в то время творилось в его душе, какие тревоги и опасения не давали ему покоя днем и какие мысли обуревали его в одинокие ночные часы. Отец Кейт хотел, чтобы его единственная дочь познала, как он говорил, вкус и запах свободы. Он хотел, чтобы она, прежде чем выйти замуж, повзрослела, набралась хотя бы изначального жизненного опыта. И чтобы ни от кого ни в чем не зависела.

Однако, когда Кейт, будучи уже достаточно взрослой и самостоятельной, столкнулась с реальной жизнью и ощутила “вкус и запах свободы”, с ней случилось то, о чем ее сердобольный отец не мог даже предполагать.

В круговерти свободного общения в университете она познакомилась с проходимцем Мартином, от которого вскоре якобы забеременела. И эта ложная беременность толкнула ее на поспешный брак, заставила выйти замуж за человека, за которого она вряд ли когда-нибудь вышла бы, сложись у нее жизненные обстоятельства по-иному.

Так думал Роберто, даже не предполагая, что он был ее кумиром, идиолом, идеалом мужчины с того времени, когда она увидела его впервые.

Как всегда, стоило ему хотя бы на секунду вспомнить о Мартине Форде, как тяжелая туча ревности тут же затмевала его рассудок, и он уже не мог соображать нормально. Он никогда даже не видел этого человека, но люто ненавидел его.

– Как выглядит Форд? – вдруг спросил он Кейт.

Это был самый неожиданный вопрос, какой она могла услышать от него, и он явно поставил ее в тупик. Они продолжали подниматься по тропинке от берега вверх по склону, и Кейт безмолвно и недоуменно смотрела на Роберто. Спустя минуту она спросила:

- С чего тебе вдруг захотелось узнать об этом?

- Из любопытства.

- С какой стати?

- Мне интересно, что ты нашла в нем.

Что она нашла в Мартине? Как ей теперь ответить на этот вопрос Роберто? И почему он задал его? И именно сейчас?

Если бы она уловила намеки на этот вопрос раньше, пока они говорили о других вещах! Но никаких намеков не было. Вопрос прозвучал как гром среди ясного неба и сбил ее с панталыку. Она просто не знала, как на него ответить.

11

Да Кейт и не хотела отвечать на него. Возможно, ей вообще удастся как-то увернуться от ответа на этот вопрос?

- В его портрете нет ничего примечательного, - пробормотала она и вновь заторопилась по тропинке вверх по склону.

Однако в душе Кейт не надеялась, что сможет ускользнуть от ответа на внезапный вопрос Роберто. И она была права. Ее спутник не отставал от нее ни на шаг, и вскоре она оказалась вровень с ним. Роберто настиг ее как раз в тот момент, когда она ступила на ровную поверхность крутого утеса. Крепко схватив Кейт за руку, он повернул ее лицом к себе и спросил:

- Но что же это, черт побери, значит?

Край утеса был слишком узок, а обзор берега и набегающих на него волн вызывал у Кейт слишком неприятное ощущение, чтобы она могла воспринимать происходящее спокойно, поэтому она высвободила руку и направилась к тому месту, где стояла их машина. Он неотступно следовал за ней.

- Не думаю, что это тебя касается.

- Касается, Кейт!

Он обхватил ее за плечи, с силой прижал к себе и сказал:

- Неужели ты хочешь уверить меня, что в облике мужчины, которому ты отдала свою девственность, в самом деле нет ничего примечательного?

Кейт почувствовала себя неловко. Ей не хотелось говорить о Мартине, но она не знала, как можно избежать этой темы. Возможно, нападение действительно может стать лучшей формой защиты? И она обрушила на Роберто свои вопросы:

- В чем дело, Роберто? Что тебя так растревожило? Может быть, тот факт, что меня... лишил

девственности Мартин, а не ты? Может быть, тебе очень хотелось исполнить роль первооткрывателя? Хотелось, чтобы твоя невеста в белом платье была нетронутой девственницей? Чтобы у нее до тебя не было никакого мужчины, которого она могла бы сравнить с тобой, когда ты ее уложишь в постель?

- Не будь душой! - Он сделал жест, будто отмахиваясь от нее. - Во-первых, мы живем в двадцатом веке. И я вовсе не считаю, что мужчины вправе пользоваться сексуальной свободой в то время, как женщины должны сидеть дома и блюсти свою невинность до тех пор, пока их не раскрепостят узы законного брака.

- И тогда...

- Во-вторых... - Роберто бросил на нее полупрезрительный взгляд. - Меня абсолютно не пугает, если тебе вдруг захочется сравнить в постели меня с этим Фордом. Если бы я уступал ему как любовник, ты не вела бы себя со мной так, как вела в нашу первую ночь. Мне, знаешь ли, показалось, что ты до того момента не испытывала ничего подобного.

- Я...

- Я знаю женщин, кериды. Знаю, когда они по-настоящему возбуждаются... по-настоящему оживают в моих объятиях. Знаю, когда они получают удовольствие, когда сходят с ума от блаженства... И я знаю, что ты тоже испытала это блаженство в постели со мной. Так что если тебе вздумается сравнить меня с твоим первым любовником, полагаю, именно он, а не я окажется на задворках.

- Но... ты же...

Кейт ничего больше не могла сказать ему в ответ, ничего не могла возразить. Она была сбита с ног, полностью обескуражена его доводами, и то, что каждое его слово попадало точно в цель, лишь усугубляло ее и без того шаткое положение.

- Ну хорошо. Ты хочешь знать правду? - Она в упор посмотрела на него. - Хочешь узнать, как выглядит Мартин?.. Знаешь, он как две капли воды похож на тебя. Мог бы даже сойти за твоего близнеца, - поспешила добавить она, когда увидела, что Роберто нахмурился.

Теперь пришла его очередь принимать удары с ее стороны. Он не был готов к такому повороту событий.

С того момента, когда Кейт впервые упомянула имя Мартина Форда, он стал тучей, нависавшей над их браком, барьером между ним и Кейт, мешавшим им наладить нормальные отношения, какие могут существовать между новобрачными. Но Мартин оставался для него лишь тенью. И Роберто никогда не думал, что этот человек может когда-нибудь превратиться в реальную угрозу для их семейного очага.

Но что значил тот факт, что Форд был похож на него? Может быть, они оба относились к тому типу мужчин, которые нравились Кейт? А возможно, она так страстно отдавалась ему в постели этой ночью только потому, что представляла на его месте своего первого любовника, мужчину, который открыл ее как женщину? Которого она полюбила и потеряла?

- И в чем же наше сходство? - помолчав, спросил он.

- Повторяю, вы с Мартином Фордом могли бы сойти за братьев. Одинаковый рост, у того и другого черные волосы, такой же загар, такие же скулы. Он даже больше похож на тебя, чем

Хуан, а это уже что-то да значит.

Кейт говорила об их схожести с Фордом совершенно запросто, как о чем-то само собой разумеющемся и даже, может быть, естественном. Она ни на секунду не останавливалась, и он так и не смог выбрать момент, чтобы прервать ее и высказать свое предположение.

- А ты не догадываешься, почему я сразу обратила на него внимание и, возможно, в какой-то степени даже влюбилась в него?

- Почему же?

- Потому что Мартин Форд - твоя копия, - сказала Кейт. - Он твой, можно сказать, настоящий двойник. Именно поэтому я обратила на него внимание, увлеклась им... Но до Мартина у меня был ты. Несколько лет я сходила с ума по тебе! И только потому, что не могла уже больше терпеть, раскрыла свои чувства перед тобой на той новогодней вечеринке. Ведь я сама бросилась в твои объятия и, по сути дела, напрямую сказала тебе: "Возьми меня, я твоя".

- Да, именно эти слова ты произнесла тогда, я прекрасно помню этот момент. И никогда не забуду его, - сказал Роберто, и его взгляд на мгновение скрестился с обвиняющим взглядом ее омутных глаз.

- Я тоже всегда буду помнить об этом моменте. Потому что в тот вечер ты так четко, так недвусмысленно раскрыл передо мной свои чувства! Оттолкнул и оскорбил меня. Даже предложил подыскать кого-нибудь другого... И мне стало тогда так больно! А потом я взяла и подыскала. Другого, но похожего на тебя. Когда на моем пути появился Мартин и проявил ко мне интерес... причем весьма конкретный интерес, я, естественно, воспользовалась этим... суррогатом, чтобы хоть как-то приглушить боль, которую ты заставил меня испытать. Ирония судьбы - в результате я вообразила, что беременна, и из-за этого все-таки вышла замуж за тебя... Смешно.

- Да уж... - как-то потерянно заметил Роберто. - Действительно смешно. Теперь все понятно.

Кейт попыталась изобразить подобие улыбки, но ей это удалось с трудом. Улыбка получилась натянутой и холодной.

- Так что теперь мы оба знаем, где находимся, не так ли? - сказала она. - В принципе, наш брак - итог той самой кошмарной новогодней вечеринки. Я вышла за тебя замуж, потому что оказалась в безвыходном положении из-за случайной связи, на которую меня толкнуло твое же поведение. А ты женился на мне, потому что считал, что у тебя нет в данный момент иного способа улечься со мной в одну постель. Думаю, кстати, что это желание у тебя возникло на той же вечеринке, где я так недвусмысленно себя предлагала. Так что получается, что мы с тобой квиты, не правда ли? Загнали друг друга в западню.

- Получается, что да, - пробормотал Роберто.

- И что мы будем делать теперь?

Он равнодушно пожал плечами. А что им оставалось делать теперь, когда они только что разорвали друг друга - по крайней мере мысленно - на части?

И как ему теперь быть? Признаться этой женщине, которая только что назвала их брак западней, что он безумно любит ее? Сказать, что она единственная любовь в его жизни, как была единственной любовью в жизни Хуана Эсперанса? Но после такого признания она

наверняка поднимет его на смех. Господи, до чего же все запуталось! Она любила его, он любил ее, и из-за “благоразумного” предложения ее отца и той дурацкой клятвы, которую он, Роберто, дал, они в результате все испортили.

- Я не вижу никакого выхода из нашей ситуации, - сказал он. - Мы все так запутали, что образовался узел, который, кажется, можно только разрубить. Может быть, нам с тобой следует разбежаться по домам и каждому начать жизнь с начала.

- Разбежаться... - повторила она страшное слово и на минуту замолчала.

Это слово пронзило все ее существо и как бы разорвало на две половины. Первая половина ненавидела Роберто за то, как он обошелся с ней.

Вторая же по-прежнему пронизывалась токами любви, которую она испытывала к нему еще с полудетской поры. Любви, о которой мечтала всю жизнь и которую он растоптал, когда услышал от нее слова признания.

- Разбежаться... Ты хочешь сказать, что вернешься к себе на виллу, а я уеду к отцу?

- Разумеется. - Роберто на мгновение задумался и добавил: - Хотя, знаешь, мне все-таки кажется, что мы можем попробовать продолжить совместную жизнь. Вдруг да... Ну что, едем домой?

С минуту Кейт молчала, потом спросила с грустью в голосе:

- Разве ты не знаешь, что твоя вилла - это не мой дом? Для тебя это родной очаг, а для меня - просто временка, временное место жительства, где я принимаю пищу, сплю и занимаюсь сексом с мужем, который вместе с обручальным кольцом приобрел права на мое тело. - Кейт взмахнула перед ним окольцованным пальцем и добавила: - Нет, пожалуйста, не называй больше свою виллу нашим домом! Твоя вилла - это вовсе не мой дом. Скорее это моя тюрьма.

Кейт знала, что сказала лишнее и в слишком грубой форме. Но она не могла не сказать этого, потому что ей было больно. Она переживала разлад в их отношениях настолько мучительно, что ей хотелось, чтобы ее страдания разделил с ней другой человек - желательно, Роберто.

Он мгновенно пришел в ярость. Его губы были плотно сжаты, в глазах метался огонь, и он, казалось, в любую минуту готов был сорваться и наговорить ей кучу гадостей. Чтобы избежать прямого столкновения с ним, Кейт отступила на несколько шагов и приготовилась выслушать его, прикусив язык.

- В таком случае, кериди миа... - Он довольно бесцеремонно взял ее за руку и закончил фразу далеко не теплыми словами: - Если ты, не мешкая, сейчас же сядешь в машину, я быстренько доставлю тебя обратно в твою домашнюю тюрьму. А там решим, как быть. Ты же не можешь уехать к отцу прямо отсюда.

Он демонстративно вежливо открыл перед ней дверцу автомобиля, но она даже не взглянула в его сторону, боясь, что не выдержит и на глазах у него расплачется. А когда она села на сиденье рядом с ним, он схватил ее за руку и, вперив в нее немигающий взгляд, процедил сквозь зубы:

- И еще один вопрос. Ты сказала, что когда-то была влюблена в меня. Не означает ли это, что теперь у тебя эти чувства прошли и ты не испытываешь ко мне даже симпатии?

Она поняла, почему он спросил ее об этом. В качестве очередного ответного удара. Сказав, что его интересует только ее тело, а о любви не может быть и речи, Роберто, по всей вероятности, решил внушить ей, что именно она любит его, а не он ее. Что ж, напротив, это дает ей возможность свести с ним счеты. И, стараясь придать своему голосу самое что ни на есть естественное звучание, она ответила на его вопрос:

- О да, эти чувства уже давно улетучились из моего сердца, как дым из трубы. Это было просто глупое увлечение, забава школьницы. Взрослея, я успела многое переосмыслить, на многое взглянуть другими глазами.

Роберто молчал, и она поняла, что ее слова попали в цель. Он долго и упорно сверлил ее холодным взглядом и наконец медленно произнес:

- Да, ты, конечно, заметно повзрослела. Но должен тебе признаться, что я предпочитал другую - юную Кейт.

- Извини, но той, другой Кейт, тем более Китти уже давно нет.

- Понимаю. Кейт стала совсем взрослой. Я долго ждал этого момента. Вот он настал. Вот только жаль, что теперь ты уже не нравишься мне так, как нравилась раньше.

12

Нет, они не разбежались, как в порыве гнева и боли предложил Роберто. Об этом больше не было и речи. Тот словесный бой, завершившийся поражением обоих противников, больше не повторялся. Напротив, муж словно задался целью доказать Кейт и самому себе, что им может быть хорошо вместе. Они вообще больше не пытались выяснять отношения, а просто наслаждались жизнью на райском острове.

Со времени их пикника на берегу в Порто-Кристо прошло три недели. И все эти три недели Кейт не переставало сначала подтачивать, потом глотать, а затем терзать подозрение.

Оно появилось в тот самый день, который они провели с Роберто на теплом песчаном пляже. И потом в течение трех недель она каждый день ждала, следила за собой, затем начала беспокоиться, молить Бога, чтобы ничего не случилось, но молитвы, кажется, не помогли. Подозрение перешло в беспокойство, беспокойство - в страх, а страх - в обреченность.

На этот раз Кейт уже не могла ошибиться. Потому что она больше не собиралась проверяться полуправильным, неофициальным способом. Уж теперь-то она сделает анализ не домашним методом, не сама, а в надежном месте, у надежного специалиста.

И она решила посоветоваться с Хуаном, потому что доверяла ему. Хуан поехал с ней к знакомому гинекологу в Пальму. Гинеколог сделал необходимые анализы и дал точный ответ на вопрос, три недели мучивший Кейт. Да, она была беременна.

Она забеременела от Роберто!

Забеременела наверняка в ту незабываемую, долгую, страстную ночь, когда они впервые познали друг друга в постели. Плоду их физической любви было уже почти восемь недель. И теперь это был уже реальный факт, а не вымысел. Не ложная беременность, которую она установила у себя сама после нескольких встреч с Мартином Фордом.

Правда, поначалу у нее не было тех же признаков, которые она испытывала после первого,

ложного зачатия от Мартина. Но в тот день, когда они устроили пикник в Порто-Кристо, один из таких признаков обнаружился: она ощутила короткий приступ головокружения около входа в одну из пещер. Затем обнаружился и другой признак: задержка месячных. Но Кейт сначала не придавала этим признакам особого значения. Плод их любви с Роберто вошел в ее жизнь как бы совсем незаметно, тайно. До анализов, сделанных врачом в Пальме, она не была абсолютно уверена, что это случилось.

- И когда же ты собираешься сказать Роберто, что через какое-то время он станет отцом? - спросил ее Хуан.

Как только Кейт вышла из кабинета гинеколога, он по ее лицу сразу понял, что результаты анализов положительные. И она подтвердила догадку Хуана, но попросила его все держать в тайне до тех пор, пока сама не решит, как ей быть дальше.

Мысль о реальной беременности, о ребенке не покидала ее с утра до вечера. С ней она просыпалась и с ней же ложилась спать.

Но когда же лучше сообщить эту новость Роберто? И как сообщить? Какой будет его реакция на ее беременность?

Когда они вернулись в тот день из Порто-Кристо на их семейную виллу, Кейт подумала, что Роберто вновь с головой уйдет в дела и будет приезжать домой, только чтобы поспать и сменить костюм и рубашку. Но ее предположения оказались ошибочными.

Никогда и нигде еще он не уделял ей столько внимания и времени, сколько на Майорке. Целые дни и недели они проводили вместе. Роберто возил ее по острову, показывал разные достопримечательности, знакомил с друзьями и родственниками, а на субботу и воскресенье они, как правило, улетали в Мадрид или Барселону. Стоило ей только заикнуться о чем-то, проявить к чему-то интерес, как он тотчас начинал суетиться и принимал незамедлительные меры, чтобы исполнить ее желание.

Но ночи они стали проводить по-другому. Если в первые недели их семейной жизни ночи наполнялись любовью и страстью и казались им долгими, то теперь в них чего-то не хватало, или, вернее, что-то изменилось, у них появилась какая-то новая тональность.

- Ты сидишь одна в темноте... Чем ты занимаешься?

Голос Роберто прозвучал позади Кейт так неожиданно, что она нервно вздрогнула и, резко обернувшись к нему, с трудом подобрала фразу для ответа:

- Я... наслаждаюсь вечерней прохладой... тишиной. - К ее счастью, как раз в эти минуты сумерки начали сгущаться, и он не смог разглядеть выражение ее лица. Осознание того, что в ней развивалась новая жизнь, плод их любви, было для нее еще таким странным, новым, что она опасалась, как бы эта мысль не отразилась на ее лице и не выдала ее тайных переживаний. - Знаешь, эти тени надвигающейся ночи напомнили мне о доме... о саде, который вырастил мой отец.

- А тебе хотелось бы оказаться сейчас дома? - Этот вопрос прозвучал для нее тоже довольно неожиданно, причем в ту же секунду, когда она услышала его, Роберто нажал выключатель, и от яркого света ей пришлось на мгновение даже зажмуриться. - Хотелось бы?

- Мне хотелось бы повидаться с отцом, - осторожно начала она строить ответ, еще не уловив, куда клонит Роберто. - В конце концов, ведь прошло уже месяца два, как мы расстались, и

мне... мне хотелось бы узнать, увидеть, как он там жив-здоров.

Ей хотелось бы также сообщить отцу, что в скором времени он станет дедом, и она знала, что эта весть наверняка обрадовала бы его. Но сначала ей надо было изыскать способ, как лучше оповестить об этом событии самого Роберто.

- Но ведь ты только вчера говорила с отцом.

- Да, но мы говорили по телефону. А это не то же самое, что говорить с глазу на глаз. Голос не всегда передает правду так, как глаза, выражение лица.

- С твоим отцом все в порядке, - сказал Роберто. - Сейчас он чувствует себя так, как не чувствовал на протяжении нескольких десятилетий.

- Я согласна с тобой, но все равно мне нужно увидеть его собственными глазами.

- Неужели ты думаешь, я не сообщил бы тебе, если бы с ним что-то случилось? Или ты, может быть, сомневаешься в том, что его проблемы на фирме улажены? Подозреваешь меня в том, что...

- Разумеется, я верю, что ты оплатил все его долги, разделался со всеми его кредиторами, - сказала Кейт. - Раз ты пообещал это сделать, твоему слову можно твердо верить. Ты человек слова и дела. Меня беспокоит не это.

- А что же?

- Я просто хочу увидеть своего отца. Разве в этом желании есть что-то предосудительное?

С минуту Роберто молча смотрел на нее, изучая каждый дюйм ее лица, а затем удалился на кухню, куда она последовала за ним. Взяв бутылку вина, он наполнил бокал искрящейся жидкостью и, не поднимая глаз, холодным, глухим тоном сказал:

- Твой дом здесь, рядом со мной, а не в отцовском саду... Хочешь выпить?

- Э-э, да... То есть нет, спасибо, - быстро поправила себя Кейт, вспомнив, в каком положении она сейчас находится. - Роберто, к чему ты клонишь? Неужели ты считаешь, что мне нельзя съездить домой и повидаться с родным отцом? Неужели ты можешь чинить мне в этом препятствия и утверждать, что я...

- Я не хочу, чтобы ты ездила к нему, - резко сказал он. - После того, что он сделал. - Роберто не осознавал полностью того, о чем говорит.

Он думал в этот момент не об Уолтере Хиллзе, а о Мартине Форде. И в этом была вся проблема. Мозги Роберто не могли функционировать четко, без сбоев, с той самой минуты, когда он узнал, что Форд находится в Нью-Йорке и разыскивает Кейт. Об этом ему сообщил вчера мимоходом Уолтер Хиллз, когда звонил по телефону.

Конечно, отец Кейт ничего не знал об интимной связи дочери с подонком по имени Мартин Форд. Он даже не подозревал, как этот негодяй соблазнил ее, а потом отшвырнул в сторону, словно использованное полотенце. Поэтому у него не было причин что-либо скрывать от Роберто. Он просто передал ему, что звонил некий приятель Кейт по университету и хотел бы повидаться с ней и вспомнить старые добрые времена.

Если уж он сообщил эту новость своему зятю, то о ней наверняка знает и его дочь.

- Если мы говорим сейчас о моем отце, то что такого плохого, по-твоему, он мог совершить? - спросила Кейт.

Роберто уже направился было обратно в гостиную, но, услышав от нее этот вопрос, остановился в прихожей и повернулся лицом к ней; в руке он продолжал держать бокал с вином, который, казалось, стал своего рода барьером между ними.

- Не "мог совершить", Кейт, а уже совершил, - резким тоном заметил он.

- И что же совершил мой отец?

Роберто уселся в большое кресло, обтянутое черной кожей, и отпил из бокала большой глоток вина.

- Я жду от тебя ответа! - требовательно и тревожно сказала Кейт и присела около него на подлокотник кресла.

Интересно, подумал Роберто, знает ли она, какое действие оказывает на него ее близость? Представляет ли, какие буйные ощущения вызывают в нем тепло ее тела и тонкий аромат духов, которыми она пользуется? И догадывается ли, какие мысли в этот момент приходят ему в голову? Конечно, догадывается. И, разумеется, знает, какой эффект вызывает в нем одно только ее присутствие рядом с ним. Она наверняка знает, что его пульс сразу резко зашкалил, как только он вошел в гостиную и увидел ее стройную, гибкую фигуру, обтянутую плотно облегающими голубыми джинсами и белой хлопчатобумажной тенниской, которую оттопыривали упругие груди с торчащими твердыми сосками. Она прекрасно знает обо всем этом и намеренно использует все имеющиеся в ее распоряжении средства, чтобы добиться того, чего хочет.

- Пожалуйста, ответь мне, - умоляюще прошептала Кейт.

- Ладно. - Роберто решил сдаться, Он уже просто устал. Устал от секретов, от всего, что скрывал от нее. - Ладно. Все равно ты об этом, может быть, когда-нибудь узнала бы. Пусть же это случится не когда-нибудь, а прямо сейчас.

Кейт не имела ни малейшего представления о том, что ей предстояло услышать. Но в одном она была уверена твердо: то, что ей собирался сообщить Роберто, было для нее абсолютной тайной. Когда же он сказал, что у него несколько лет назад состоялся серьезный разговор с ее отцом о ней, Кейт была потрясена.

- Выходит, ты еще в те годы серьезно увлекся мной? - с трудом вымолвила она.

Кейт вспомнила теперь, что он говорил ей об этом, о своем увлечении ею в тот вечер, в библиотеке.

- Я никогда не был равнодушен к тебе, - сказал он ей тогда. - Ты запала мне в душу с того самого дня, когда я впервые оказался в вашем доме. Тебе было тогда всего тринадцать лет, но уже в том возрасте ты выглядела чертовски привлекательной... Я не мог оторвать от тебя глаз в те годы и не могу оторвать их сейчас, - признался ей Роберто.

Сейчас он практически повторил эти слова, добавив весьма существенную подробность, которая наконец разъясняла, отчего он молчал все эти годы.

- И мой отец уговорил тебя подождать, не трогать меня столько лет? - потрясенно переспросила Кейт.

- Да, я дал ему слово, понимая, в каком положении он находился. Я знал, как у него сложилась, а вернее, не сложилась жизнь с твоей матерью. Ведь он старался сделать все возможное, чтобы удержать ее в доме, не позволить сбежать. Истратил на нее целое состояние, покупал ей все, чего только она ни желала. Надеялся, что дорогие, красивые вещи станут уздой, веревкой, которая привяжет ее к семье, к нему. Но она все равно сбежала, и когда развелась с ним...

Вдруг Роберто осознал, что слишком откровенно говорит о ее матери, и ему стало больно и обидно за жену. Взглянув, украдкой на Кейт, он заметил, что ее красивые темно-зеленые глаза подернулись грустной поволокой.

- Прости, что я...

Но она не дала ему закончить фразу и, резко тряхнув головой, сказала:

- Пусть вся эта история с моими родителями тебя не волнует! И, пожалуйста, не думай, что я питаю какие-то иллюзии в отношении моей матери. Она бросила меня, когда я была еще совсем ребенком... и я знаю, что эта женщина очень плохо относилась к моему отцу.

- В суде она потребовала от него половину всего его состояния, - напомнил ей Роберто. - Это стало началом его последующих финансовых трудностей. По существу, ему так и не удалось выпутаться из денежных тисков, в которые его загнал развод с твоей матерью. Потеряв жену, он потерял и свой бизнес. Его дела стали давать заметный сбой, и, в конце концов, никто уже не смог уберечь его от банкротства. Единственное, что я смог предпринять, это выкупить его фирму, причем выкупить по цене гораздо более высокой, чем она того стоила, а потом сразу же списать ее...

- Да, насколько я понимаю, вся эта катавасия обошлась тебе в кругленькую сумму. И ты сделал все это ради меня, не так ли? - спросила она. - Только ради того, чтобы я вышла за тебя замуж. Надеюсь, я стоила этих затрат?

- Не только этих.

Наклонившись вперед, Роберто с громким стуком поставил выпитый бокал на ночной столик и задумчивым и одновременно счастливым голосом произнес:

- Ты стоишь гораздо большего!.. Я, кажется, стремился к тебе всю свою жизнь. Я пробовал отвлечься от тебя с другими женщинами, но из этого ничего не получалось. Ты всегда стояла перед моими глазами, и, по-моему, я даже чувствовал, ощущал тебя в своей крови. Я жаждал тебя денно и ночью, и эта жажда никогда не проходила.

Господи! Он хотел ее, все время хотел. Жаждал ее денно и ночью. И даже чувствовал ее в своей крови. Это были слова, которыми он выражал свое сексуальное желание. Слова похоти, которая - она точно знала это - обуревала его.

Но где были слова, которых она ждала от него в первую очередь? Где были слова любви? Где было это признание в глубоком чувстве привязанности, которое соединило бы их на всю жизнь? Их и их ребенка. Ребенка, которого она сейчас вынашивала и о котором не могла забыть ни на минуту.

Без этих глубоких чувств она оказалась бы в доме Роберто просто в положении рабыни. Рабыни, которую купил жаждущий ее мужчина в счет долгов своего делового партнера – Уолтера Хиллза, ее отца.

- Итак, – сказала Кейт, – когда ты узнал, что я забеременела от Мартина, тебе это оказалось на руку. У тебя появилась великолепная возможность навязать мне брак и таким образом получить то, чего ты так долго и сильно хотел, чего добивался. При этом ты подбросил мне приманку – обещание вытащить из финансовой трясины моего отца, чтобы я не могла тебе отказать.

Темно-зеленые омуты ее глаз вплеснулись в темную бездну его взгляда, и, к своему ужасу, она обнаружила в этой бездне нечто, что заставило болезненно шевельнуться ее душу. Кейт заметила в его глазах блики вины. Тени замешательства, смущения. Смущения из-за того, что он сделал, как поступил с ней. И из-за того, что она распознала, расшифровала его тактику. А она-то надеялась, что он опровергнет ее слова.

- Не удивительно, что ты понял ошибки моего отца, Роберто. И сейчас ты просто-напросто повторяешь их, пытаясь купить меня и мои желания, вкусы, увлечения. – Она бросила на него безжалостный, уничтожающий взгляд. – Скажу тебе прямо, маридо mio, муж мой: со мной эта тактика не пройдет! Человека не купишь, если он не хочет оставаться с тобой. Любовь не признает взятки!

О, Роберто! Дай мне отпор! Пожалуйста, скажи же хоть что-нибудь против моих доводов! – беззвучно молила она. Ей казалось, что она использовала все резервы своего рассудка, весь его потенциал, чтобы побудить Роберто к действию, вызвать его на жесткий, но справедливый поединок, чтобы он переубедил ее, доказал ей, что она не права. Ей хотелось услышать от него аргументы, которые, может быть, будут далеки от ее точки зрения, но абсолютно верны и неотразимы. Возможно, из этих аргументов выяснилось бы, что его чувства к ней уходили корнями в более глубокую почву, а не просто в постель? Она не потребовала бы от него даже произносить слово “любовь”. Она могла и подождать. Только бы он дал ей хоть что-нибудь. Хоть самую малюсенькую надежду, за которую она могла бы уцепиться. И, может быть, даже удержаться.

Но он не давал ей абсолютно ничего. Роберто молчал. И его молчание шокировало, удручало, пугало. Он заставил ее, как черепаху, просто куда-то тащиться, тащиться и тащиться. Куда, зачем, во имя чего? Нет, все было бессмысленно. Только еще больше напрягались нервы, еще сильнее мытарилась душа, еще тяжелее становилось на сердце.

Он заставил ее ждать и просто наблюдал за ней. Тяжелые, плотные веки нависли над его темными глазами, жесткие челюсти превратились в каменные тиски, выражение лица стало безучастным, аморфным.

Только молчание. Немая тишина.

Но наконец Роберто шевельнулся, сделал какое-то движение. И какое! Он так резко поднялся с места, что Кейт едва не свалилась с подлокотника кресла, на котором сидела рядом с ним.

Да, он поднялся и пошел прочь от нее. Он уходил, как в тот вечер, когда они чуть было не расстались навсегда в библиотеке ее дома. И вдруг, как раз в тот момент, когда она готова была окликнуть его и попросить остаться и поговорить с ней, сказать ей хоть слово, хоть полслова, он остановился и повернулся к ней.

И в тот же момент она пожалела, что он передумал и не покинул ее. Потому что в его лице не

было света, тепла и нежности. Потому что оно выражало лишь отчужденность, непреодолимую душевную дистанцию между ними, и потому что от него веяло холодом. Причем холодом настолько пронизывающим и безжалостным, что у нее даже на расстоянии начала стынуть кровь в жилах, и от страха по телу побежали колющие мурашки.

- Скажи мне что-нибудь хорошее, - очень спокойным голосом попросил ее Роберто, и Кейт от такой неожиданной перемены в тоне его голоса, в его настроении совсем перестала что-либо понимать. Казалось, он хотел поговорить с ней о погоде или о ценах на рыбу - о чем угодно, но только не о том, что они так долго и тщетно обсуждали, не об их мучительных, странных, непонятных отношениях. - Например, - добавил он, - о нашей жизни на острове... О том, как мы купались и гуляли, и наслаждались обществом друг друга... Помнишь, когда мы устроили пикник на берегу в Порто-Кристо, и ты рассказывала о своих впечатлениях?

- И тогда я сравнила свою жизнь на вашей вилле с жизнью в тюрьме...

- Ты в самом деле так думала? И думаешь теперь?

На этот вопрос мог быть только один ответ. Кейт встала и вплотную подошла к Роберто. Препираться больше не имело смысла. Надо было решать: или-или. Сейчас решалась не только ее судьба, но и ее - их - ребенка. И она врезала ему в лоб:

- Да.

Жить с ним или хотя бы сосуществовать и при этом не чувствовать его любви - это было равносильно тому, чтобы находиться в тюремной камере-одиночке. Любить его - а она действительно любила его - и при этом точно знать, что он хотел ее только в постели, только как самку, только для удовлетворения своих сугубо физических, а вовсе не эмоциональных и духовных потребностей, было равносильно самой дикой форме пыток, какую только мог придумать самый изощренный инквизитор.

Но самое странное во всем этом было то, что она со всей страстью души и тела обожала своего мучителя, боготворила и денно и ночью жаждала его.

Роберто захотелось со всей силы дать себе по голове. По своей тупой, упрямой башке. Только сейчас до него дошло, что он с дотошной пунктуальностью повторяет ошибки ее отца! Да, подарками и подношениями он пытался завоевать ее расположение к себе. Он думал, что, женившись на ней и продержав ее долго в брачной узде, сможет заставить ее подчиниться ему и уже никогда не пытаться выбраться из семейного хомута. Он надеялся, что когда они проживут вместе достаточно долго, она в конце концов сломится, полюбит его и...

И что? И тогда они заживут счастливо до конца своих дней?

Мысль об этом побудила его чуть было не рассмеяться, но едва он взглянул на побледневшую Кейт и увидел в ее глазах невероятную тоску, как в нем тотчас сработал стоп-сигнал, юмористический настрой стартовал и исчез со скоростью космической ракеты, и за две секунды великолепный Роберто превратился в сгусток льда, который не смогла бы растопить никакая ядерная бомбардировка с той или другой стороны Атлантического океана.

Его обуял неподдельный страх.

Да, он, шел по следам Уолтера и повторял его ошибки. Но, с другой стороны, он извлек из его истории урок, который тот так никогда и не понял. Он мог приостановить все сейчас, пока их отношения не стали гораздо хуже и не зашли в тупик. Он должен был смириться с

неизбежным. А неизбежное было в том, что Кейт никогда не любила и не собиралась полюбить его.

Ему надо было с этим смириться и отпустить ее на все четыре стороны. Если он не сделает этого, она возненавидит его точно так же, как возненавидела Уолтера ее мать. А этого он ни за что не смог бы перенести.

Таким образом, у него оставался только один выход – порвать с ней отношения прямо сейчас. Даже если это обойдется ему ценой собственной жизни.

Сделав глубокий вдох, Роберто с трудом заставил себя заговорить:

- Ну хорошо. Тебе не придется больше страдать. Ты свободна, дорогая.

- Что?

Кейт не поверила своим ушам, когда услышала от него эту фразу.

- Что ты сказал? – повторила она свой вопрос. – Я ничего не поняла.

- Все очень просто, – пояснил Роберто. – Ты сказала, что жить на нашей вилле на Майорке со мной и моими родителями – равносильно пребыванию в тюрьме. Что ж, я готов снять с тебя кандалы и выпустить на волю. Я осознал твою правоту. Ты свободна.

К ее ужасу, он подошел к наружной двери, распахнул ее, и в комнату тотчас ворвался теплый вечерний бриз и отдаленный шум моря...

- Ты можешь идти. В любую минуту. Хоть сейчас, – сказал он. – Наш брак был ошибкой с самого начала. Я не могу дать тебе того, чего ты хотела или хочешь, так как просто не понимаю тебя. И должен тебе откровенно признаться, что желания, которые я испытывал к тебе раньше, теперь начали заметно угасать.

Он не имел в виду физические желания, нет. Но голый секс – секс без духовной привязанности, без душевной близости, без любви – не устраивал его. По существу, он становился для него пыткой. Пыткой вечной неудовлетворенностью.

Нельзя было сказать, что страсть покинула его. Нет, она даже не уменьшилась. И он по-прежнему нестерпимо хотел Кейт, хотел обладать ею каждую ночь своей жизни. В нем жила твердая уверенность: ничто вообще не может вызвать катастрофу его сексуальности. Напротив, даже когда он только что проходил мимо Кейт, направляясь к двери, его тело не могло не реагировать на ее тело, какие-то биотоки, казалось, не прерывались между ними ни на секунду.

По своей глупости или чисто случайно он прошел от нее так близко, что сразу же возбудился и не смог скрыть чувства, которые вызвала близость ее тела. Смятение чувств и эмоций отразилось на состоянии мыслей, и Роберто не смог сразу подобрать нужные слова, которые хотел сказать Кейт. Но в конце концов он заставил себя сказать:

- Кейт, я выхожу из игры. Чисто, по-честному и навсегда. Завтра прямо с утра я займусь нашим бракоразводным процессом. Пожалуйста, не смотри на меня такими глазами. Ты получишь все, что захочешь. Я позабочусь о твоём будущем. Я даю тебе свободу. Можешь идти!

Пожалуйста, уходи, молил он ее. Уйди скорее, пока я не сказал какую-нибудь глупость, какую-

нибудь чушь, из-за Которой ты будешь потом всю жизнь презирать меня!

Но Кейт продолжала медлить, колебаться, оттягивать момент ухода. Господи, что ей еще нужно? Ведь он пообещал дать все, что она захочет. Она будет свободна и материально обеспечена. Что еще? Он не сразу осознал то, что она сказала.

- Но я... я не могу уйти. Я... беременна.

Это было уже слишком. Это был последний удар, после которого никакая игра уже была невыносима. Роберто был повержен в прах.

- О нет, леди! - воскликнул он. - Этого не может быть! Ты уже была, по твоим словам, беременна, и я чуть не свихнулся из-за этого. У меня нет никакого желания лезть в эту петлю во второй раз! Хорошо, я уйду сам.

И прежде чем Кейт успела перехватить его, взять за руку, заставить выслушать ее, он исчез. Исчез из виллы, из ее жизни. И она не имела ни малейшего представления, как ей теперь - если это вообще возможно - вернуть его.

13

- О, Роберто, эрмано мио, брат мой! Таких дураков, как ты, не сыщешь днем с огнем в целом свете! По крайней мере, мне такие глупцы еще не встречались. - Обвинительные слова Хуана, в доме которого он провел эту ночь, многократным эхом отдавались в мозгу Роберто, пока он подъезжал к родительской вилле. - Но ведь ты, насколько я помню, говорил мне, что любишь Кейт.

- Да, люблю, - подтвердил Роберто. - Я обожаю ее! Люблю ее больше самой жизни. Но не могу жить с ней!

- Почему же?

- Потому что она никогда не сможет полюбить меня!

- Но кто тебе сказал об этом? Сама Кейт? А ты спрашивал ее о любви? И раскрыл ли ей свои чувства?.. О Боже, Роберто! Что произошло с твоими мозгами? Или ты думаешь, что бедняжка Кейт может читать твои мысли?

Сердце Роберто колотилось так, будто он только что закончил бег на марафонскую дистанцию. Ему хотелось побыстрее оказаться на вилле, увидеть Кейт и поговорить с ней. Поговорить откровенно, не играя и ничего не скрывая. Уже подъезжая к дому, Роберто с удивлением увидел такси. Оно промелькнуло мимо его автомобиля, направляясь прочь от виллы. В такси никого, кроме водителя, не было, а поскольку дорога, по которой они ехали, вела только на виллу, ему не составило труда догадаться, что пассажир, использовавший такси, приехал именно туда, где и должен находиться в эти минуты. Странно... Кейт после их вчерашней ссоры оставалась дома одна. Интересно, кого из их знакомых на Майорке она могла пригласить на виллу? Прежде чем войти в дом, Роберто решил прогуляться по саду, подумать над тем, что он скажет Кейт, когда уйдут гости. Но, обойдя дом, он сразу же увидел посетителя виллы, и пришел в бешенство.

Они стояли около бассейна за домом и, очевидно, поэтому не слышали шум подъехавшей машины. Кейт выглядела, как всегда, блистательно. На ней было длинное белое платье с короткими рукавами, и легкий ветерок шевелил ее красивые каштановые волосы.

Находившегося рядом с ней мужчину Роберто не видел никогда в жизни, но ему не потребовались объяснения, чтобы понять, кто это был.

“Вы с Мартином Фордом могли сойти за братьев”, вспомнил он слова Кейт и, взглянув на собеседника своей жены, сразу отметил, насколько точно она описала портрет этого человека.

- Форд! - зло процедил он сквозь зубы и быстро отошел в сторону, чтобы его не заметили стоявшие у бассейна мужчина и женщина.

Не следует с ходу появляться у них на глазах, решил Роберто. Сначала надо выяснить, что здесь происходит.

Как мог попасть на его виллу Мартин Форд? Наверняка не без помощи Кейт. По всей вероятности, она знала, что он прилетел в Нью-Йорк и разыскивал ее. После их вчерашней ссоры, когда Роберто уехал к Хуану и остался в его доме на ночь, у нее было достаточно времени, чтобы дозвониться до Мартина и предложить ему первым же рейсом прилететь на Майорку... Если Кейт действительно так поступила, значит, она, должно быть, до сих пор любит этого человека.

На миг у него мелькнула мысль покинуть виллу. Но тут же в памяти всплыли резкие, вразумляющие слова Хуана, и он решил не сдаваться и никуда не уезжать...

А Кейт все еще не могла оправиться от шока, который вызвало у нее неожиданное появление Мартина на вилле. Когда она услышала шум подъезжающего автомобиля, то подумала, что это наконец Роберто вернулся домой после их вчерашней стычки. Поэтому она поспешила открыть наружную дверь и, увидев за ней высокую фигуру мужчины, сначала подумала, что это действительно Роберто.

Но как только их взгляды встретились, Кейт моментально поняла, кто стоит перед ней.

- Привет, крошка, - услышала она несколько развязный голос Мартина.

Только он называл ее “крошкой” и разговаривал с ней таким манерным тоном. И вот этот человек стоял и нагло ухмылялся. Человек, который свалился как снег на голову. Которого она не хотела больше видеть никогда в жизни.

Однако ей все-таки пришлось опять встретиться с ним. Он стоял в дверях и ждал от нее приглашения пройти в комнату. Хотя Кейт хотелось сделать обратное: сказать, чтобы он убирался, и захлопнуть перед ним дверь. Но, с другой стороны, она понимала, что выпроваживать его уже поздно: таксист, с которым Мартин наверняка сразу расплатился и отпустил его, был теперь недосыгаем, а свободные такси в этой округе просто не курсировали. Такси придется заказать по телефону.

Поэтому, оценив обстановку, Кейт решила усадить Мартина в гостиной и в ожидании такси предложить ему что-нибудь выпить.

Она провела долгую бессонную ночь, ожидая Роберто, но так и не дождалась его. Но ведь он должен вернуться на виллу, в отчаянии думала она! Не мог же он оставить ее здесь одну на долгое время. В конце концов ему же надо переодеться, надеть чистую рубашку, поменять костюм... Так или иначе она вынуждена была запастись терпением и ждать, ждать, ждать его до тех пор, пока усталость не свалила ее с ног, и она заснула прямо на диване. Кейт проспала несколько часов и проснулась минут за пятнадцать-двадцать перед приездом Мартина.

- У тебя здесь очень укромное, красивое гнездышко, - польстил Мартин.
- Этот дом принадлежит моему мужу. Он и его родители - коренные обитатели Майорки.
- Слышал, слышал об этом. Должен признаться, я не поверил своим ушам, когда твой отец сообщил мне, что ты вышла замуж и что вы проводите теперь свой затянувшийся медовый месяц на этом острове. Но после того, как Уолтер Хиллз пояснил, за кого ты вышла, все встало на свои места.

Кейт нахмурилась и сказала:

- Не очень понимаю, что ты имеешь в виду.
- О, перестань, крошка. Ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду. Роберто Мадругада располагает, насколько я слышал, немалым капиталом, так что, связав свою судьбу с ним, ты сделала мудрый шаг. К тому же ты ведь всегда была равнодушна к нему.

Кейт с силой прикусила нижнюю губу. Она уже почти забыла о том, как однажды ночью, когда ею овладел очередной приступ идиотской откровенности, ее бескостный язык выложил Мартину все о Роберто, в том числе о той новогодней вечеринке, на которой он так грубо (или ей так показалось тогда) отверг ее.

Теперь она с горечью признавалась себе, что та ночь глупых откровений с Мартином Фордом стала началом ее падения. Заезжий университетский лектор очень хорошо понял ее психологическое состояние и проникся к ней, как ей тогда показалось, искренним сочувствием. Разумеется, непонятая, отвергнутая своим возлюбленным женщина поверила ему. И растаяла в его объятиях. А он, опытный ловелас, воспользовался создавшейся ситуацией и без особого труда затащил неопытную девственницу в постель.

- Насколько я могу судить, ты пересмотрела свое отношение к аборту, и теперь тебя не отягощает плод свободной любви, - сказал Мартин. - Хотя раньше ты придерживалась на этот счет совсем иного мнения. Что ж, умная девочка и поступила по-умному! Не думаю, что твой испанец возлюбил бы тебя, если бы узнал, что ты беременна внебрачным ребенком от другого мужчины. Кстати, где же твой властелин и повелитель?

- Он... может вернуться в любую минуту.

Мысленно она попросила Всевышнего, чтобы так оно и произошло.

- Мартин, что тебя занесло в наши края?
- Просто находился поблизости и решил заглянуть к тебе на огонек, чтобы поприветствовать.
- Если честно, я не верю этой версии.

Она не поверила и тому, что услышала от него через минуту. Кейт молча слушала его, вздрагивая от омерзения, и задавалась вопросом: чем вообще мог заинтриговать ее этот человек, помимо чисто внешнего сходства с Роберто? Ведь ей с самого начала их знакомства было известно, что он никогда не отличался ни глубиной мысли, ни великодушием, ни искренностью. А потом к этим качествам добавились еще жадность, вероломство и полная беспринципность.

Исходя из своих аморальных концепций, Мартин Форд предположил, что Кейт никогда не

признается в беременности мужу. Он был уверен, что она тайно сделала аборт. Мартин также не сомневался, что его бывшая любовница придет в ужас, если ее испанский супруг узнает о ее любовной связи и внебрачной беременности, и он пообещал ей держать их прошлую связь в строгой тайне, но... не без вознаграждения с ее стороны.

- Твой муж располагает достаточными средствами, чтобы содержать все это, - сказал Мартин и жестом обвел роскошную виллу и бассейн с кристально чистой водой, сверкавшей в лучах утреннего солнца. - Но этот факт не помешал бы нам с тобой возобновить наши отношения, не правда ли, дорогая? Ты наверняка могла бы околдовать его своими жаркими ласками в постели, и тогда у него не возникнет никаких подозрений насчет нашей близости. Я же в свою очередь тоже мог бы пойти тебе навстречу - скрыл бы от него нашу прошлую любовную связь...

С Кейт было достаточно. Она была сыта Мартином Фордом по горло. И не хотела больше выслушивать его бредни. У нее не было абсолютно никакого желания тратить на него время; и она решила высказать ему все сразу, в лоб.

- Роберто все знает, - сказала она. - Неужели ты думаешь, что я вышла бы за него замуж, не рассказав ему честно обо всем, что было между нами? И даже не пытайся называть наши прежние отношения любовной связью. В них не было ничего подобного. Никакой любви между нами никогда не существовало! Возможно, какое-то время я была настолько глупа, что поверила в это чувство. Но сейчас об этом не может быть и речи. Сейчас я сама, на собственном опыте узнала, что такое настоящая любовь...

Ее откровенный монолог прервался рыком незваного гостя:

- Ты хочешь сказать, что я проделал весь этот путь сюда понапрасну?

Выражение лица Мартина испугало Кейт, и она, сделав поспешный шаг назад, бросила ему:

- Именно это я и хотела сказать тебе. Я не желаю больше видеть тебя здесь!

- Да ты...

Она поняла, что он собирался сделать, но уже ничего не могла предотвратить. Замахнувшись, Мартин ринулся на нее. Однако не успел ее ударить. Сбоку послышался резкий шум - перед Фордом возникла высокая фигура мужчины, одетого в черное. Сокрушающим ударом железного кулака Мартин был отброшен от Кейт в сторону, а второй удар в челюсть взметнул его в воздух и послал на сверкающую поверхность плавательного бассейна.

Роберто подождал с минуту, пока Мартин не очухался, бултыхаясь в воде, а затем, когда тот выбрался из бассейна, произнес:

- Ты слышал слова леди? Она хочет, чтобы ты убрался отсюда. И побыстрее!.. Сгинь сейчас же с моих глаз! И не вздумай беспокоить мою жену снова. Иначе я поговорю с тобой на еще более конкретном мужском жаргоне. Ясно?

Повернувшись к Кейт, он взял ее за руку и твердым шагом направился с ней к дому. Когда они вошли в прихожую, Роберто опустил на окна шторы и, обращаясь к жене, спросил:

- С тобой все в порядке? Он тебя не трогал? Если этот негодяй прикоснулся к тебе хотя бы пальцем, я...

- Со мной все в порядке, - успокоила его Кейт.

- Все равно тебе лучше сейчас присесть и отдохнуть. - Он подвел ее к стулу и осторожно усадил на него. - Может быть, я принесу тебе что-нибудь? стакан воды? Или чашку чая?

- Роберто, я чувствую себя прекрасно.

Ей хотелось, чтобы он перестал суетиться. С того момента, когда он, подобно какому-нибудь киногерою, внезапно появился и спас ее от нападения Мартина, она еще не смогла как следует рассмотреть его лицо. А ей нужно было обязательно сделать это, потому что она хотела увидеть, какие эмоции оно выражало. Ей нужно было узнать, в каком он сейчас настроении, какие чувства руководили им. Она хотела понять, почему он оказался в эти минуты здесь, около нее и что побудило его так стремительно прийти ей на помощь.

- Пожалуйста, присядь сам... или по крайней мере успокойся, - сказала Кейт.

Роберто постарался взять себя в руки, но ей все равно было трудно догадаться, о чем он сейчас думает. Его лицо ничего не выражало, глаза смотрели отвлеченно куда-то вдаль, в одну точку.

- Спасибо за помощь. Признаться, этот человек напугал меня...

- Я бы ни за что не позволил ему обидеть тебя, - произнес Роберто. - Если бы он прикоснулся к тебе, я разорвал бы его на куски. Но такие люди, как он, обычно оказываются трусами. Они могут угрожать тому, кто слабее их, однако в настоящую схватку никогда не ввязываются.

Несмотря на определенную напряженность, которая будто все еще висела в воздухе после закончившегося инцидента, Кейт не смогла удержаться от смеха и сказала:

- Не знаю, заметил ли ты выражение его лица, когда он плюхнулся в воду, но это был просто цирк!

- Ему еще повезло, что он так быстро выкарабкался, - с усмешкой заметил Роберто. А потом, глядя на Кейт, добавил: - Не окажись я в эту минуту уже на вилле...

- Да, к счастью, ты вернулся вовремя. Хотя мог бы оказаться дома и раньше...

Неожиданно ее лицо сделалось серьезным, и в то же время на него легла тень неуверенности и растерянности. Она повернулась к мужу и спросила:

- Роберто, почему ты сейчас находишься здесь?

На секунду-другую он задержал на ней пронизывающий взгляд своих темно-карих глаз и ответил:

- А что тут непонятного? Ведь ты же сказала, что забеременела.

Ну конечно же, он вернулся домой ради ребенка, подумала Кейт. Но не означает ли это, что и ради нее тоже? Ведь она как-никак мать этого ребенка. Может быть, и для нее в его сердце есть местечко?

- Но ведь ты сказал, что не собираешься снова лезть в эту петлю...

Роберто вздохнул и, взъерошив пятерней свои черные волосы, произнес:

- Я наговорил вчера много всяких глупостей, и эта, про петлю, одна из них. Если ты действительно забеременела, то я, разумеется, останусь с тобой.

Интересно, какие еще глупости он имел в виду? Впрочем, ей было неловко сейчас спрашивать его об этом, и она задала ему вопрос попроще:

- Где ты был вчера? Я прождала тебя всю ночь, но ты так и не объявился.

- Я заезжал домой к Хуану. Мне надо было успокоиться, остыть... Мы долго разговаривали с ним, и он высказал несколько мыслей, которые заставили меня кое о чем задуматься.

- О чем, например?

- Например, о нас с тобой.

У Кейт тотчас пересохло во рту, и ей с трудом удалось выдавить из себя:

- У меня какая-то сухость в горле. Думаю, мне надо выпить воды...

Роберто пошел на кухню за стаканом воды для нее, но она решила не ждать, когда он принесет его, и направилась вслед за ним; ее охватила нервная дрожь, и она, казалось, просто не знала, как ей теперь следовало вести себя. Когда они вошли в кухню, Кейт взволнованным голосом произнесла:

- Роберто, ты действительно... задумался о наших отношениях?

Он ничего не ответил, налил ей полстакана воды со льдом, а когда она, поблагодарив его, с удовольствием освежила рот, сказал:

- Мне надо кое-что сообщить... объяснить тебе, Кейт.

К ее горлу внезапно подкатил ком, и ей стоило определенных усилий проглотить остатки прохладной жидкости. Осторожно поставив пустой стакан около раковины, она спросила:

- Что именно?

Он обвел задумчивым взглядом просторную кухню и с едва уловимым волнением в голосе произнес:

- Конечно, кухня - не лучшее место для подобных объяснений, но я уже не могу ждать больше. Китти, как ты отнесешься к тому, что... если я скажу, что... люблю тебя?

Снова произнесенное им ее детское имя будто застало ее врасплох. Роберто уже так давно не называл ее этим уменьшительно-ласкательным именем! Слезы застлали ей глаза, и она часто заморгала, чтобы сдержаться и не расплакаться. Но когда через мгновение до нее дошел смысл сказанного им, когда в ее мозгу и сердце нежным эхом отдалось это самое сладостное словосочетание в мире, она перестала сдерживать себя и слезы ручьем полились по ее щекам.

- Китти, керида миа, что с тобой? - Роберто, казалось, был в шоке. - Что я наделал? Прости меня. Я вовсе не хотел обидеть тебя! Я просто...

- Просто сказал то, что я больше всего хотела услышать в своей жизни! - поспешила закончить его фразу Кейт, и ее затрепетавшие пальцы ласково легли на руки мужа. - О, Роберто, разве не это ты имел в виду?

- А разве ты сомневалась в этом? Да, да, я люблю тебя и...

Он опять не успел завершить фразу, потому что Кейт, бросившись в объятия Роберто, стала с жаром целовать его в губы. Дыхание супругов участилось, их сердца забились сильнее; внутри Кейт все танцевало и пело, и ей казалось, что она вот-вот вспыхнет и разорвется от переполнявшего ее счастья.

- Я так долго ждала этого момента, этих двух магических слов, которые ты наконец произнес! Я грезила ими днем и ночью и молила Бога, чтобы он помог мне услышать их как можно скорее.

- Но ты сказала, что жить в этой вилле со мной было бы для тебя равносильно тюремному заключению.

- Тюрьмой твоя вилла была для меня, когда я жила в ней с тобой, но без твоей любви, - поправила его Кейт. - А если ты меня любишь, я никогда не променяю это место ни на какое другое.

- Значит, я правильно расслышал тебя, когда ты заявила Форду около бассейна, что любовь...

- О том, что я узнала, что такое настоящая любовь? Да, ты расслышал меня правильно, милый. Я никогда не любила Мартина, потому что в глубине души у меня всегда был только один возлюбленный - Роберто Мадругада. Просто я... в начале того года на какое-то время сбилась немножко с пути, слегка заблудилась.

После этих слов лицо Роберто быстро просветлело, в глазах появился веселый блеск, и Кейт поняла, что он поверил ей.

- Теперь насчет той новогодней вечеринки, - услышала она его голос. - Китти, мне очень жаль, что тогда все так получилось. У меня никогда не было в мыслях так глубоко обидеть, ранить тебя.

- Тсс!.. - Она приложила палец к его губам, чтобы он замолчал, а сама сказала: - Теперь я знаю, почему на той вечеринке ты отверг мою любовь. Ты вынужден был поступить так, потому что пообещал моему отцу не трогать меня до моего двадцатидвухлетия. И если, несмотря ни на что, ты смог так стойчески и столько времени быть верным своему слову, я могу представить себе, с какой твердостью ты будешь следовать нашим супружеским клятвам, которые мы дали друг другу перед Богом. А в таком случае наш законный брак обещает быть счастливым, прочным и будет длиться до конца наших дней.

- Надеюсь, твой прогноз полностью подтвердится всей нашей жизнью, - с энтузиазмом отозвался на ее слова Роберто. - На протяжении всех наших совместных дней и ночей я буду неустанно доказывать тебе, что любил, люблю и буду любить тебя вечно.

Он нежно обнял ее, крепко прижал к себе, и они снова поцеловались. Через несколько минут муж позволил жене высвободиться из своих жарких объятий, чтобы она могла отдышаться, а еще минуту спустя Кейт спросила:

- Роберто, а какие такие мысли высказал тебе вчера Хуан?

- Мысли, которые заставили меня кое о чем задуматься и понять, какой я был дурак до сегодняшнего дня?

Он поднес ее руку к губам, поцеловал палец с обручальным золотым кольцом, который он ей подарил накануне их бракосочетания, и сказал:

- Хуан признался мне, что с тех пор, как умерла его Эсперанса, у него каждый день перед сном возникает невыносимое желание еще раз сказать ей, как сильно он любил и любит ее. Это признание моего брата настолько потрясло меня, что я вдруг всем своим рассудком, каждой клеточкой мозга осознал, какое великое множество возможностей было упущено мной в этой быстротекущей жизни - возможностей делать такие же ежедневные признания в любви тебе! Тебе, которую я люблю уже столько лет!.. Мы проговорили с Хуаном всю ночь, и едва наступило утро, я ринулся сюда, чтобы впервые в жизни признаться тебе в своем чувстве.

- Ты вернулся домой как раз вовремя, - сказала Кейт, и оба знали, что она имела в виду не только его расправу с Мартином Фордом.

Все еще не выпуская ее руки, Роберто внимательно посмотрел ей в глаза и произнес:

- Кейт, амор мио, согласна ли ты на самом деле остаться со мной... жить со мной? Можем ли мы начать все с начала и стать настоящими, а не фиктивными мужем и женой?

- О большем я не могла и мечтать!

Он облегченно, в полную силу легких вздохнул, и его лицо расплылось, как у ребенка, в широкой, сияющей улыбке, которая всегда так завораживала Кейт.

- В таком случае, я полагаю, мы наконец готовы...

- Готовы к чему? - полюбопытствовала она. Но Роберто, не проронив ни слова, лишь интригуяюще покачал головой, взял ее за руку и повел из кухни к лестнице. Поднявшись на второй этаж виллы и пройдя мимо комнаты, которая была выделена им с первого дня их прибытия на Майорку, они прошли в конец коридора и остановились перед дверью, за которой Кейт не была ни разу. Вытащив из кармана ключ, Роберто отпер дверь и широко распахнул ее. Кейт сделала было шаг вперед, но он схватил ее за руку и сказал:

- Нет, подожди... Закрой на минутку глаза.

- Роберто! - успела вскрикнуть она, когда он подхватил ее на руки и понес в комнату.

Когда он бережно опустил ее на пол, она открыла глаза и... остолбенела от изумления. И сразу все узнала - широкую кровать, мебель, шторы. И даже свою ночную рубашку, небрежно брошенную на золотисто-зеленое покрывало.

- Но ведь это... это же твоя спальня! Та... что была... которую я видела в Америке! - пробормотала Кейт, и он кивнул в подтверждение ее догадки.

- Спальня, в которой мы провели бы нашу первую брачную ночь, если бы тому не помешали известные нам события и обстоятельства. Все, что ты видишь сейчас вокруг себя, всю нашу спальню я перевез из Штатов сюда, не теряя надежды, что когда-нибудь нам все-таки удастся использовать ее по назначению.

Роберто подвел Кейт к кровати и, уложив ее поверх покрывала, сам опустился рядом с ней.

- Прелесть моя, адорада миа, мне так и не пришлось тогда провести с тобой брачную ночь, о которой я мечтал. Это была бы ночь посвящения в нашу любовь. Я смог бы до конца раскрыться перед тобой, рассказать о своих чувствах...

- Ты можешь рассказать о них сейчас.

- Да, могу и хочу. Я хочу сказать, что люблю тебя каждой частицей своего существа, каждой клеткой тела; моя любовь к тебе живет в каждом моем вдохе и выдохе, в каждом ударе сердца, и она будет жива до тех пор, пока я буду дышать, пока не перестанет биться мое сердце. Я люблю тебя больше самой жизни, и только ради тебя одной живу. - Не переставая говорить, Роберто не отрывал глаз от Кейт. - Ты для меня как утреннее солнце, которое дарит мне каждый новый день. И я знаю: до тех пор, пока я смогу начинать каждый божий день с признания в любви тебе, до тех пор моя жизнь будет счастливой, несмотря ни на какие трудности и испытания, которые могут быть уготованы мне судьбой.

- О, Роберто!

Глаза Кейт сияли, и она всем телом потянулась к нему. Но, к ее удивлению, он ласково остановил ее и добавил к сказанному:

- Но в нашу брачную ночь я не только признался бы тебе в любви. От искренних, пламенных слов я перешел бы к нежным делам, жарким действиям. Очень скоро ты оказалась бы в моих объятиях и почувствовала нетерпеливое прикосновение моих пальцев, огонь поцелуев...

И Роберто начал страстно целовать ее, а она - таять от блаженства. Прошло несколько минут, и Кейт, прерывисто дыша, спросила:

- А потом?

- А потом я снял бы с тебя все одежды и стал целовать твое обнаженное тело, обследуя пальцами, губами и языком каждый его дюйм, каждый изгиб, все бугорки и ямочки.

От предвкушения самых сладостных мгновений любви у нее перехватило дыхание, участился пульс, по всему телу побежали трепетные мурашки; в томительном нетерпении она поудобнее расположилась на кровати и полностью отдалась во власть безудержных, все сильнее разгоравшихся ласк Роберто.

- А потом? - Ее голос перешел в жаркий, нетерпеливый шепот.

- Я стал бы ласкать и мять твои чудесные груди, целовать соски...

Роберто начал терять над собой контроль; он уже не мог сдерживать себя, не мог свободно продолжать свой чувственный монолог, потому что страсть все больше отодвигала любые слова на задворки сознания и все настойчивее требовала незамедлительного выхода, удовлетворения...

Они оба испытывали одинаковую потребность в физическом удовлетворении и уже не могли больше скрывать эту потребность друг от друга. Да и не хотели.

Потребность, которую разжег в ней он. И которая должна была стать венцом их столь желанного любовного союза.

И они отправились за этим венцом по самому таинственному, самому интимному, самому древнему пути человечества. И прошли его блистательно, получив друг от друга высшее из наслаждений, известных людям. Когда бурный оргазм начал одновременно возносить их на гребень сексуального восторга, Кейт, уже улетающая, проваливаясь в феерическую бездну блаженства, успела подумать, что о более счастливом начале их обновленного брачного союза не надо было даже и мечтать.

Спустя довольно продолжительное время, когда волны и всплески их одновременного экстаза улеглись и к ним вернулась способность нормально мыслить, Роберто прошептал на ухо жене:

- Китти, милая моя девочка, ты... действительно забеременела?

- Да, моя любовь. И на этот раз беременность не ложная. - Она взяла его руку и приложила к своему животу. - Вот здесь живет наш малыш или малышка, и с ним или с нею все в порядке. Плод развивается нормально и каждый день хорошо прибавляет в весе. На этот раз я проверялась официально и в надежном месте, причем проверялась уже несколько раз.

После ее слов Роберто вздохнул так глубоко и умиротворенно, что Кейт ненароком подумала, будто он всего мгновение назад очень по-доброму, тепло побеседовал с собственной душой. И тотчас она услышала его голос:

- В таком случае, я полагаю, тебе пора взглянуть вот на это...

И, приподняв подушку, он извлек из-под нее коробочку для ювелирных украшений, открыл ее - и перед ней засверкало необычной формы кольцо с рубином в виде сердечка, инкрустированного бриллиантами. Кейт восторженно ахнула, а Роберто сдержанным тоном сказал:

- Это кольцо я собирался подарить тебе в самом конце нашей брачной ночи, может быть, уже на рассвете следующего дня. Но тогда удача обошла меня стороной. Однако она вернулась сегодня, и я хочу, чтобы ты приняла это украшение сейчас и выслушала слова, которые я из-за сложившихся обстоятельств не смог сказать в ту обманувшую нас ночь. Китти, я прошу тебя оказать мне огромнейшую честь и стать моей женой. Прошу тебя также, если это возможно, не мучить меня слишком долго с ответом.

Пока он произносил эти слова, его взгляд все глубже и все безнадежнее утонул в зеленом омуте ее глаз, и он еще не закончил говорить, как в них засветился далекий огонек тихой, счастливой улыбки.

- Я не собираюсь мучить тебя, - прошептала она. - Ты услышишь его раньше, чем остановится это прекрасное мгновение. Ну конечно же, мой милый, хороший мой, я отвечаю тебе: да, да, да!